

КН. А. М. ВОЛКОНСКІЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА

и

УКРАИНОФИЛЬСКАЯ ПРОПАГАНДА

ТУРИНЬ
ВИКЕНТИЙ БОНА

1920

Для удешевлениі русскаго изданія и чтобы не задерживать
его выхода въ свѣтъ, намъ пришлось приложить къ нему схемы,
варанѣе подготовленныя для англійскаго изданія.

Опечатка. — На стр. 104 во 2-ой строкѣ параграфа „Но-
вовороссія“, вмѣсто „независимой“, надо читать „незаселенной“.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ

Загранична пропаганда української партії почти не встрѣтила противодѣйствія. Десяткамъ украинофильськихъ брошюре можно противопоставить едва 3-4 брошюры, освѣщающе иностранцамъ вопросъ беспристрастно; сотни статей остались безъ отвѣта. При такомъ непротивлениі, при такомъ безразличії нашемъ къ судьбамъ родины, правое дѣло сочувствія въ Европѣ не найдеть.

Здѣсь въ маломъ объемѣ мы свели не малый фактическій материалъ; собрать его въ нынѣшихъ условіяхъ, находясь за границей, задача не легкая. Но тысяча экземпляровъ брошюры, среди груды газетныхъ статей противоположнаго направленія, это капля въ морѣ, и работа наша останется втуне, если не найдутся другіе, которые пожелаютъ использовать ея данныя на страницахъ иностранной ежедневной печати.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Одною изъ цѣлей, къ которыя хотѣлися германскій міръ, подготовлян міровую войну — было расчлененіе Россіи. Державы Согласія идутъ теперь въ этомъ вопросѣ по пути, намѣченному Германіей: имъ остается лишь признать независимость всего юга Россіи (произвольно * названного Германіей Україното), и германскія мечты осуществляются.

Кто замыслилъ неправое дѣло, охотно принимаетъ за истину всякий софизмъ, въ которомъ усматриваетъ оправданіе своему замыслу. Этимъ объясняется, почему легенда о существованіи украинского народа и о русскомъ иго, тяготѣвшемъ надъ нимъ, такъ быстро привилась въ странахъ Согласія. Трудно найти лучшій примѣръ того, какъ путемъ печати создаютъ ложное общественное мненіе, чьмъ примѣръ пропаганды, ведущейся за границей украинофильской партіей.

Въ сего дняшніхъ газетахъ помышлено воззваніе г. Нетлюрикъ „украинскому народу“*. Г. Нетлюра объявляетъ —

* См. схему въ концѣ книги.

въ немъ, что „москали“ въковыи враги „украинцевъ“. А правда какъ разъ въ обратномъ: московскіе русскіе никогда врагами русскихъ въ Малой Россіи не были; болѣе того, только войны Москвы противъ Польши освободили малороссовъ отъ господства ихъ въковыхъ враговъ — поляковъ и вернули Украину въ политическую орбиту русского мира.

На этихъ страницахъ читатель найдетъ историческую правду. Фраза эта подсказана отнюдь не отсутствиемъ скромности, ибо я излагаю не собственное мнѣніе, — я лишь привожу цитаты авторитетовъ, начиная съ писателей и лѣтописцевъ греческихъ, арабскихъ и западныхъ IX вѣка вплоть до современного намъ историка русского искусства. Кіевскій лѣтописецъ Несторъ (XI вѣка) нашъ лучший союзникъ въ вопросахъ до-татарского периода, и не я, а выдающійся историкъ Ключевскій отвѣтить вамъ здѣсь, существуетъ ли украинскій народъ, и объяснить вамъ, какъ образовалась малорусская вѣтвь единаго русского народа.

Многочисленныя выдержки изъ документовъ, безспорные исторические факты, точныя хронологическія данныя, — я спѣлалъ все, чтобы быть убѣдительнымъ. Но я себя не обольщаю: пытъ худшаго глухого, какъ тотъ, кто не хочетъ слышать.

Личное свое мнѣніе я высказываю только, касаясь современного положенія вопроса. Тогда я говорю какъ публицистъ вполнъ свободный, ни отъ какой политической партии не зависящій. Лишь ничтожное число моихъ соотечественниковъ одобрятъ строки, гдѣ я затра-

тиваю въроцпостпдній вопросъ; зато, ить сомнѣнія, въ раздѣлѣтъ выскажанное здѣсь сужденіе о польскомъ имперіализмѣ *, — въ разлічія партій, отъ монархистовъ до главарей большевизма или, говори точнѣе, до тѣхъ немногихъ среди нихъ, въ комъ течетъ русская кровь.

A. B.

10 мая н. с. 1920 г.

Рижъ.

* См. схему № 1.

Одно изъ наиболѣе неожиданныхъ явленій, вызванныхъ міровой войной, — украинскій сепаратизмъ.

Подготовленное нашими противниками, но нежданное даже для насъ русскихъ, явленіе это застало западноевропейское общественное мнѣніе совершенно врасплохъ. На страницы газетъ Запада ворвались небывалыя названія *ucraini*, *ruteni*, *lituani*, *piccoli*, *grandi e bianchi russi* и рядъ голословныхъ утвержденій о томъ, что въ древности югъ Россіи жилъ отдѣльной жизнью, что Кіевъ былъ столицей не Россіи, а какойто Рутеніи, что въ XVII-омъ вѣкѣ существовало независимое казачье государство (*stato cosacco*). Читатели не знали, какъ относиться къ этимъ заявленіямъ. Одни повѣрили въ существованіе украинскаго народа и въ естественность освобожденія его, наряду съ польскимъ, отъ иноzemнаго — русскаго — господства. Другіе съ недоумѣніемъ спрашивали себя: „Что это за 30-ти миллионный народъ, живущій не гдѣ-то въ безбрежныхъ пространствахъ Сибири, а по сосѣдству съ Австріей? На его

территорії лежить хорошо извѣстный намъ Кіевъ и будто бы также и Одесса, столь легко намъ доступная. Какъ же мы раніе никогда не слыхали о его существованії ? “

Есть люди, которые все еще вѣрять, что Вильсоновскій принципъ самоопредѣленія народностей можетъ пройти въ жизнь во всей своей теоретической чистотѣ. Мы, напротивъ, убѣждены, что при практическомъ осуществлѣніи этого принципа въ бывшей Российской имперіи, племенное начало потеряетъ свое исключительное значеніе: противовѣсомъ ему явится иные факторы (экономическая выгода, необходимость совмѣстной обороны отъ германского міра, вѣковой навыкъ къ общей жизни съ русскимъ народомъ и пр.); мы думаемъ, что обособленіе даже не-славянскихъ частей Россіи, какъ-то Литвы, Эстляндіи или Грузіи, приметь въ конечномъ выводѣ смягченную форму мѣстной автономіи. Но станемъ па минуту на вышеуказанную точку зреїнія чрезмѣрио теоретичныхъ людей; тогда относительно Украины явится слѣдующая дилемма:

если украинскій народъ дѣйствительно существуетъ и живеть столѣтіями подъ гнетомъ сѣверной Россіи, то будущее его опредѣлено: подобно другимъ „ угнетеннымъ “, онъ долженъ образовать независимое государство, конечно въ предѣлахъ своихъ истинныхъ, а не преувеличеннѣихъ, этнографическихъ границъ;

если же напротивъ, малороссы (украинцы) лишь вѣтвь единой русской народности, отличающаяся отъ великорусской ея вѣтви небольшимъ различіемъ въ языке (различіемъ, создавшимся на глазахъ исторіи)

и подробностями обычаевъ; если въ извѣстные періоды существованія этой вѣтви судьба ея, въ силу внѣшнихъ, международныхъ, условій слагалась отлично отъ судьбы остальной Россіи; если къ тому-же Украина, оторванная отъ единаго русскаго тѣла, никогда самостоятельной не была, — то выдѣленіе ея въ отдѣльное государство было бы *не осуществлениемъ національного принципа, а нарушениемъ его.* Национальное начало выразилось нынѣ не въ выдѣленіи составныхъ частей большихъ народностей, а въ достижениіи каждою изъ этихъ народностей полнаго единства. Новыя славянскія государства объединяютъ единоплеменные народности разныхъ нарѣчій и даже языковъ; побѣжденная Германія и та на пути достижениія полнаго національного объединенія; Италія блестяще завершила свое единство, — было бы по меньшей мѣрѣ нелогично, еслибы для русскаго народа національная идея выразилась въ отдѣленіи его Mezzogiorno (1).

Авторъ задался цѣлью прослѣдить историческую судьбу юга Россіи, дабы, основываясь на неоспоримыхъ свидѣтельствахъ первоисточниковъ и сужденіяхъ столповъ русской исторіографіи, представить западно-европейскому читателю очеркъ дѣйствительныхъ взаимоотношеній южной и сѣверной части Россіи и дать ему материалъ для разрѣшенія вышеуказанной дилеммы. Выполненіе этой задачи должно было слагаться:

1) изъ разсмотрѣнія періода до-татарскаго, т. е. періода первоначального единства Россіи, который за-

(1) Mezzogiorno — бытовое название юга Италіи.

кончился отторженiemъ южной и западной Руси татарами, Литвой и Польшой и зарожденiemъ въ единой русской народности малороссийской ея вѣти;

2) изъ изложенія событий XVI и XVII вв., т. е. того периода, когда Малороссія (Україна), входившая въ составъ Польского государства, боролась за свою независимость и который завершился добровольнымъ возвращенiemъ ея въ лоно единой Россіи, и наконецъ,

3) изъ характеристики украинскаго литературнаго движенія во второй половинѣ прошлаго вѣка и германоавстрійской работы, направленной къ отторженію отъ Россіи ея юга.

Первый очеркъ (по болѣзни автора) запоздалъ почти на годъ; дальнѣйшее промедленіе лишило бы нашу работу всякаго практическаго значенія; приходится спѣшить съ изданіемъ хотя бы этого первого очерка. Чтобы дать скорѣе, хотя и невполнѣ разработанный, но болѣе полный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, мы нерѣдко выходимъ за грань избраннаго периода; въ этихъ случаяхъ мы вынуждены ограничиться самыми общими данными; читатель замѣтитъ, конечно, что слегка публицистической отг҃вѣнокъ этихъ отступленій ничуть не нарушаетъ строгости метода, принятаго при изслѣдованіи вопросовъ периода до-монгольскаго.

Такимъ образомъ, настоящій очеркъ обнимаетъ до-татарскій периодъ русской исторіи и посвященъ разбору фантастического утвержденія о существованіи Україны съ IX по XIII вѣкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дасть въ самыхъ общихъ чертахъ фактическій матеріалъ и для освѣщенія украинскаго вопроса въ позднѣйшіе вѣка.

Мы старались ограничиться возможно меньшимъ числомъ географическихъ именъ: любой школьный атласъ достаточенъ, чтобы слѣдить за изложениемъ.

Неясность терминологіи всегда выгода для тѣхъ, кто защищаетъ какое-либо неправильное положеніе и мы начнемъ съ выясненія точнаго значенія этнографическихъ наименованій, имѣющихъ отношеніе къ нашей темѣ.

1. — Слово «Украина».

Русское слово „україна“ (польское *ucraiña*) означаетъ „пограничная земля“ (по итальянски *paese di confine*); русское прилагательное *ukrainij* означаетъ то, что лежитъ у края, близъ грани (*presso il bordo*: у — *presso*, край — *bordo*). Очень знаменательно это значение слова, ибо ясно, что то, что именуется Україной, не есть нечто самостоятельное; такое название можетъ быть дано известной мѣстности лишь извнѣ, правительствомъ или народомъ, разматривавшимъ эту мѣстность, какъ нѣкій прилагательный къ своему государству. И действительно, для Литвы Кіевскія земли стали украиной (южной) со времени завоеванія ихъ сю въ концѣ XIV в.; для Польши — украиной (восточной) со времени объединенія Литвы и Польши во второй половинѣ XVI в.; для Московской Руси — украиной (юго-западной) со времени присоединенія Малороссіи въ половинѣ XVII в. Врядъ ли наименование Україна найдется въ памятникахъ ранѣе

конца XIV вѣка. У Московской Руси были и другія украины, — тѣ земли, которые лежали у границы Донской и Нижне-Волжской степи, занятой татарскими кочевьями. Граница эта (насколько вообще можно говорить о степной границѣ въ XIV-XVII вв.) постепенно, цѣнной тяжкихъ и столѣтнихъ усилій, подвигалась на югъ; соответственно мѣнялись и земли, къ которымъ прилагалось название украиныхъ (1). Замѣтимъ, что прилагательное „украинный“ примѣняется вовсе не только къ южной Россіи: классический „Толковый словарь русского языка“ Даля (изд. 1865 г.), объясняя это слово, приводитъ такіе примѣры: „Сибирские города встарь зывались украинами. А городъ Соловецкой мѣсто украинное“ (2).

(1) Читаемъ въ новгородской лѣтописи подъ 1517 г.: „по королеву совѣту Жигимонтову приходиша крымскіе татаровъ на великаго князя украину около города Тулы... безъ пути начаша воевати“. Въ 1580 г. вслѣдствіе тревожныхъ извѣстій, государь распредѣляетъ „какъ быть воеводамъ и людямъ на берегу (т. е. по Окѣ) по украинскимъ городамъ отъ крымскія украины и отъ Литовской“ (Др. Виэл., XIV, 368). Въ 1625 г. изъ Вадуекъ (на югъ нынѣшней Воронежской губ.) пишутъ, что чаютъ „приходу татаръ на наши украины“; обѣ этой опасности царская грамота тотчасъ же сообщаетъ воронежскимъ воеводамъ (Кн. Раз. I, 1063, 1106, 1133 и Ворон. акты 1851, I, 120). Подчеркнутыя имена даютъ представление о постепенномъ продвиженіи московской границы за эту сотню лѣтъ на югъ. Подобныя цитаты можно было бы привести въ изобилии.

(2)

Во Сибирской во украинѣ,

Во Даурской сторонѣ ...

начинается народная пѣсня про р. Амуръ, т. е. пѣсня, сложившаяся не ранѣе конца XVII вѣка.

Въ виду такого значенія слова „україна“, примѣненіе его къ пространству теперешней южной Россіи, когда дѣло идѣтъ о далекой старинѣ, о X или XIII в., является крупной ошибкой. Это имя тогда къ этимъ землямъ не прилагалось и прилагаться не могло, ибо значеніе его совершенно не подходило къ тогданѣй исторической ихъ роли: онѣ не были окрайной, здѣсь лежалъ государственный центръ, самое ядро государства.

2. — Русскія княжества, не Україна.

Государство, о которомъ рѣчъ, не было какая-то миоическая Rutenia или Україна, а то русское Кіевское княжество, которое было колыбелью русского народа и русской государственности. Здѣсь на р. Днѣпрѣ, на единственномъ для тѣхъ временъ торговомъ пути изъ Балтійского моря въ Царьградъ, въ концѣ IX вѣка зародилась сила, начавшая оружіемъ и торговлей объединять славянскія племена, которымъ жили въ лѣсахъ и поляхъ бассейна Днѣпра. Кіевскій лѣтописецъ монахъ Несторъ (въ $\frac{1}{2}$ XI в.) перечисляетъ имена этихъ племенъ; могу завѣрить читателя, что ни украинцевъ, ни рутеновъ въ спискѣ не значится, — по той простой причинѣ, что первыхъ тогда не существовало, а небольшое славянское племя, коему венгры давали название рутеновъ, жило за Карпатами, въ 700 кил. О князѣ Рюрикѣ нѣть другихъ свѣдѣній, кромѣ какъ въ русскихъ лѣтописяхъ, но о его сынѣ, князѣ Игорѣ,

имѣется свидѣтельство безспорное: въ 944 г. между этимъ русскимъ княземъ и императоромъ Византійскимъ Романомъ Лаканиномъ заключенъ торговый договоръ; тщетно вы искали бы въ его текстѣ намека, на какихъ то украинцевъ или рутеновъ, но зато въ немъ встречаются выраженія „русь“ (въ смыслѣ племени), „русины“, „страна русская“. „великій князь русскій“ (1). Точно также, когда въ 988 г., при внукѣ Игоря, Св. кн. Владимірѣ, крестилось киевское населеніе, то это событие известно въ древнихъ памятникахъ подъ именемъ крещенія не кого — либо иного, а „крещенія Руси“. Когда при мудромъ сыне его, князѣ Ярославѣ I (1019-1054) создавался въ Кіевѣ первый законодательный кодексъ, то онъ назывался не инымъ какимъ-либо именемъ, а „Русской Правдой“. Дочь Ярослава I, вышедшая за Генриха I, короля Франціи, известна во французской исторіи подъ именемъ *Anne de Russie*. Каждый школьникъ въ Россіи знаетъ, что на съездѣ князей въ 1103 году внукъ этого Ярослава, Владиміръ Мономахъ, убѣждалъ своего двоюродного брата „промыслить о русской землѣ“ и соединиться съ нимъ противъ азіатскаго племени половцевъ; тотъ согласился. „Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты русской землѣ“, сказалъ Мономахъ въ отвѣтъ на согласіе. Ясно, что живо уже было сознаніе, что земли племенъ дѣ-

(1) Въ болѣе древнемъ договорѣ кн. Олега съ греками (911) также говорится „родъ русскій“, „русь“, „князья русскіе“, „законъ русскій“, „русины“, „русская земля“.

провскаго бассейна составляли нѣчто цѣлое, — русскую землю.

Этотъ терминъ „русская земля“ былъ уже въ XI в. общепринятымъ стереотипнымъ выражениемъ и въ лѣтописи, и въ иныхъ литературныхъ памятникахъ. Такъ, великий князь кіевскій „думалъ и гадалъ о русской землѣ“; дѣло князей „блости русскую землю и имѣть рать съ погаными“; если кто ослушается нашего рѣшенія, говорить съѣздъ князей (1097), то „да будетъ на него крестъ честной и вся земля русская“; такой-то „голову сложилъ за землю русскую“; митрополитъ кіевскій титууется „митрополитомъ всея Руси“ и т. д. Въ 1006 г. нѣмецкій миссіонеръ Бруно гостила у кн. Владимира св.; въ письмѣ къ императору Генриху II Бруно называетъ Владимира „*Senior Ruzorum*“. Всѣ эти выраженія относятся къ XI и XII вв.

Но если такъ говорить источники, то какимъ образомъ, спросите вы, находятся люди, отрицающіе принадлежность кіевской древности русскому народу? Партийная логика, какъ известно, имѣть мало общаго съ нормальнымъ человѣческимъ мышленіемъ, а бумага, по русскому рѣченію, „все терпитъ“, особенно, когда она служить для политической анонимной пропаганды, да еще въ такое бурное время, какъ наше. У украинофильской партии есть свой историкъ г. Грушевскій, хорошо знакомый съ фактами кіевскаго периода, — какъ же поступаетъ онъ? А очень просто: въ его книгѣ (1)

(1) Михайло Грушевський, „Ілюстрована Історія України“, Кіїв-Львів, 1913.

слово „русскій“ когда дѣло идетъ объ опредѣленномъ историческомъ событіи или элементѣ, остается на мѣстѣ; но на ряду съ этимъ онъ позволяетъ себѣ обобщать всѣ русскія явленія и факты, происходившіе въ географическихъ предѣлахъ позднѣйшей Малороссіи, путемъ совершенно произвольного примѣненія къ нимъ словъ, которыхъ въ тѣхъ вѣкахъ не существовало, — словъ „Украина“ и „украинскій“. Слагаемыя и множители — русскіе, а сумма и произведеніе — украинскія. Не своеобразная ли ариѳметика?

Вотъ примѣръ. Въ Кіевѣ не было своей опредѣленной линіи князей; какъ будетъ видно ниже, кіевскій престолъ „добывали“ себѣ князья разныхъ линій Рюрикова по-томства, — члены единой, если можно такъ выразиться, всероссійской семьи. Но какое же это древнее государство, если у него нѣть своей династіи? Какъ же быть? Опять очень просто. Берется родословная Рюриковичей до XIV в., выкидываются изъ нея тѣ линіи, которые въ дальнѣйшемъ пріобрѣли характеръ мѣстныхъ въ другихъ частяхъ Россіи, и надѣ родословной ставится заглавіе: „Родословіе Украинскихъ князей кіевской династіи!“ — Когда-то я особенно интересовался родословіемъ Рюриковичей, былъ хорошо знакомъ съ обширной и серіозной литературой вопроса и могъ бы назвать княжества XIV и XV вв. столь мелкія, что о нихъ ничего, кромѣ имени, географического положенія и родословія ихъ князей, неизвѣстно (1); знакомы мнѣ

(1) Чтобы не быть голословнымъ, перечислимъ для примѣра подраздѣленія черниговскаго княжества. При внукахъ Св. кн. Ми-

и названія тѣхъ „великихъ княжествъ“, „земель“, „удѣловъ“, „волостей“ и „отчинъ“, кои обобщали раздробленныя частицы русской земли; но одного я не встрѣтилъ ни въ одномъ изъ десятковъ томовъ, мною просмотрѣнныхъ, — „украинскаго княжества“ и „украинской“ линіи князей. Мнѣ остается только поблагодарить г-на Грушевскаго за его „научное“ открытие, пополнившее мои генеалогическія познанія.

Блестяще начиналось русское государство. Семья Рюриковичей, глава которой сидѣлъ на Кіевскомъ престолѣ, правила въ XI и XII вв. на сѣверѣ Новгородской землей, на востокѣ Ростовской (1), на юго-востокѣ

хайла черниговскаго, замученного въ 1246 г. татарами за отказъ поклониться идоламъ, т. е. съ конца XIII в., черниговское княжество дѣлится на удѣлы: брянскій, глуховскій, карачевскій, тарусскій, оболенскій, мышагскій, конинскій и волконскій; въ XIV в. выдѣляются еще удѣлы новосильскій, одоевскій, воротынскій. Тамошніе князьки по теоріи г. Грушевскаго являются „украинцами“ (см. карту на стр. 107 его „Історії“); но одни изъ нихъ передаютъ сами свои удѣлы в.-ки. московскому, удѣлы другихъ силою вещей поглощаются Москвой же; многочисленное потомство ихъ переходитъ въ XV и XVI в. въ Москву, где вливается въ классъ служилыхъ людей. (Однѣ линіи этихъ черниговскихъ Рюриковичей сохранили свои территоріальные названія въ видѣ фамилій, другія приняли личное прозвище какого-либо изъ своихъ предковъ, напр. Барятинскіе, Горчаковы, Долгоруковы, Репинны, Щербатовы и пр.).

(1) Ростовъ (сѣверный), — городъ на одномъ изъ правыхъ притоковъ верхней Волги, былъ съ древнѣйшихъ временъ русской исторіи центромъ обширной области, которая въ послѣдующіе вѣка заняла все пространство между верхней Водгой-

русской колоніей, Тмутораканскимъ княжествомъ (у Азовскаго моря) (1), на западѣ княжествомъ Галицкимъ (2). Значитъ земля русская обнимала тогда не только западную четверть новорожденной нынѣ германской Украины, но и не малую часть большевицкой Россіи. Россія жила тогда въ общепріи съ остальной Европой; раздѣленіе церквей (1054) еще не нарушило этой связи, монгольское иго еще не порвало ея. Какъ на признакъ этой связи, укажу, что Ярославъ I былъ женатъ на шведской принцессѣ, сестра его была за королемъ польскимъ, сынъ былъ женатъ на сестрѣ

и р. Окою. Область эта — географическій центръ позднѣйшей Европейской Россіи — дастъ начало главнѣйшимъ русскимъ рѣкамъ (Волга, Зап. Двина, Дибръ) и самой природой предназначена была стать также и политическимъ ея средоточіемъ. Областной центръ изъ Ростова постепенно переносился на югъ въ Суздаль (1-ая половина XII в.), Владимиръ (2-ая пол. XII в.) и наконецъ въ Москву (XIV в.). Эту область, дѣлившуюся на многія княжества, и принято называть въ періодѣ до возведенія Москвы общимъ именемъ Ростовско-суздальской земли.

(1) Тмутораканское княжество было расположено вѣроятно на Таманскомъ полуостровѣ; просуществовало недолго.

(2) Галицкая Русь (восточная часть нынѣшней Галиції) входила въ составъ русского государства съ Владимира Св.; съ конца XI в. въ ней обособляется одна изъ лицей Рюриковичей; столица ихъ въ Галичѣ; раздѣлъ княжества при кн. Даниилѣ (1249-64), получившемъ онъ паны титулъ короля; онъ перенесъ столицу въ Холмъ. Послѣдній независимый галицкій князь, Юрий II, умеръ въ 1340 г. Съ 1349 (а окончательно съ 1387 г.) княжество завоевано Польшей; оставалось подъ сиѣ господствомъ до 1773 г., когда послѣ 2-го раздѣла Галиція была присоединена къ Австріи.

короля польского (1); три дочери его — королевы: норвежская, французская и венгерская; внукъ женатъ на дочери короля Гарольда Англійскаго. Кіевъ, „матерь городовъ русскихъ“, удивляя иноземцевъ богатствомъ и культурой своеї; одиѣхъ церквей въ немъ было до 400; были монастыри, школы, была каменная крѣпость; Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константиноополя ...

Не странно ли спорить о томъ, какъ звалось такое государство, точно дѣло идетъ о полудикой ордѣ кочевниковъ, и придумывать ему небывалыя имена Україны или Рутеніи ? !

3. — Слово « Рутенія ».

„Столицею „Рутеніи“, южной (!), читаемъ мы въ одной мзъ итальянскихъ газетъ; былъ 1000 лѣтъ тому назадъ Кіевъ. Въ X и въ XI вв. Рутенія представляла собою сильное государство ...“ Нетолько въ X вѣкѣ, но даже и въ XX, имя „Рутенія“ въ Россіи неизвѣстно: вы его не найдете, — какъ не найдете и слова „рутенъ“, — ни въ вышеприведенномъ словарѣ Даля, ни въ 40 томахъ „Русской Энциклопедіи“ (изд. 1902 г.), ни

(1) Другой сынъ женатъ на дочери византійскаго императора (мать Владимира Мономаха).

въ 29 томахъ „Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьевъа (1).

Терминъ *ruteni* встречается впервые у Цезаря; онъ обозначаетъ имъ гальское племя, жившее на югѣ нынѣшней Auvergne; память о немъ сохранялась долго въ такихъ названіяхъ какъ *Augusta Rutenorum* въ Овернь; племя это, очевидно, никакого отношенія къ славянамъ не имѣть; это лишь случайное созвучіе (2).

Въ Венгріи при династіи Арпада (997-1301) именемъ *ruteni* обозначали славянское племя, жившее (и нынѣ живущее) подъ южными склонами Карпатъ, то самое, которое въ маѣ 1915 г. уже видѣло, увы на короткое время, авангарды русской арміи, спускавшіеся для его освобожденія. Въ подобныхъ случаяхъ, т. е. въ примѣненіи къ славянскимъ племенамъ, слово *ruteni* (*rutheni*) есть ни что иное, какъ искаженное русское слово *русины*, которое встречается въ древнихъ русскихъ памятникахъ, хотя и рѣдко, но одинаково какъ въ

(1) Въ *Русской Энциклопедіи* слово „рутенъ“ упомянуто въ статьѣ „русины“ въ качествѣ сго перевода или точнѣе его иностранного искаженія.

(2) Въ *Catholic Encyclopedia*, въ статьѣ *Ruthenians* познанія вродѣ *Augusta Rutenorum* объясняются поселеніемъ въ южной Франції славянъ, взятыхъ въ пленъ Аѣціемъ при пораженіи гунновъ въ битвѣ при Шалонѣ (451). Нѣтъ ни малѣйшаго основанія прибѣгать къ такому сложному объясненію при наличії семикратнаго упоминанія въ *De Bello Gallico* о галлахъ-рутенахъ. Въ указанной статьѣ вообще чувствуется вліяніе украинофильской пропаганды; нельзя не пожалѣть о такой неосмотрительности въ серьезномъ изданіи.

кіевскихъ (см. выше о договорахъ Х в. съ греками), такъ и въ новгородскихъ (напр., въ договорѣ съ нѣмцами 1195 г.); въ этихъ памятникахъ слово *rijsint* никакого особенного племенного значенія не имѣть, оно является синонимомъ слова „*русскій*“ (*russkii* или *rijsint*, множественное число — *руsskiе*, собирательное — *руssы*).

Въ средніе вѣка терминъ *ruteni* или *rutheni* появляется у лѣтописцевъ (впервые у польского лѣтописца XI-XII в. *Martinus Gallus*) въ весьма неопределѣленномъ значеніи; датскій историкъ *Saxo Grammaticus* (1203) примѣняетъ его для обозначенія прибалтійскихъ славянъ христіанъ, въ отличіе отъ ихъ соплеменниковъ язычниковъ; встрѣчается оно и какъ средневѣковое латинское название русскихъ вообще (1). Позднѣйшіе, болѣе свѣдущіе въ русскихъ дѣлахъ, писатели избѣгаютъ его. Такъ, извѣстный Герберштейнъ, императорскій посолъ въ Москву (1517), разсуждая на 1-ой страницѣ своихъ Записокъ о происхожденіи слова „*русскій*“, упоминаетъ, что по нѣмецки русскихъ называютъ *Reissen*, на латинскомъ языкѣ *rutheni*, но далѣе нигдѣ уже этого слова не употребляетъ (2). Не упоминаетъ его и *Paolo Giovio* изъ Комо, писавшій о Россіи въ 1525 г. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ возобновлять отжившія неясныя названія? Не

(1) Какъ увидимъ ниже, не менѣе обычнымъ нашимъ названіемъ и по латыни было: *russi*, *Russia*.

(2) На картѣ базельского изданія его записокъ (1556) верхнее течение З. Двины обозначено „*Dvina ruthenica*“, нижнее течение — „*Dvina germanica*“; но и Волга тоже названа „*Volga ruthenica*“.

станемъ же мы называть Китай — Cathayum, Балтійскoe море — Варяжскимъ и искать въ Россіи Штоломеевыхъ Рифійскихъ горъ? Къ тому же, имя *ruthenі* имѣеть то неудобство, что обозначаетъ и вѣроисповѣдное, и народное начало.

Племя *rutenorum* въ Венгріи, въ силу своего географического положенія, были первымъ, среди котораго была введена церковная унія (XIII в.). Церковный латинскій языкъ усвоилъ имя *ruthenus* для обозначенія уніатскаго обряда съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ (1) среди также и другихъсосѣднихъ славянскихъ племенъ и переносиль этотъ терминъ все далѣе на востокъ, — въ Галицію, Польшу и Малороссію. Это не удивительно, — Церковь консервативна въ своемъ языке, а цѣли ея выше племенныхъ различій.

Иное значеніе пріобрѣлъ этотъ терминъ въ устахъ австрійского правительства: онъ сталъ съ середины прошлаго столѣтія средствомъ порвать у русскихъ галичанъ сознаніе родства съ русскимъ народомъ, жившимъ подъ скипетромъ русскаго императора: тамъ — *russkie*, а вы молъ — *rutenyi* “. Произвольная номенклатура племенъ, введеніе той или иной азбуки, измѣненіе правописанія (2), — все это излюбленныя австрійскимъ правительствомъ средства политической борьбы.

(1) Строго говоря, отдельного *ritus ruthenus* не существуетъ, а есть измѣненія, внесенные прикарпатскими и галиційскими народностями и польскимъ латинскимъ духовенствомъ въ византійскій обрядъ.

(2) Въ Галиції введено фонетическое правописаніе: изъ русской азбуки выбросили три буквы и прибавили двѣ новые; — разница

Для определенія личности племени важно не то, какъ его называлъ иночлененный лѣтописецъ, узнавшій о его существованіи быть можетъ впервые изъ списка своего предшественника, не то вообще, какъ его имеютъ другіе народы, а то какъ онъ называетъ себя самъ. По австрійской терминологіи все славянскія племена (кромѣ польского народа и словаковъ), живущіе въ Галиції, Буковинѣ и с.-в. Венгрии (всего около 5-ти миллионовъ) называются *Rutenen*, но сами они себя называютъ въ Галиції — русскими или русинами, въ Буковинѣ — русинами, русскими и малороссами, въ Венгрии — русскими, малороссами и русняками. Национальное сознаніе этихъ племенъ старательно забивалось; немногочисленный культурный классъ до послѣдняго времени систематически онъмечивался или ополячивался; не мудрено поэтому, что общаго названія для нихъ не создалось, все же наиболѣе распространенное название „русинъ“ и „русскій“ (1), — фактъ для ав-

въ цѣлыхъ 5 буквъ — чего же лучше! Этимъ имению искусственнымъ „украинскимъ языкомъ“ написана „Історія України“ Грушевскаго, который всемъбрю стремится сдѣлать его отличнымъ отъ русскаго. Цѣли своей онъ не достигаетъ: культурный русскій человѣкъ, преодолѣвъ съ иѣкоторымъ усилиемъ первыя 2-3 страницы, читастъ книгу потомъ свободно. Зато не понимасть „украинскаго азыка“ простолюдинъ-малоросъ: по словамъ проѣхавшей надняхъ чреазъ Римъ русской делегаціи, насильственное его введеніе въ официальную переписку вызвало въ Українѣ весьма сильное неудовольствіе.

(1) Вотъ подраздѣленіе русинъ (по иѣмецки *Russinen* и *Ruthenen*). 1) *Въ Галиціи* (въ восточной ея части за р. Санъ),

стрійськаго правительства не изъ пріятныхъ и конечно не изъ преданности къ средневѣковому схоластическому языку предлоило оно закрѣпить за этими племенами, какъ обобищающее название, имя *ruteni* (1).

Съ конца прошлаго вѣка въ австро-германскихъ планахъ стала рисоваться заманчивая картина отды-

покутине [округа-городовъ Кутъ и Коломыя], гуцулы [Коломыя, Станиславовъ, Косовъ], подолине [къ сѣв. отъ Днѣстра], бойки, сами называющіе себя горнами [окр. Стрыя], лемки, сами называющіе себя русинками; всѣ они говорятъ на томъ же нарѣчіи, подраздѣляющемся на 4 говора, — подольскій, гуцульскій, бойковскій и лемковскій. 2) Въ Буковинѣ [въ сѣверной и с.-западной части, въ окр. Коцманскомъ, Черновецкомъ, Выжницкомъ и Серетскомъ]: подолине или полине и гуцулы [въ горахъ западной Буковины]. 3) Въ Венгрии: около 400.000 чел. по южнымъ склонамъ Карпатъ въ с. — восточной части ся, въ комитатахъ Шаритскомъ, Ужгородскомъ, Бережскомъ, Угочскомъ и Мармарошскомъ: верхбнци или горышиане — въ горахъ; долинине или долышане, они же влаки (блаки) — въ долинахъ; спишаки или крайинине — оставленные румыны; значительная часть этого населения вышла изъ сѣверной малороссийской части Россіи (изъ Черниговской и смежныхъ губерній). Рук. Энц.

(1) Эти *ruteni* (*russini*), кои за послѣдніе два года переименованы въ украинцевъ, ничто иное, какъ *russi irredenti* (подлежащіе освобожденію русскіе). Они 530 лѣтъ подъ иностраннымъ владычествомъ и дѣйствительно „ угнетенный народъ “. О дальнѣйшей судьбѣ его, съ точки зренія Вильсоновскихъ принциповъ не можетъ быть двухъ мнѣній: войдя въ орбиту русского народа, онъ долженъ раздѣлить политическую судьбу его малороссийской вѣтви. Работу украинскихъ комитетовъ въ Сѣверной Америкѣ въ этомъ смыслѣ мы можемъ только привѣтствовать.

ленія южной Россіи отъ остальной; тогда измѣнилась и правительственная пропаганда: „тамъ, за границей, у Кіева не русскіе, а такие же рутені, какъ и вы сами“¹. Что сходство между населеніемъ по обѣ стороны границы иногда приближается къ тождеству — это вѣрно, но чтобы въ южной Россіи жили „рутены“ это выдумка: скажите это слово въ Черниговской или Полтавской губ., вѣсЬ не поймуть: не поймуть о чёмъ вы говорите, о растеніи, животномъ или минералѣ. На Украинѣ крестьянинъ называетъ себя малороссомъ, хохломъ, или русскимъ; слово „рутень“ не существуетъ (1).

А теперь вдругъ оказывается, что и древней Кіевской Руси никогда и не бывало, — даже 1000 лѣть назадъ была только Ruthenia! Такъ искажается исторія, когда это полезно австро-германскимъ политикамъ.

4. — Слово «Россія».

Мы разсмотрѣли два паспорта, изготовленные за послѣдніе 20-30 дѣтъ для Руси кіевского периода при благосклонномъ содѣйствіи австрійского правительства;

(1) Слово „русины“ въ предѣлахъ Россійской Имперіи поймутъ лишь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Австріей — въ западной части Волынской губ., въ Холмской губ. и въ Хотинскомъ уѣздѣ Бессарабской губ., гдѣ дѣйствительно „говорятъ русинскимъ говоромъ малороссийскаго нарѣчія“. Рук. Энц.

читатель, конечно, убѣдился въ ихъ подложности. Скажемъ теперь иѣсколько словъ о паспортѣ законномъ.

„Русь“, „руssкіе“ — вотъ единственное название, обобщающее племена и земли древней Россіи. Слово „русь“ имѣть два значенія: первоначальное — племенное, позднѣйшее — территоріальное. По извѣстію кievскаго лѣтописца, „русью“ называлось то варіжское (скандинавское) племя, изъ котораго были призваны Рюриковичи (1); Соловьевъ вполнѣ логично предполагаетъ, что оно играло роль на путі изъ варяговъ въ греки задолго до призванія князей. Территоріальное название „Русь“ примѣнялось двояко: въ смыслѣ

(1) Украинофильская теорія очевидно не можетъ мириться съ фактомъ призванія князей: „русь“ для нея должна быть племенемъ „украинскимъ“ и слово „русь“ должно родиться (какъ и династія рюриковичей) на „Украинѣ“. Дѣло легко исправимо: показаніе лѣтописи (см. вдѣсь примѣчаніе на стр. 28) г. Грушевскаго попросту отрицаются. Но вотъ бѣда: извѣстны имена пословъ кн. Олега въ 911 г. въ Царьградъ. Изъ 14 человѣкъ только у двухъ имена, могущія быть славянскими; остальные несомнѣнно норвежцы. Тогда въ Кieвѣ было много нормановъ, Олегъ ихъ и послалъ, — таковъ смыслъ наивнаго объясненія г. Грушевскаго. Но какъ могъ бы князь *не скандинавецъ* отправить въ Византію послами сплошь скандинавцевъ? И чѣмъ объяснить скандинавскія имена первыхъ Рюриковичей: Рюрика (Hrōrek), Сигиуса (Signiutr), Трувора (Thorvardtr), Ольги (Helga), Игоря (Ingvarr) и Олега (Helgi), сказаніе о смерти котораго отъ укуса вмѣни имѣется и въ русской лѣтописи, и въ норвежской сагѣ?

„Историкъ не имѣетъ права “...” строить исторію, не обращая никакого вниманія на свидѣтельство лѣтописца“, говорить Соловьевъ, какъ бы предвидя появленіе историковъ украинофильскаго типа.

обобщающемъ всѣ русскія земли („ митрополитъ Кіевскій и всея Руси “) и въ болѣе тѣсномъ — для обозначенія собственно Кіевскаго княжества (XII в.); постепенно название стало распространяться и на другія земли (на Черниговъ, Волынь, Новгородъ(1), Галичъ, и пр. Новгородская волость „ старѣйшая во всей Русской землѣ “, записано въ лѣтописи подъ 1206 года. Великій князь литовскій Гедиминъ (1316-41) титулуется въ Вильнѣ „ великимъ княземъ литовскомъ, жмудскомъ и русскимъ “ (2)). Съверо-восточная Русь другого обобщающаго названія, кромѣ „ Русь “ и „ Россія “ (3) не имѣла: по-русски слова

(1) Договоръ о мирѣ Новгорода съ нѣмцами (1188 или 1195 г.) противопоставляетъ нѣмцевъ „ руси “ и говоритъ о „ русскихъ “ городахъ.

(2) Великое княжество Литовское состояло на $\frac{2}{3}$ изъ русскихъ западныхъ княжествъ; русскіе въ немъ главенствовали, семья литовскихъ князей обрускала, официальнымъ языкомъ былъ русскій; всемъ этимъ объясняется и титулъ.

(3) Отъ слова „ Россія “ есть рѣдкое прилагательное „ россійский “; оно примѣняется нынѣ въ официальномъ торжественномъ языке и примѣнилось въ литературѣ въ напыщенномъ слогѣ XVIII в.; впервые оно значится въ памятникахъ, если не ошибаюсь, въ грамотѣ на избрание первого царя изъ дома Романовыхъ (1613). При примѣненіи къ современной Россіи въ слово *Русь* влагается чувство (любви, скорби, ... для русскаго изданія прибавимъ: „ или стыда “); въ словѣ *rossijskij* слышится империалистическая идея; слово *Rossia* - какъ бы спокойное, дѣловитое наименование. Останавливаюсь на этихъ подробностяхъ, ибо украинофильская пропаганда старается играть на этомъ разнообразіи названий, уѣбъя иностранцевъ, будто *Русь* и *rossijskij* относятся къ Кіеву, а *Rossia* и *rossijskij* къ Москвѣ и Петербургу!

moscoviti не существуетъ (1); оно создалось на западѣ, когда могучество московскаго великаго князя заслонило собой отъ иностранныхъ взоровъ остальную Россію (2).

Чтобы покончить съ номенклатурой, привожу въ примѣчаніи рядъ латинскихъ цитатъ, свидѣтельствующихъ, что и на этомъ языкѣ во всѣхъ вѣка говорилось *Russia, russi* (3). Какъ и слово *ruteni*, названія эти

(1) Отъ слова „Москва“ есть одно производное существительное: „москвичъ“, обозначающее жителя Москвы и лишенное всякой политической окраски (ср. Frascatano). *Moscovito* звучитъ теперь для русскаго уха слегка презрительно, также, какъ и польское „мѣскаль“.

(2) Paolo Giovio пишетъ въ 1525 г.: „название этого народа Московитами стало известно только недавно“.

(3) Въ западныхъ лѣтописяхъ имѣется известіе, что къ императору Оттону I приходили „Legati Helenae [христіанское имя Ольги] reginae russorum“ (Х в.). Грамота Папы Григорія VII-го въ 1075 г. называетъ Изяслава (сына Ярослава I) „Rex Ruscorum“; другая его грамота того же времени увѣщиваетъ короля Польскаго возвратить Изяславу „Regi Ruscorum“ отнятыхъ у него земли. [*Ruscorum* правильноѣ, чѣмъ „*russorum*“; можно предположить, что эта правильная форма слѣдствіе пребыванія въ Римѣ одного изъ сыновей Изяслава, предлагавшаго свои земли въ ленъ Св. Престолу; очевидно, на вопросъ, какъ называется его народъ; князь отвѣтилъ такъ же, какъ отвѣтили бы мы сегодня: „Мы russkie“; откуда родительный *russorum*]. Plano Carpini (XIII в.) пишетъ о „Kiovia, quae est Metropolis Russiae“. Грамота папы Инокентія IV-го 1246 г. принимаетъ Даниила Галицкаго, *Regem Russie*, подъ покровительство Св. Престола; въ I-омъ томѣ документовъ, собранныхъ А. Тургеневымъ въ Ватиканскомъ архивѣ (*Historiae Russiae Monimenta*, изд. 1841), можно найти свыше 10 грамотъ Даниилу Галицкому, всѣ со словомъ *Russia*. Сохранилась грамота галицкаго князя Юрія II (1340), гдѣ онъ называетъ себя: „Dei gratia natus dux minoris Russiae“.

примѣнились безразлично и къ южной Россіи (напр., къ Галиції), и къ сѣверной (напр., къ Новгороду), (1) и къ Русско-литовскому государству (2). Изъ этихъ цитатъ обращаетъ на себя вниманіе грамота Юрія II галицкаго: она свидѣтельствуетъ, что въ послѣдніе годы существованія галицкаго княжества, когда верхи его населенія вполнѣ уже были захвачены западной культурой, официальное название его было не Ruthenia, а Russia. Это къ тому же первое упоминаніе слова Малороссія въ документахъ (3). Отъ слова „Малороссія“ (а не отъ мнимаго малаго роста) произошло название „малороссы“, которое было обычнымъ названіемъ населенія Украины

(1) *Hist. Rus. Monimenta*, I, документъ CXIX.

(2) *Eod.*, док. LXXIX и XC.

(3) Сохранилась печать Юрія I-го, князя галицко-волынского (умеръ старикомъ не позднѣе 1316 г.); на ней надписи: „S. (т. е. печать) Domini Georgi Regis Russie“ и „S. Domini Georgi Ducis Ladimerie“ (Ladimeria — земля города Владимира Волынского, т. е. Волынь). Юрій II пользовался печатью своего дѣда и это не было анахронизмомъ; правившій посль него до 1349 г. галицкой землей бояринъ Димитрій именовался „Provisor seu capitaneus terre Russie“; Владиславъ опольскій, послѣднее лицо, княжившее, хотя и несамостоятельно, въ Галиціи (1372 - 78), имѣлъ печать съ надписью „Ladislau D. Gratia Dux Opolient ... et terre Russie domin e heres“. Такимъ образомъ, мы имѣемъ свидѣтельства почти за цѣлый вѣкъ, что Галиція называлась Россіей; она называлась такъ не только при князѣ польского происхожденія (отецъ Юрія II былъ изъ князей мазовецкихъ), но и тогда, когда находилась уже совершенно подъ польскимъ владычествомъ. Это лишь косвенно относится къ нашей темѣ, но въ виду польскихъ претензій на Галицію не лишено злободневнаго интереса.

вплоть до 1917 года, когда ему навязали имя украинцевъ, чтобы изгнать изъ самого имени свидѣтельство о единствѣ русскаго народа. Слово украинецъ хотя и существовало (кажется съ прошлаго вѣка), но произносилось такъ рѣдко, что когда въ 1917 году его ввели въ употребленіе, мы русскіе (въ томъ числѣ и малороссы) спрашивали другъ друга, гдѣ на немъ ставить удареніе (1).

Съ тою же цѣлью изгнанія изъ имени указанія на единство русскаго народа появилось въ послѣдніе дни въ газетахъ запада для обозначенія белорусовъ дикое название *les ruthènes blancs, ruteni bianchi!*

Русскіе люди! Неужели не щемить вамъ сердце отъ стыда, слыша, какъ вамъ даются какія-то клички, видя, какъ среди васъ находятся готовые рабски ихъ повторять? Не дорожитъ своимъ именемъ лишь „непомнящій родства“, если онъ къ тому же лишенъ сознанія личнаго достоинства. Для человѣка перемѣна имени это часто признакъ потери гражданскихъ правъ. Не страшный ли это признакъ и для народа?

Когда нибудь будуть напечатаны данныя опросовъ нашихъ солдатъ, прошедшихъ чрезъ австро-германскій плѣнъ; тогда русское общество узнаеть, какъ въ специальныхъ школахъ пропаганды нации враги прививали десяткамъ тысяч (!) нашихъ темныхъ „малыхъ сихъ“ мысль, будто они не русскіе, а отдельный украинскій

(1) Удареніе очевидно должно быть на *а*, ибо по-русски говорится *Украина, окраина, украинский, окраинный*.

народъ, не бѣлоруссы, а рутены, и какъ съ истиной дѣя-
вольскимъ искусствомъ и сатанинскай злобой виѣдрили
въ ихъ души ненависть къ братьямъ и къ матери-
родинѣ. Цѣль враговъ ясна, но каково должно быть
партийное осѣниленіе, чтобы сиѣшить на встрѣчу ихъ
желанію раздробить Россію и тѣмъ обеспечить пора-
бощеніе германцамъ и Великой, и Малой, и Бѣлой ея
части. Братья, опомнитесь, покуда не поздно.

Обобщимъ сказанное о древнемъ періодѣ. Мы почти
воздержались отъ личнаго мнѣнія; за насъ говорили
цитаты документовъ. Голоса этихъ ветхихъ, безстраст-
ныхъ свидѣтелей даютъ по нашему вопросу отвѣтъ
вполнѣ опредѣленный, а именно:

- 1) Страна, заселенная русскимъ народомъ отъ
Карнатъ до Бѣлаго моря и Суздаля, отъ Новгорода до
Кіева, — была не чѣмъ инымъ, а *Rossieй*;
- 2) Народъ, населявшій эту страну, называлъ себя
самъ *русскими*, одинаково и въ Галиціи, и въ Новгородѣ,
а землю свою называлъ *Русью*;
- 3) Иноzemцы называли Россію *Russia*, а русскихъ
russi; но примѣняли также и искаженные названія
Rutenia, *ruteni*. Въ примѣненіи этихъ 4-хъ имёнъ
иностранныы никакого различія между сѣверомъ и югомъ
Россіи не дѣлали: и кіевскіе, и новгородскіе русскіе
одинаково назывались то *russi*, то *ruteni*;
- 4) Наконецъ, имени *Украина* и въ поминѣ нѣть
ни въ до-татарскій періодѣ, ни 150 лѣтъ позже; название
украинецъ родилось еще нѣсколькими вѣками позднѣе.

Не ясно ли, что стремлениe украинофильцевъ использовать различіе именъ (*russi* и *ruteni*) въ томъ смыслѣ, будто на съверѣ Руси жилъ иной народъ, чѣмъ на югѣ ся, ничего общаго съ исторической правдой не имѣть. Утвержденіе о существованіи кіевской *Rutenia*, какъ государства отличнаго отъ Россіи, или о существованіи Україны въ до-татарскій періодъ есть не болѣе, какъ беззастѣнчивая *политическая мистификація*, ведомая въ разсчетѣ на малое знакомство иностраннаго общества съ древней русской исторіей и съ русскимъ языккомъ (1).

Въ вопросѣ названій мы вышли за поставленную себѣ хронологическую границу. Вернемся къ Кіевской Руси.

(1) Досадно видѣть вліяніе этой мистификаціи въ такой области, куда тенденціовыи измышленія доступна быть не должно. Въ „*Dublin Review*“ (октябрь 1917) о. А. Фортескью въ интереской статьѣ „*The Uniat Church in Poland and in Russia*“ даетъ обстоятельную и грустную картину нетерпимости правительства обоихъ этихъ государствъ къ русскимъ католикамъ; къ сожалѣнію, на первыхъ трехъ страницахъ авторъ повторяетъ, безъ всякой критики, главнѣйшія украинофильскія измышленія, касающіяся до-татарскаго періода. Недоразумѣніе объясняется просто: украинофильская политическая пропаганда издаетъ свои брошюры на многихъ языкахъ, тогда какъ наши славные историки, искавши линіи правды, писали свои увѣсистые томы только на трудно доступномъ для иностранцевъ русскомъ языкѣ.

5. — Разореніе Кієва княземъ Суздальскимъ
въ 1169 г. (1).

Утверждая, будто Кіевская земля въ первые вѣка русской исторіи составляла самостоятельное государство Україну или Рутенію, украинофильская партія вынуждена замалчивать общность жизни этой земли до конца XIII в. съ остальными частями Россіи. Задача не изъ легкихъ, но и она разрѣшается „просто“.
Надъ народной жизнью производится та же операція, что была произведена надъ родословной Рюиковичей. „Исторія“ г. Грушевского какъ бы отсѣкаетъ весь съверъ Россіи отъ юга; онъ сгущаетъ въ своей книжѣ всѣ краски мѣстной южной жизни (въ Кіевщинѣ, на Волыни и въ Галиціи), о съверѣ же говорить лишь за времія первыхъ кіевскихъ великихъ князей (когда въ Новгородѣ сидѣли ихъ сыновья или братья); затѣмъ съверъ какъ бы исчезаетъ съ исторического горизонта и лишь борьба суздальского князя въ серединѣ XII в. за обладаніе кіевскимъ престоломъ вновь заставляетъ автора вспомнить о съверѣ, для того, чтобы выставить его въ качествѣ враждебной югу силы. Въ рукахъ украинофильской пропаганды взятіе Кіева кн. Андреемъ Суздальскимъ (1169) есть важный козырь, долженствующій въ глазахъ иностранцевъ свидѣтельствовать о

(1) Гор. Суздаль лежитъ въ 200 кил. къ в.-с.-востоку отъ Москвы (см. прим. 1 на стр. 11).

томъ, что позднѣйшее главенство сѣвера (Москвы и Петрограда) было владычествомъ иноземнымъ! Мало-свѣдущее въ русской исторіи и жизни иностранное общественное мнѣніе готово принять подобное утвержденіе на вѣру. Изложимъ общепризнанный въ исторической литературѣ взглядъ на кievскій періодъ нашей исторіи и остановимся на частномъ эпизодѣ похода 1169 г.

Въ Киевѣ былъ узель русской государственной жизни, но создавалась она не только изъ этого центра. Она родилась не отъ меча; ее породилъ великий торговый водный путь отъ Финского залива до Черного моря; близъ одного его конца стоялъ Киевъ, близъ другого Новгородъ. Чрезъ Новгородъ пришла отъ нормановъ правительственная власть (1), чрезъ Киевъ пришло отъ грековъ

(1) Какъ сказано выше, украинофильцы отрицаютъ фактъ призыва князей-варяговъ. Соловьевъ, подробно разобравъ извѣстія лѣтописца о призвании варяговъ, обстоятельно доказалъ, что извѣстія эти этнографически, географически и психологически правдоподобны, и что они къ тому же подтверждаются свидѣтельствами иностранными. Чрезъ 3 года по смерти Рюрика (т. е., если вѣрить хронологіи лѣтописца, въ 872 г.) его преемникъ Олегъ, собравъ войско изъ варяговъ и всѣхъ подвластныхъ ему илементъ, двинулся по обычному варяжскому водному пути на югъ; онъ подчинилъ себѣ попутными илемена и овладѣвъ Смоленскомъ, Любечемъ и Киевомъ. „Это обстоятельство (движение стъ объединенными сѣверными силами на югъ) есть самое важное въ нашей начальной исторіи“, говоритъ Соловьевъ. Для г. Грушевскаго это не существуетъ, а по послѣднимъ извѣстіямъ итальянскихъ газетъ, Новгородъ былъ украинской колоніей!

христіанство. Въ Новгородѣ была та-же народность; и сѣверъ и югъ творили общее дѣло. Новгородъ укрѣплялся все тверже на финскихъ берегахъ и разселялся на востокъ по всему крайнему сѣверу Россіи въ сторону Урала (1) и на юго-востокъ въ ростовско-суздальскія земли, въ земли будущаго московскаго великаго княжества. Киевъ отбивался на востокъ отъ степныхъ хищниковъ, старался пробиться на югъ къ Царьграду, распространялся въ Галицію и на сѣверо-востокъ, въ сторону той же будущей Москвы. На всемъ пространствѣ разселенія одинъ языкъ — русскій, тотъ же самый и въ новгородской, и въ кievской лѣтописи, въ новгородскихъ и въ кievскихъ былинахъ; по всей землѣ одна и та-же княжеская семья. Это было наполовину безсознательное общее творчество единой народности по лицу обширной русской равнины; могучія рѣки были путями ея разселенія, дремучіе лѣса, болота и большія разстоянія — ея укрытиемъ. Сводить весь процессъ къ работѣ одного кievскаго центра можетъ лишь патрійная узкость.

Единство народности, общность народной жизни, очевидно, не исключали отличій въ мѣстной жизни и зарожденія на обширной территории разселенія мѣстныхъ центровъ. Когда Кіевъ ослабѣлъ подъ напоромъ

(1) Въ XII в. владѣнія Новгорода доходили уже до Вятки; тогда же Новгородъ собираетъ дань на сѣверныхъ берегахъ Бѣлаго моря.

степныхъ враговъ, узель государственныхъ силъ (съ конца XII вѣка) какъ бы ищеть, въ которомъ изъ мѣстныхъ центровъ ему утвердиться. Одно время (въ XII-XIII вв.) казалось, средоточіе русской жизни установится въ Галичѣ, но ростъ Польши и Литвы положилъ предѣлъ существованію этого княжества. Въ XII в. великое княженіе надъ Русью переходитъ чрезъ Суздаль, Владимиръ и наконецъ въ началѣ XIV в. затвердѣваетъ въ Москвѣ. Такъ рѣшила исторія, но за кѣмъ бы гегемонія ни осталась, за Галичемъ или за Москвой, всеравно Кіевъ подъ иноземнымъ господствомъ не оказался бы, ибо и тотъ, и другой центръ не былъ виѣшней по отношенію къ Кіеву силой; они были до извѣстной степени его же порожденіемъ. Въ XII в. насталь часть, и дѣти переросли свою мать, но они были дѣтьми ея и никогда этого не забывали, хоть и обращались съ ней иной разъ неласково. Виѣшнею силой по отношенію къ Кіевской Руси была не Москва, а татары и Польша.

Если родственіе было населеніе приධѣлѣпровской земли (Кіевъ) и земель бассейна Оки (Суздаль), то еще болѣе сродни были носители власти въ этихъ частяхъ Россіи. „Князь суздальскій взялъ и разорилъ Кіевъ“. При чтеніи такой фразы западному европейцу представляется борьба двухъ владѣтельныхъ домовъ, различного происхожденія, традицій и задачъ, связанныхъ съ опредѣленной территоріей. Но картина борьбы феодальной эпохи не приложима къ борьбѣ древнихъ русскихъ князей. Въ Россіи было одно своеобразное явленіе: она не знала иныхъ князей, кромѣ членовъ семьи Рю-

рика (1). Эта семья была коллективной носительницей верховной власти (2); великий князь был лишь *primus inter pares*; имъ въ принципѣ долженъ быть старшій въ родѣ, но понятіе старшинства юридически установлено не было. Кто старше, — племянникъ или дядя? сынъ старшаго брата, умершаго, не побывавъ великимъ княземъ, или сынъ младшаго брата, сидѣвшаго на Киевскомъ престолѣ? Десятки подобныхъ вопросовъ решались практически. Историки тщетно пытались установить въ точности систему, коей руководились Рюриковичи: жизнь была сложнѣе всякой системы. Но одно несомнѣнно: что когда на Киевской престолѣ вступалъ новый князь, слѣдующіе за нимъ по старшинству князья тоже перемѣщались съ менѣе важныхъ городовъ на болѣе видные, и что послѣднимъ юридическимъ доводомъ къ добыванію кievскаго престола былъ — мечъ. Отсюда два слѣдствія — постоянныя междуусобія князей для овладѣнія Кіевомъ и, такъ сказать, перекочевываніе князей изъ княжества въ княжество, чтобъ въ свою очередь въ кievской періодѣ нашей исторіи почти исключало возможность образования въ рюриковой семье мѣстныхъ княжескихъ линій. И дѣйствительно, такія линіи образовались лишь въ XIII в. (3).

(1) Только въ Русско-Литовскомъ государствѣ была другая династія (Гедимина).

(2) Вопросъ о вѣчѣ, мѣстами раздѣлявшемъ съ княземъ верховную власть, виѣ нашей темы.

(3) Исключение составляетъ линія, взывшая въ далекомъ Полоцкѣ еще въ I-ой четверти XI в. и линіи черниговская и

Итакъ, междуусобная брань за обладаніе Кіевомъ есть обычное явленіе въ сем'ѣ Рюриковичей XI-XIII вв. и походъ князя на Кіевъ вовсе не свидѣтельствуетъ о политической враждѣ его или населенія его княжества къ княжеству кіевскому. Эти общія положенія помогутъ намъ отнести съ случаю кн. Андрея Сузdalского съ должной объективностью.

Князь Андрей былъ не только Рюриковичъ, но принадлежалъ къ вѣтви, пользовавшейся къ Кіевѣ особой популярностью: онъ былъ внукомъ великаго князя кіевскаго Владимира Мономаха. Отецъ кн. Андрея, кн. Юрій I (1090-1157), сынъ Мономаха, получилъ въ удѣлъ ростовско-сузdalскую землю; молодость Юрія прошла на югѣ, и всѣ его симпатіи принадлежали Кіевской Руси; „матерь городовъ русскихъ“ сохранила для него все свое очарованіе и притягательную силу; добыть себѣ Кіевскій столъ было его мечтой; онъ осуществилъ ее побѣдой надъ соперникомъ и княжилъ въ Кіевѣ съ 1149 по 1151 и съ 1154 до смерти. Правда, кн. Андрей (1111-1174) до 38-ми лѣтняго возраста не бывалъ на югѣ и не любилъ его; его самовластный нравъ чувствовалъ себя свободнѣе на сѣверѣ, гдѣ и онъ, и отецъ много поработали надъ тѣмъ, чтобы освободиться отъ вліянія городскихъ „лучшихъ людей“. По смерти отца, считая себя старше другого претендента, Мстислава, онъ послалъ на югъ сузdalское

галицкай, установившіяся въ XII в.; ростовско-сузdalская линія опредѣлилась съ половины XIII, московская съ конца XIII вѣка. .

ополченіе, къ которому тамъ присоединились полки многихъ южныхъ князей, недовольныхъ Мстиславомъ. Союзники взяли Киевъ. Андрей сталъ фактически великимъ княземъ всея Руси, но продолжалъ жить на сѣверѣ, во Владимірѣ (1).

Самъ по себѣ фактъ взятія Киева войсками Андрея Суздальскаго никакого повода для обвиненія сѣвера во враждебныхъ стремленіяхъ по отношенію къ югу не давалъ бы. Мы видѣли, что достаточно бывало личнаго честолюбія или увѣренности въ своемъ правѣ на кievской столѣ, и князь пользовался для овладѣнія имъ всѣми средствами, прежде всего своей дружиной; бывало и хуже: соперникъ князь - Андреева отца, южный князь Изяславъ, для той же цѣли не постыдился заключить договоръ съ королями венгерскими и польскими (1149). Но во взятіи Киева въ 1169 году есть двѣ черты, отличающія названное событие отъ прежнихъ междоусобій, это — разореніе Киева и тотъ фактъ, что побѣдитель остался княжить на сѣверѣ.

Никогда еще не было на Руси такого горя, говорить историкъ, чтобы *свои же* разорили Киевъ. Разореніе могло быть случайностью, порожденной пыломъ боя (2),

(1) Владиміръ на Клязьмѣ, въ отличіе отъ южнаго Владимира-Волынского; лежитъ въ 20 вер. отъ Суздая.

(2) Грушевскій въ „Очеркѣ Исторіи Киевской земли“ (Кievъ, 1891, на русскомъ языке, стр. 224) съ увѣренностью высказываетъ предположеніе, что грабежъ состоялся потому, что войску было дано на то разрешеніе. Не слишкомъ ли онъ высокаго мнѣнія о дисциплинѣ въ ополченіяхъ XII вѣка?

но могло быть и преднамѣреннымъ политическимъ актомъ. Пребываніе Андрея во Владимірѣ и разореніе Кіева (если оно было преднамѣренно) свидѣтельствуетъ о пренебреженіи Андрея къ Кіеву. Мы уже знаемъ, что пренебреженіе это не было наслѣдственнымъ; оно — проявленіе его личныхъ свойствъ; возможно, что сверхъ того оно явилось слѣдствіемъ новой политической обстановки. Необузданное властолюбіе кн. Андрея не знало предѣла; не даромъ оно заслужило ему въ лѣтописи название „самовласца“ и привело въ трагической смерти. Но онъ былъ въ то-же время человѣкомъ „новыхъ понятій“: во внутренней политикѣ его, въ упорномъ стремлениі стать независимымъ отъ вліянія старой городской знати, можно угадывать зарожденіе новаго пониманія княжеской власти, первые отдѣленные намеки на то единодержавіе, которое установилось въ Москвѣ чрезъ 200 слишкомъ лѣтъ. Онъ дѣйствовалъ въ новой обстановкѣ: въ его эпоху уже начался отливъ населенія съ береговъ средняго Днѣпра на сѣверо-востокъ (1), и въ связи съ этимъ переселеніемъ, политической центръ тяжести уже началъ передвигаться изъ Кіева въ Суздальскія земли. Можно пойти далеко въ предположеніяхъ о политическихъ цѣляхъ князь Андрея, можно спросить себя, не было ли отношеніе его къ Кіеву вызвано смутнымъ сознаніемъ, что роль юга съиграна, но одного нельзя, — нельзя утверждать, будто его дѣйствія подсказаны *племенной* рознью сѣвера и юга. Самъ князь

(1) Объ этомъ переселеніи подробнѣе въ главѣ 6-ой.

былъ родомъ кіевлянинъ: отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и дальнійшіе прямые предки его, всего на протяженіи 7-ми поколѣній, были великими князьями кіевскими, а явленія, породившія развѣтленіе единой народности на великороссовъ и малороссовъ, какъ увидимъ ниже, только еще народились и не могли еще въ его эпоху дать результатовъ: они оказались цѣлымъ вѣкомъ позднѣе.

Русская исторія знаетъ другіе случаи вооруженной борьбы между созрѣвшей центральной государственной силой и мѣстными центрами. Тотъ же Андрей Суздальскій велъ войну съ Новгородомъ. Москва навязала свое господство княжеству Тверскому и Новгороду продолжительными войнами. Борьба съ послѣднимъ длилась два вѣка и полна кровавыхъ эпизодовъ (1), но еще никому не приходило въ голову отрицать изъза этого одноплеменность населенія Новгорода и Москвы; напротивъ, каждый скажетъ, что борьба Москвы съ Тверью и съ Новгородомъ привела къ объединенію великорусского племени.

Оставило ли разорѣніе Киева по себѣ тяжелую память въ народѣ въ смыслѣ враждебнаго отношенія южанъ къ сѣверянамъ? Лѣтописецъ описываетъ это событие трогательными словами, но (на) племенную

(1) Въ 1389 г. войско великаго князя Василія заняло Новгородъ; въ 1478 г. овладѣли имъ войска Иоанна III, отмѣнившаго всѣ вольныя новгородскія учрежденія; въ 1570 г. Новгородъ разгромленъ Иваномъ Грознымъ.

вражду въ его разсказѣ намека нѣть. Не найти такого намека и въ кіевскихъ былинахъ.

Существуетъ въ русской героической литературѣ прекрасная пѣсня „О полку Игоревѣ“, сложенная, вѣроятно, въ XIII вѣкѣ (1). Это наша „Пѣсня Ролланда“. Она говорить о походѣ Сѣверского князя Игоря съ братьемъ въ 1185 г. въ Задонскія степи противъ половцевъ. Завели князей юная отвага и первый усиѣшный бой чрезчуръ далеко. „Пришли половцы отъ Дона и отъ моря, со всѣхъ сторонъ обступили русскіе полки.“ Была битва жестокая: „черная земля, подъ копытами, костями засѣяна, и полига кровью, — взошла же печалью по Русской землѣ“. И полегли „храбрые русачи за землю Русскую“. Горе было великое: „никнетъ трава отъ жалости и дерево съ печально къ землѣ приклонилось“. Илачеть Ярославна, жена Игорева, глядя въ далекую степь съ городской стѣны: „зачѣмъ же, вѣтеръ, мое веселье ты по ковылю развѣялъ!“. Тогда великій князь кіевскій Святославъ „изронилъ золотое слово, орошенное слезами“ и сталъ звать всю родню-князей „вступиться за обиду, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича“. Зоветъ онъ Ярослава галицкаго, Рюрика и Давида смоленскихъ, зоветъ Романа и Мстислава волынскихъ и князя Всеволода зоветъ. „Великій князь Всеволодъ, говорить онъ послѣднему, прилетѣть бы тебѣ изъ далека, чтобы отцовскій золотой престолъ поблюсти.“

(1) Княжество Новгорода - Сѣверского лежало къ югу отъ Черниговскаго, — между нимъ и Переяславскимъ.

Ты можешь Волгу веслами разбрзгать, а Донъ вычерпать шлемами ... “

Кто этот князь, котораго зовутъ на помощь изъ Кієва, поэтически преувеличивая его могущество? Это Все́володъ III Большое Гнѣздо († 1212), братъ того самаго Андрея, который разорилъ Кіевъ, властный продолжатель политики своего брата по усиленію сѣвернаго центра Руси. И кто этотъ неизвѣстный даровитый пѣвецъ, зовущій сѣвернаго князя? Онъ южанинъ, дружинникъ великаго князя черниговскаго. Онъ скорбить душой изъ-за княжескихъ раздоровъ, „въ которыхъ вѣкъ людей коротался“, но упрека въ племенной розни онъ не произносить: владимірскій князь, — князь Суздальской земли, — ему такъ же близокъ, какъ князь галицкій или волынскій. Слагаль же онъ свое пѣсню, гдѣ сплетаются слава и скорбь родины, уже въ XIII в., когда политическое отчужденіе сѣвера и юга, конечно, должно было сказаться сильнѣе, чѣмъ въ эпоху князя Андрея.

Не было въ XII вѣкѣ племенного различія, не могло быть и племенной розни. Скажемъ тутъ-же, что когда это различіе создалось, оно распри не породило: до времени германо-большевиковъ, между великими и малороссами ни войнъ, ни вражды, никогда не бывало. Бывали ошибки со стороны Московскаго и Петербургскаго правительства, было во второй половинѣ XVII вѣка и при Мазепѣ тяготѣніе части казачьей старшины къ Польшѣ ради сословныхъ выгодъ, но въ самомъ народѣ, до вчерашняго дня, ни малѣйшаго намека на недружелюбіе не существовало. Объ вѣтви едва отдавали

себѣ отчетъ, что есть между ними различье. Да и въ наши дни, движеніе къ „самостійности“ вышло отнюдь не изъ глубинъ народныхъ: потребовался искусный вражескій ударъ извнѣ, чтобы вогнать клинъ въ почти незамѣтную щель между двумя частями единаго народа и чтобы разорвать его по живому мѣсту руками большевиковъ, мелкихъ честолюбцевъ и несчастной обманутой и одурманенной черни.

6. — Великороссы, Малороссы и Бѣлоруссы.

Мы видѣли, что до нашествія татаръ на всемъ пространствѣ тогдашней Россіи дѣйствовала и господствовала единая народность — русская. Но мы видѣли также, что лѣтъ сто послѣ этого нашествія, съ XIV вѣка, встрѣчается (для Галиції) официальное названіе Малой Россіи, названіе, отъ которого со временемъ произойдетъ наименованье части нашего южнаго населенія малороссами. У этого населенія сложится особое нарѣчіе, свои обычай, а въ XVII вѣкѣ появится нѣкоторое, хотя и зачаточное, подобіе государственной самостоятельности. Такія историческія явленія не импровизируются; корни ихъ должны уходить въ глубь вѣковъ, — и не въ правѣ ли мы предположить, что уже за рассматриваемый до-монгольскій періодъ въ толщѣ народной происходили какія-то измѣненія, издалека подготовлявшія раздвоеніе единой русской народности?

Въ 1911 году въ Петроградѣ скончался маститый профессоръ Ключевскій, новѣйшій изъ корифеевъ русской исторіографіи, человѣкъ, одаренный исключительнымъ даромъ проникновенія въ тайники былой жизни народа. Отъ прикосновенія его критического рѣзца съ историческихъ личностей спадаютъ условныя очертанія, наложенные на ихъ обликъ традиціонными, на вѣру повторявшимися поверхностными сужденіями. Ни воплощенія государственныхъ добродѣтелей, ни носителей безпримѣснаго злодѣйства вы не встрѣтите на страницахъ его книги; тамъ предъ вами проходятъ живые люди, — сочетаніе эгоизма и доброты, государственной мудрости и безразсудныхъ личныхъ вожделѣній. Но не только Андрей Боголюбскій или Иванъ Грозный воскресаетъ подъ его творческимъ прикосновеніемъ; оживаетъ и безъимянный, почти безмолвный, строитель своей исторіи, — обыденный русскій человѣкъ: онъ бѣется за жизнь въ тискахъ суровой природы, отбивается отъ сильныхъ враговъ и поглощаетъ слабѣйшихъ; онъ пашетъ, торгуетъ, хитритъ, покорно терпить и жестоко бунтуетъ; онъ жаждетъ надъ собой власти и свергаетъ ее, губить себя въ распрахъ, уходитъ въ дремучіе лѣса молитвенно склонить въ скиту остатокъ своихъ годовъ или убѣгаеть на безудержный просторъ казачьихъ степей; онъ живетъ ежедневной сѣрой жизнью мелкихъ личныхъ интересовъ, — этихъ назойливыхъ двигателей, изъ непрерывной работы которыхъ слагается остовъ народнаго зданія, — а въ годы тяжкихъ испытаній поднимается до высокихъ порывовъ дѣятельной любви къ гибнущей родинѣ. Этотъ простой русскій человѣкъ

живеть на страницахъ Ключевского, такимъ, какъ былъ, безъ прикрасъ, во всей нестротѣ своихъ стремленій и дѣлъ. Крупныя личности, яркія событія, — это у Ключевского лишь вѣхи исторического изложенія: къ нимъ тянутся и отъ нихъ отходять многотысячныя нити къ тѣмъ безвѣстнымъ единицамъ, которыя своей ежедневной жизнью, сами того не зная, сплетаютъ ткань народной исторіи. Мысль Ключевского, зарожденная въ высокой области любви къ правдѣ, за десятки лѣтъ ученаго труда пронизала мощный слой исторического сырого матеріала, претворила его, и течетъ спокойная, струей исключительного удѣльного вѣса, безстрастная и свободная. Нигдѣ нѣть фразы, нигдѣ онъ не унижается до односторонняго увлеченія, всюду у него, какъ въ самой жизни, сочетаніе свѣта и тѣни, всюду — о лицахъ, классахъ, народностяхъ, объ эпохахъ, — беспристрастное, уравновѣшенное сужденіе. Въ нашъ вѣкъ рабской патрійной мысли и лживыхъ словъ книга эта — умственная услада и душевное отдохновеніе. Ей мы можемъ довѣриться. О развѣтвленіи русскаго народа она повѣствуетъ такъ.

Кievская Россія достигла своего расцвѣта въ срединѣ XI вѣка. Со смерти Ярослава I (1054) начинается постепенное увяданіе; основной его причиной была безпрерывная борьба съ азіатскими племенами, давившими на южную Русь съ востока и съ юга (1). Россія отбивалась и переходила сама въ наступленіе; иерѣдко

(1) О борьбѣ со степью см. ниже въ главѣ 7-ой.

соединенные княжескія дружины углублялись далего въ степь и наносили жестокія пораженія половцамъ и инымъ кочевникамъ; но на смѣну однихъ враговъ приходили съ востока другіе. Силы Руси истощались въ неравной борьбѣ и наконецъ она не выдержала, стала сдавать. Жизнь въ пограничныхъ земляхъ (на востокѣ по Ворсклѣ, на югѣ по Роси), сдѣлалась не въ мѣру опасной, и съ конца XI вѣка населеніе стало ихъ покидать. Отъ XII вѣка имѣемъ рядъ неопровергимыхъ свидѣтельствъ запустѣнія Переяславского княжества, т. е. пространства между Днѣпромъ и Ворсклой. Въ 1159 году поспорили между собою два двоюродныхъ брата, одинъ, князь Изяславъ, только что занявший киевскій престолъ, другой — Святославъ, замѣнивший его на столѣ черниговскомъ. На упреки первого, Святославъ отвѣчаетъ, что „не хотя лить крови христіанской“, онъ смиренno удовлетворился, „городомъ Черниговыимъ, съ семью другими городами, да и то пустыми: живуть въ нихъ псари, да половцы“. Значитъ въ этихъ городахъ остались лишь княжеские дворовые люди, да мирные половцы, перешедшие на Русь. Въ числѣ этихъ семи запустѣлыхъ городовъ мы къ нашему удивленію встрѣчаемъ и одинъ изъ самыхъ старинныхъ и богатыхъ городовъ Кіевской Руси — Любечъ, лежащій на Днѣпрѣ. Если запустѣли города, даже въ самомъ центрѣ страны, то что же сталоось съ беззащитными деревнями? Одновременно съ признаками отлива населенія изъ Кіевской Руси замѣчаемъ и слѣды упадка ея экономического благосостоянія. Внѣшніе торговые обороты ея все болѣе стѣснялись торже-

ствовавшими кочевниками. „... А вотъ поганые уже и пути (торговые) у насъ отнимаютъ“, говорить въ 1167 г. ки. Мстиславъ волынскій, стараясь подвинуть свою братію князей въ походъ на степныхъ варваровъ. Итакъ запустѣніе южной части Кіевщины во второй половинѣ XII в. не подлежитъ сомнѣнію. Остается решить вопросъ, куда дѣвалось населеніе пустѣвшей Кіевской Руси.

Отливъ населенія изъ Приднѣпровья шелъ въ XII-XIV вв. въ двухъ направленихъ, — на сѣверо-востокъ и на западъ. Первое изъ этихъ движеній привело къ зарожденію великорусской вѣтви русского народа, — второе — къ зарожденію малороссийской его вѣтви.

Образование великорусской вѣтви.

Переселеніе на сѣверо - востокъ направлялось въ пространство, лежащее между верхней Волгой и Окой, въ Ростовско - сузальскія земли. Страна эта была отдалена отъ Кіевскаго юга дремучими лѣсами верховьевъ Оки, заполнившими пространство нынѣшней Орловской и Калужской губерній. Прямыхъ сообщеній между Кіевомъ и Суздалемъ почти не существовало. Владиміръ Мономахъ († 1125), неутомимый Ѣздокъ, на своемъ вѣку изъѣздившій Русскую землю вдоль и поперекъ, говорить въ поученіи дѣтямъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ похвалибы, что одинъ разъ онъ проѣхалъ изъ Кіева въ Ростовъ этими лѣсами. Настолько это было тогда трудное дѣло. Но въ серединѣ XII вѣка

ростовско-суздальскій князь Юрій I-й, воюя за кіев-
скій столицю, водилъ этимъ путемъ противъ своего со-
перника, волынскаго Изяслава, изъ Ростова къ Кіеву
цѣлые полки. Значитъ за этотъ періодъ произошло
какое-то движение въ населеніи, прочищавшее путь въ
этомъ направленіи. Въ то самое время, когда стали
жаловаться на запустѣніе южной Руси, въ отдаленномъ
Сузdalскомъ краѣ замѣчаемъ усиленную строительную
работу. При Юріи I-мъ и сынѣ его Андреѣ Сузdal-
скомъ здѣсь возникаютъ одинъ за другимъ новые го-
рода. Съ 1147 г. становится известенъ городокъ Москва.
Юрій даетъ ссуды переселенцамъ; они заполняютъ его
предѣлы „многими тысячами“. Откуда пришла главная
масса переселенцевъ — обѣ этомъ свидѣтельствуютъ
названія новыхъ городовъ: ихъ зовутъ такъ же, какъ
звались города южной Руси (Переяславль, Звенигородъ,
Стародубъ, Вышгородъ, Галичъ); всего любопытнѣе
случаи перенесенія пары имёнъ, т. е. повтореніе имени
города и рѣки, на которой онъ стоитъ (1). Свидѣтель-
ствуетъ о переселеніи изъ Приднѣпровья также и
судьба нашихъ древнихъ былинъ. Онѣ сложились на
югѣ, въ до-татарскій періодъ, говорятъ о борьбѣ съ
половцами, воспѣваютъ подвиги богатырей, стоявшихъ
за Русскую землю. Былинъ этихъ на югѣ народъ те-
перь не помнитъ, — ихъ замѣнили тамъ казацкія думы,
поющія о борьбѣ малороссійскаго казачества съ поля-

(1) Въ древней Руси известны три Переяславля; каждый
стоялъ на рѣкѣ Трубежѣ.

ками въ XVI и XVII в. Зато кіевскія былины сохранились съ удивительной свѣжестю на сѣверѣ въ Пріуральѣ, въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ. Очевидно, на отдаленный сѣверъ былинныя сказанія перепили вмѣстѣ съ тѣмъ самыемъ населеніемъ, которое ихъ сложило и запѣло. Переселеніе совершилось еще до XIV вѣка, т. е. до появленія на югѣ Россіи литвы и лаховъ, потому что въ былинахъ нѣтъ и помина объ этихъ позднѣйшихъ врагахъ Руси.

Кого нашли въ Суздальской землѣ новые насельники? Исторія застаетъ сѣверо-восточную Русь финской страной, а потомъ видимъ ее славянскою. Это свидѣтельствуетъ о сильной славянской колонизації; она происходила уже на зарѣ русской исторіи; Ростовъ существуетъ до призванія князей; при Владимірѣ Св. въ Муромѣ уже княжить сынъ его Глѣбъ. Это первое заселеніе страны русскими шло съ сѣвера, съ Новгородской земли и съ запада. Такимъ образомъ, днѣпровскіе переселенцы вступили уже въ русскую землю. Но были здѣсь еще и остатки давнихъ туземцевъ — финновъ (1). Финскія племена стояли еще на низкомъ уровнѣ культуры, не вышли изъ периода родового быта, пребывали въ языческой первобытной темнотѣ и легко уступили предъ мирнымъ напоромъ русскихъ. Напоръ

(1) По переписи 1897 г. въ имперіи (за вычетомъ Финляндіи) финновъ значится $3\frac{1}{2}$ мил. Главнѣйшія ихъ племена: эсты - 1 мил., собственно финны - 140 тыс., живущіе, почти все въ Петроградской губ., карелы - 200 тыс., между Финляндіей и Бѣлымъ моремъ и мордва - 1 мил., въ губерніяхъ средней Волги. Карелы, и въ особенности мордва, почти совсѣмъ обрусили.

дѣйствительно былъ мирнымъ; никакихъ слѣдовъ борьбы не сохранилось. Восточные финны были нрава кроткаго, пришелецъ тоже не былъ обуянъ духомъ завоеваній; онъ искалъ лишь безопаснаго угла, а главное, — мѣста здѣсь всѣмъ было вдоволь. Въ настоящее время поселенія съ русскими названіями расположены въ перемежку съ селеніями, въ именахъ которыхъ можно угадывать финское ихъ происхожденіе; это свидѣтельствуетъ, что русскіе занимали свободныя мѣста промежду финскихъ участковъ. Изъ встрѣчи двухъ расъ не вышло упорной борьбы ни племенной, ни соціальной, ни даже религіозной. Сожительство русскихъ съ финнами привело къ почти повсемѣстному обрусѣнію послѣднихъ и къ нѣкоторому измѣненію антропологического типа у сѣверныхъ русскихъ: широкія скуды, широкій носъ — это наслѣдіе финской крови. Слабая финская культура не могла измѣнить русского языка, — въ немъ насчитываются только 60 финскихъ словъ; подверглось нѣкоторому измѣненію произношеніе (1).

Итакъ, въ Ростовско-суздальской землѣ скрестились

(1) Иностранцы, начиная изучать русскій языкъ, обыкновенно удивляются, что такъ часто букву *o*, когда на ней нѣтъ ударенія, надо произносить, какъ *a*. Древнее *o* осталось въ правописаніи, но въ произношеніи имѣть тяготѣніе переходить въ *a*. Это самое типичное отличіе великорусского нарѣчія или вѣрнѣе его южнаго поднарѣчія, ставшаго русскимъ литературнымъ языкомъ. Врядъ ли указанное отличіе есть слѣдствіе финского влиянія, т. к. на сѣверномъ поднарѣчіи (къ сѣверу отъ Москвы, — въ Новгородѣ, Костромѣ, Перми и пр.) говорятъ на *o*; по-

и слились струи переселенія русскаго элемента съ юго-запада, со стороны Новгорода, и съ юго-запада, со стороны Киева; въ этомъ морѣ русской народности финскія племена потонули безслѣдно, слегка лишь окрасивъ воду его. Наличіе финскаго вліянія подмѣчено изслѣдованіями специалистовъ; практически оно не существуетъ: ни одинъ великороссъ финской крови въ себѣ не чувствуетъ и не сознаетъ, а простой народъ и не подозрѣваетъ о ея существованіи. Таковъ этнографическій факторъ въ образованіи великорусскаго племени. Вліяніе природы на смѣшанное населеніе — другой факторъ (1).

видимому оно слѣдствіе западнаго вліянія, ибо у белоруссовъ встрѣчаемъ *a*, вместо *o*, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на него падаетъ удареніе.

(1) Иностранныя печать нерѣдко повторяетъ вслѣдъ за украинофильтцами, что великороссы произошли отъ смѣшанія русскихъ съ татарами; въ татарской крови наивно ищутъ даже одну изъ причинъ большевизма. Но преданные магометанству приволжекіе (казанскіе) татары съ русскимъ населеніемъ вовсе не смѣшинались (они до сихъ поръ живутъ обособленными деревнями). Исключеніе составила только татарская знать: московское правительство приманивало ее въ составъ служилаго сословія, обеспечивая выгодное положеніе крестившимся и напр., князья Урусовы по мѣстническому распорядку стояли въ Москвѣ значительно выше многихъ рюриковичей (какъ-то Барятинскихъ, Долгорукихъ, Волконскихъ и др.). Замѣтимъ, что иностранное представленіе о современныхъ татарахъ, какъ о какой-то варварской средѣ совершенно не соответствуетъ дѣйствительности: приволжские татары — спокойный, почтенный народъ, обладающій многими качествами, — они трезвы, домовиты, опрятны, дисциплинированы, полны уваженія къ традиціямъ.

Ключевскій посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ тому, какъ суровая природа — морозы, ливни, лѣса, болота, — отразилась на хозяйственномъ бытѣ великоросса, какъ она разбросала его по мелкимъ поселкамъ и затрудняла общественную жизнь, какъ пріучала къ одиночеству и замкнутости и какъ развивала привычку къ терпѣливой борьбѣ съ невзгодами и лишніями. „Въ Европѣ нѣть народа менѣе избалованного и притязательнаго, пріученнаго меныше ждать отъ природы и болѣе выносливаго“. Короткое лѣто принуждаетъ къ чрезмѣрному кратковременному напряженію силь, осень и зима къ невольному долгому бездѣлю и „ни одинъ народъ въ Европѣ не способенъ къ такому напряженію труда на короткое время, какое можетъ развить великороссъ; но и нигдѣ въ Европѣ, кажется, не найдете такой непривычки къ ровному, постоянному труду, какъ въ той же Великороссіи“.

„Великороссъ боролся съ природой въ одиночку, въ глухихъ лѣсахъ съ топоромъ въ рукѣ“. Жизнь въ уединенныхъ деревушкахъ не могла пріучить его дѣйствовать большими союзами, дружными массами и „великороссъ лучшіе великорусского общества“. Надо знать тамошнюю природу и тамошнихъ людей, чтобы оцѣнить умъ, блещущій на этихъ страницахъ Ключевскаго, исполненныхъ той настоящей любви къ родинѣ, которая не хочетъ высказываться, а невольно сквозить между строкъ.

Бросимъ взглядъ на политическія условія, въ которыхъ происходилъ процессъ слаганія великорусского племени. Русскіе входили въ Ростовско-суздальскую

землю и селились въ ней свободно, но выходъ изъ нея, дальнѣйшее разселеніе встрѣчали препятствія. На съверѣ сильныхъ сосѣдей - иноплеменниковъ не было, но тамъ, по рѣкамъ бассейна Бѣлаго моря, издавна гуляла новгородская вольница; углубляясь въ безконечныя лѣсныя дебри, не владѣя рѣками, было не къ чему. Съ востока, близъ устьевъ Камы и Оки, кромѣ финскихъ племенъ, жили волжские болгары, представлявшіе собою нѣкоторую, враждебную русскимъ, государственную силу. Съ юга заслоняли просторъ кочевыя азіатскія племена, а на западѣ съ XIII-го вѣка начало слагаться государство Литовское. Конечно, возможность распространенія не была совершенно исключена, но мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что исторія озабочилась поставить населеніе Ростовско-суздальскихъ земель въ теченіе двухъ вѣковъ (1150 - 1350) въ обосо-блленное положеніе; она какъ бы желала, чтобы предоставленное самому себѣ, населеніе переродилось, слилось, спаялось и образовало известное племенное единство. Такъ и случилось, и случилось въ значительной степени наперекоръ пониманію тогдашнихъ многочисленныхъ носителей государственной власти.

Заключенное въ указанныхъ предѣлахъ населеніе центральной части Европейской Россіи входило въ составъ цѣлаго конгломерата княжествъ. Тверь, Ярославль, Кострома, Ростовъ, Суздаль, Рязань, Нижній Новгородъ, — вотъ столъные города важнѣйшихъ изъ нихъ. Здѣсь княжили Мономаховичи, потомки брата Андрея Суздальскаго, упомянутаго уже нами Всеволода III Большое Гнѣздо. Порядокъ простолона-

слѣдія въ великомъ княженіи Владимірскомъ быль тотъ же, что въ Кіевской Руси, т. е. „родовой порядокъ съ нерѣдкими ограниченіями и нарушеніями“ (1). Въ числѣ факторовъ, ведшихъ къ нарушенію родового порядка престолонаслѣдованія, появляется съ половины XIII в. новый — согласіе татарскаго хана. Размноженіе князей ведеть къ образованію мѣстныхъ княжескихъ линій и къ установлению династическихъ интересовъ мѣстныхъ великихъ княженій (Тверского, Рязанскаго и пр.). Съ ослабленіемъ кровной связи ослабѣваетъ въ княжеской средѣ и сознаніе единства земли. Совокупность этихъ условій приводить къ тому, что великимъ княженіемъ Владимірскимъ овладѣваетъ болѣе ловкій и сильный изъ мѣстныхъ князей; при этомъ онъ ограничивается лишь титуломъ великаго князи Владимірскаго (а иногда и Кіевскаго), сидить же въ свое мѣсто семіномъ столицомъ городѣ (напр., въ Твери, въ Костромѣ). Въ 1328 г. такимъ сильнейшимъ изъ мѣстныхъ князей оказался князь незначительного удѣла московскаго, Иоаннъ I Калита. Съ этого года картина менѣется, — великое княженіе навсегда остается въ цѣпкихъ рукахъ Калиты и его инходящихъ.

Московскій удѣль былъ совсѣмъ молодымъ: непрерывный рядъ князей начался здѣсь лишь съ 1283 года (2); удѣль бытъ малъ размѣрами (Калита унаслѣдовалъ лишь земли по р. Москвѣ

(1) Платоновъ, *Лекціи по Русской Исторіи*, стр. 108.

(2) Первымъ въ этомъ ряду былъ отецъ Калиты, кн. Даниилъ Александровичъ (1262 - 1303).

да Переяславль Залѣскій); князья московскіе были изъ младшей линіи Мономаховичей. Въ чёмъ же причины ихъ первоначальнаго успѣха надъ соперниками, положившаго основаніе будущему могуществу Московскаго княжества?

Перечислимъ эти причины, какъ они установлены въ исторической литературѣ (1). а) Москва лежала въ этнографическомъ центрѣ великорусскаго племени, здѣсь скреплялись обѣ струи переселенія, изъ Кіева и изъ Новгорода; она лежала въ узлѣ нѣсколькихъ большихъ дорогъ и на торговомъ пути изъ Новгорода, черезъ Рязань, на тогдашній Дальний Востокъ, — на нижнюю Волгу. б) Московскій удѣлъ былъ прикрытъ отъ иноземныхъ нашествій или воадѣйствій союзными княжествами: первые удары татаръ принимали на себя княжества Рязанское и Черниговское, давленіе Литвы поглощалось въ значительной степени княжествомъ Смоленскимъ. в) Первые московскіе князья были примѣрные хозяева: они умѣли куплѣй или бракомъ „примыслить“ къ своему удѣлу союзный удѣлецъ, умѣли привлечь и скопить деньги. г) Въ сношеніяхъ съ татарами они проявляли исключительную изворотливость: бадя въ Золотую Орду, ловко добывали себѣ ханскій ярлыкъ на великое княжение. Они сами собираютъ дань для татаръ, отсылаютъ ее въ Орду, и татарскіе „даньщики“ не беспокоятъ московское населеніе своими наездами. д) Въ другихъ княжествахъ — междуусобія изъ-за старшинства князей, а въ малодѣтной московской семье — правильное престолонаслѣдіе. Въ Московскомъ княжествѣ спокойнѣе, чѣмъ въ другихъ, въ немъ охотно осѣдаютъ и кiev-

(1) Если читателю эти страницы слишкомъ напомнятъ учебникъ, напомню ему въ свою очередь, что брошюра наша задумана была прежде всего для иностранцевъ.

ские, и новгородские переселенцы, къ нему приливаетъ и населеніе изъ восточныхъ частей Суздальской земли, страдающее отъ татарскихъ погромовъ и отъ нападений восточныхъ инородцевъ. Тишина и покой привлекаютъ къ московскому князю видныхъ служилыхъ людей. « Высшее духовенство, воспитанное въ византійскомъ представлении о власти, чутко угадало въ Москвѣ возможный государственный центръ и стало содѣйствовать ей. Переселившіеся (съ 1299 г.) изъ заглохшаго Кіева на сѣверъ Россіи митрополиты предпочли Москву столичному городу Владиміру. Въ одно и то же время въ Москвѣ образовалось средоточіе и политической, и церковной власти, и недавно еще малый городъ Москва сталъ центромъ „всей Руси“.

Удѣльные князья жили мелкими интересами, несли народу раздоръ и смуту, а измученный народъ хотѣлъ тишины и покоя. Москва дала ему покой: „быть отголѣ (со дня воскніженія Іоанна Калиты) тишина велика по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ“, записала лѣтопись. Народъ шелъ по пути этнографического объединенія; „къ половинѣ XV вѣка среди политического раздробленія сложилась новая национальная формaciя“ (1). А Москва создавала объединеніе политическое: къ серединѣ XIV вѣка она винтила уже немало удѣловъ и была настолько сильна, что, по словамъ лѣтописца, сыну Калиты, Симеону Гордому (1341-1353), „всѣ князья русскіе даны были подъ руки“.

(1) Ключевский, П., стр. 57.

Пройдетъ еще 30 лѣтъ, и московскій князь объединитъ противъ татаръ русскія силы и смѣло поведеть ихъ вдаль отъ Москвы, на Куликово поле, ибо ополчить онъ ихъ не для защиты *своего* лишь удѣла, а чтобы заслонить ими *всю* Русскую землю. Тамъ, на Куликовомъ полѣ, родится национальное Московское государство. Вѣкомъ позднѣе, окрѣпшая Москва возьметъ на себя другую высокую национальную задачу — освобожденіе отъ иностранного владычества подъяремныхъ частей Русской земли: въ 1503 г. литовскіе послы станутъ учрекать Иоанна III, зачѣмъ онъ принялъ, не решившихъ къ нему отъ Литвы со своими удѣлами, черниговскихъ (приокскихъ) Рюриковичей; „А мнѣ развѣ не жаль, отвѣтить имъ Иоаннъ, своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой — Кіева, Смоленска и другихъ городовъ!“.

Такъ сложилось и объединилось вокругъ Москвы великорусское племя. Съ московскаго князя снали частновладѣльческія черты мелкаго удѣльнаго князя; онъ созналъ себѣ главой национального государства, а народъ почуялъ свое государственное единство. Какая же национальная идея жила въ этомъ народѣ? Чаянія какой народности воплощалъ въ себѣ этотъ государь? Великорусской? Кто знаетъ русскую жизнь, улыбнется при этомъ предположеніи. Великорусской идеи, чувства великорусского, такихъ цѣлей и задачъ нѣть и никогда не существовало. Было бы смѣхотворно говорить, напримѣръ, о великорусскомъ патріотизмѣ. Национальное чувство, воодушевлявшее Московскую Русь, было не великорусское, а *русское*, и государь ея былъ госу-

даремъ *русскимъ*. Официальный Московскій языкъ знать выражение „Великая Русь“, но какъ противоположеніе другимъ русскимъ областямъ, Руси Бѣлой и Малой; понималъ онъ эту Великую Русь (Великороссію) не иначе, какъ частью единой, цѣлой Россіи: „Божіей милостью Великій Государь, Царь и Великій Князь всея Великія, Малыя и Бѣлныи Руси Самодержецъ“ — такъ формулирована эта мысль въ титулѣ Московскихъ царей. Но терминъ „великороссъ“ Москва врядъ-ли знала: это искусственное, книжное слово зародилось, вѣроятно, по присоединеніи Малороссіи, какъ противовѣсь названію ея населенія. Въ широкій обиходъ оно проникло только въ наши дни, послѣ революціи. Костромской крестьянинъ до сихъ поръ также мало подозрѣвалъ, что онъ великороссъ, какъ скатериноЛавскій, что онъ украинецъ, и на вопросъ, кто онъ, отвѣчалъ: „я костромичъ“ или „я русскій“.

Малороссы.

Вериемся къ изложенію выводовъ проф. Ключевскаго.

Другая струя отлива русского населенія изъ Подолья направилась, какъ мы сказали, на западъ, за Западный Бугъ, въ область верхняго Днѣпра и верхней Вислы, въ глубь Галиціи и Польши. Слѣды этого отлива обнаруживаются въ судьбѣ двухъ окрайныхъ княжествъ, Галицкаго и Волынскаго. Въ іерархіи русскихъ областей эти княжества принадлежали къ числу младшихъ. Во второй половинѣ XII в. Галицкое княжество неожиданно дѣлается однимъ изъ самыхъ

сильныхъ и вліятельныхъ на юго-западѣ. Съ конца XII в., при князьяхъ Романѣ Метиславичѣ, присоединившиемъ Галицію къ своей Волыніи, и при его сыне Даниилѣ, соединенное княжество замѣтило растеть, густо заселится, князья его быстро богатѣютъ, несмотря на внутреннія смуты, распоряжаются дѣлами юго-западной Руси и самимъ Кіевомъ; Романа лѣтоніе (1205) величаетъ „самодержцемъ всей Русской земли“.

Запустѣніе днѣпровской Руси, начавшееся въ XII в., было завершено въ XIII в. татарами погромомъ 1229-1240 гг. Съ той поры старинныя области этой Руси, нѣкогда столь густо заселенные, надолго превратились въ пустыню со скучнымъ остаткомъ прежняго населенія. Еще важиѣ было то, что разрушился политический и народно-хозяйственный строй всего края. Въ самомъ Кіевѣ, послѣ погрома 1240 года, насчитывалось лишь 200 домовъ, обыватели которыхъ терпѣли страшное угнетеніе. Но опустѣвшимъ степнымъ границамъ Кіевской Руси бродили остатки ея старинныхъ сосѣдей печенѣговъ, половцевъ, торковъ и другихъ инородцевъ. Въ такомъ запустѣніи оставались южныя области Кіевская, Переяславская и частью Черниговская, едва-ли не до половины XIU ст. Послѣ того, какъ юго-западная Русь съ Галиціей въ XIU в. была захвачена Польшей и Литвой, днѣпровскія пустыни стали южной окраиной Литвы, а позднѣе юго-восточной окраиной соединенного Польско-Литовскаго государства. Въ документахъ съ XIU в. для юго-западной Руси появляется новое название, но название это не „Україна“, а „Малая Россія“.

„Въ связи съ этимъ отливомъ населения на западъ объясняется, — говоритъ Ключевскій, — одно важное явленіе въ русской этнографіи, именно образованіе малороссійскаго племени“. Приднѣпровское населеніе, начавшее въ XIII в. въ глубинѣ Галиціи и Польши надежное укрытие отъ половцевъ и прочихъ кочевниковъ, оставалось здѣсь и въ теченіе всего татарскаго періода. Отдаленность отъ центра татарской власти, болѣе сильная западная государственность, наличіе каменныхъ замковъ, болота и лѣса въ Польшѣ, горная мѣстность въ Галиціи — оградили южанъ отъ поработиженія монголамъ. Это пребываніе въ единородной Галиціи и въ гостяхъ у поляковъ длилось 2—3 столѣтія. Съ XIV вѣка становится замѣтно вторичное заселеніе средніго Приднѣпровья. Оно-следствіе обратнаго отлива крестьянскаго населения, который былъ „облегченъ двуми обстоятельствами: 1) южная степная окраина Руси стала безопаснѣе вслѣдствіе распаденія Орды и усиленія Московской Руси; 2) въ предѣлахъ Польскаго государства прежнее оброчное крестьянское хозяйство въ XIV в. стало замѣняться барщиной и крѣпостное право получило ускоренное развитіе, усиливъ въ порабощающемъ сельскомъ населеніи стремленіе уходить отъ панскаго ярма на болѣе привольныя мѣста“¹. Въ слѣдующей главѣ мы приводимъ некоторые хронологическія данныя, характеризующія это возвращеніе русскаго населения на родныя мѣста (1), здѣсь же

(1) 7-ая глава была напечатана (до составленія настоящей) въ качествѣ самостоятельной статьи въ итальянскомъ журна-

придерживаемся, какъ можно ближе, нашего автора. „Когда такимъ образомъ стала заселяться днѣпровская Украина, то оказалось, что масса пришедшаго сюда населенія чисто-русскаго происхожденія. Отсюда можно заключить, что большинство колонистовъ, приходившихъ сюда изъ глубины Польши, изъ Галиціи и Литвы, были потомки той руси, которая ушла съ Днѣпра на западъ въ XII и XIII вв. и въ продолженіе двухъ-трехъ столѣтій, живя среди литвы и поляковъ, сохранила свою народность. Эта русь, возвращаясь теперь на свои старыя непелища, ветрѣтилась съ бродившими здѣсь остатками старинныхъ кочевниковъ торковъ, берендеевъ, печенѣговъ и др. Я не утверждаю решительно, что путемъ смышенія возвращавшейся на свои древнія днѣпровскія жилища и оставшейся здѣсь руси съ этими восточными инородцами образовалось малорусское племя, потому что и самъ не имѣю и въ исторической литературѣ не нахожу достаточныхъ основаній ни принимать, ни отвергать такое предположеніе; равно не могу сказать, достаточно ли выяснено, когда и подъ какими вліяніями образовались діалектическія особенности, отличающія малорусское нарѣчіе какъ отъ древняго кіевскаго, такъ и отъ великорусскаго. Я говорю только, что *въ образованіи малорусского племени, какъ выти русской народѣ* (1), принимало участіе обнаружившееся и уси-

лѣ „Nuova Antologia“ (февраль 1919 г.); этимъ объясняется не вполне удачное распределеніе материала между настоящей и 7-ой главой.

(1) Курсивъ наши.

лившееся съ ХVI в. обратное движение къ Днѣпру русского населения, отодвинувшагося оттуда на западъ, къ Карпатамъ и Вислѣ, въ XII-XIII вв. “.

Все, что мы сказали до сихъ поръ о малороссахъ, есть дословная или почти дословная выписка изъ курса проф. Ключевскаго (т. I, стр. 351-354). Мы сознательно прибѣгли къ такому упрощенному способу изложения. Украинофильская партия не стыдится обвинять своихъ противниковъ во лжи и подтасовкахъ (1). Пусть она считается не со мною, а съ проф. Ключевскимъ. Есть мертвые, на которыхъ труднѣе клеветать, чѣмъ на живыхъ.

Въ послѣдней фразѣ этой выдержки заключается полное отрицаніе всѣхъ теперешнихъ вздорныхъ утвержденій украинофильской пропаганды, будто существуетъ какой-то „украинскій народъ“ и притомъ иного происхожденія, чѣмъ русскій.

Ключевскій не счелъ себя въ правѣ высказаться „рѣшительно“, когда сложилась малороссийская вѣтвь и когда начало слагаться малороссийское нарѣчіе. Онъ зналъ, какую цѣну приобрѣтаютъ его выводы, и не рѣшился дѣлать ихъ окончательно, не имѣя возможности неоспоримо подкрѣпить въ нихъ каждое слово. Для насъ, однако, нѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло обстояло именно такъ, какъ онъ говоритъ. Населеніе, пришедшее въ XII и XIII вв. съ Днѣпра въ Польшу, явилось туда въ качествѣ бѣженцевъ, несчастное и

(1) См., напримѣръ, интервью главы „украинской миссіи“ въ Римѣ гр. М. Тышкевича въ „Corriere d’Italia“ отъ 9 июня 1919 г.

разоренное; въ поискахъ за насущнымъ хлѣбомъ, оно не могло не разойтись по чужой территории, не могло занять въ инонлеменной странѣ иного положенія, какъ пріиженное; религіозная рознь ограждала, до извѣстной степени, чистоту русской и польской крови, но языкъ русскихъ переселенцевъ не могъ не поддаться влиянию окружающей народности: онъ впиталъ въ себя много польскихъ словъ, и произношеніе его конечно тогда и начало измѣняться; такъ нарождалось малороссійское нарѣчіе (1). Пребываніе въ гостиахъ у западныхъ соудей внесло въ малороссійскій словарь также не мало венгерскихъ и молдаванскихъ словъ. Вернувшись на родину, потомки этой руси застали здѣсь потомковъ прежнихъ кочевниковъ и татаръ: кровь ихъ иногда сквозить въ обликъ малоросса, въ смуглости его кожи и въ его характерѣ.

Прекрасна страна, гдѣ въ ХІУ и ХУ вѣкѣ окончательно сложилось малороссійское племя, прекрасенъ

..... край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышется,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора...

(1) Съ точки зрѣнія житейскаго критерія, главное отличие малороссійскаго нарѣчія отъ великорусскаго заключается именно въ произношеніи. Говоръ малоросса не сразу поймешь, но открывъ впервые малороссійскую книгу, культурный великороссъ станетъ читать ее безъ затрудненія. Въ противность великорусскому нарѣчію, малороссійское сохранило нетронутымъ древне-русское мягкое *i*, зато почти всюду замѣнило древній звукъ съ звукомъ *ii*.

Здѣсь солнце свѣтить ярко, снѣгъ лежитъ всего Змѣяца; здѣсь нѣть болотъ Полѣсья, ни песковъ Дона, ни маловодныхъ пространствъ черноморскихъ степей. Когда-то густая трава съ головой укрывала туть украинскаго вѣдника отъ хищнаго взора крымскаго татарина; теперь тихими волнами колышется на необозримыхъ поляхъ тяжелый колосье иненицы или стелется широкій листъ свекловичныхъ плантаций. Великолѣпны дубы на Украинѣ, ся пирамидальныя тополя, и богаты плодовыя сады. Все сдѣлала природа, чтобы отягчить жизнь великого россия; ничего не забыла, чтобы окружить довольствомъ и радостью его болѣе счастливаго южнаго брата. И онъ цѣнитъ дары природы: его пѣсни обычно сложены въ радостныхъ мажорныхъ тонахъ, и поеть она про любовь и про счастье; онъ любить красоту и уютность жизни; поэтичны его блѣдны мазанки, окруженныя цветами; веселы и часты вечеринки въ многолюдныхъ селеніяхъ; красива одежда, дольше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи, устоявшая передъ напоромъ фабричнаго обезличиванія. Прелестный юморъ присущъ самой природѣ малоросса и не покидаетъ его ни въ разсказѣ, ни въ неожиданныхъ, случайно на вѣтеръ брошенныхъ, замѣчаніяхъ, ни въ шуткѣ надъ самимъ собой. И при всей этой веселости, какой-то отпечатокъ медлительности и восточной неподвижности лежитъ на его мышленіи; когда малороссъ дошелъ до какого-либо решенія, хотя бы несуразнаго, его не переубѣдишь никакими доводами логики, и не даромъ другіе русскіе говорятъ „упрямъ, какъ хохоль“. Но это упрямство, настойчивость, на ряду съ хорошими фи-

зическими данными, дѣлаетъ изъ него одного изъ лучшихъ солдатъ русской арміи. Онъ отличный, осмысленный работникъ въ полѣ, не жалѣющій удобренія даже для своей богатѣйшей черной земли. Его земледѣльческія качества развились не только благодаря щедрой природѣ, но и въ силу экономическихъ и правовыхъ причинъ: малороссійскій крестьянинъ — полный собственникъ своей земли, тогда какъ великорусская масса крестьянства до послѣднихъ лѣтъ (до реформы Столыпина 1907 г.) изнывала подъ соціалистическимъ гнетомъ сельской общины, уже много вѣковъ назадъ почти осуществившей идеаль соціализма, — принудительное равненіе по слабѣйшему.

Быть можетъ наша характеристика нѣсколько искусства; оно и понятно, — мы старались подчеркнуть различіе между двумя вѣтвями русского народа. Въ жизни различіе это менѣе замѣтно; въ культурномъ классѣ оно совсѣмъ исчезло. Малороссы, переселившіеся за Волгу и въ Сибирь или заселившіе черноморскія степи совмѣстно съ великимъ россиянами, ставъ съ ними въ одинаковыя природныя условія, постепенно теряютъ, хотя и медленно, свои отличительныя черты; говорить ихъ, обогативъ рѣчь великимъ россиянамъ, ионемногу уступаетъ мѣсто обще-русскому языку и на вопросъ: „ты кто будешь?“ такой переселенецъ отвѣтить, то-„русскій“, то-„малороссъ“. Но никто еще не слыхивалъ въ этомъ случаѣ отвѣта: „я украинецъ“.

Малороссійское племя слагалось въ тяжелыхъ политическихъ условіяхъ. Со взятиемъ Кіева татарами (1240), Кіевское княжество потеряло даже вишишнє

признаки самостоятельности: на протяжениі свыше 100 лѣтъ не быть упоминанія о кіевскихъ князьяхъ. Г-нъ Грушевскій, и тотъ вынужденъ быть выразить сомнѣніе въ ихъ существованіи. Въ 1363 г. опустѣвшій край сталъ легкой добычей Литвы; въ Кіевѣ и другихъ столъныхъ южныхъ городахъ воинствились члены семьи Гедемина. Когда русь возвратилась въ Приднѣпровье, она застала здѣсь чужую государственность, и судьба ея съ тѣхъ порь (и до ХУІІ вѣка) оставалась въ иноніеменныхъ рукахъ. Съ середины ХУІ вѣка благожелательная литовская власть смѣнилась чертвой властью Польши; подъ вліяніемъ экономического и религіознаго гнета, въ пассивно прозявавшемъ населеніи, пробуждается народное самосознаніе: борьба съ поляками и съ католицизмомъ, явившимся ему въ образѣ „польской вѣры“, заполняетъ жизнь малорусскаго населенія на протяжениі ста съ лишнимъ лѣтъ. Основные факты этой борьбы читатель найдетъ въ дальнѣйшемъ, изложеніи, пока же запомнимъ одинъ несомнѣнныи историческій фактъ: отъ начала своего зарожденія и до дня, когда оно политически слилось съ Московскимъ государствомъ, малороссійское племя никогда самостоятельнымъ не было. Исторія указала тремъ вѣтвямъ русскаго народа любовно сплетаться въ дружномъ единеніи: иначе иноніеменникъ разрываетъ ихъ и вѣками тощеть безжалостной пятой.

Быт руссов.

Среди славянскихъ племенъ, упоминаемыхъ на первыхъ страницахъ Несторовой летописи, значатся племена кривичей и дреговичей. Оба имени указываютъ на характеръ мѣстности, въ которой поселились эти племена (1). Связь между именами названиемъ и мѣстностью, — явленіе, свойственное и другимъ несторовскимъ племенамъ (2), — можетъ служить указаніемъ на близкое сродство этихъ племенъ: надо думать, что до разселенія по русской равнинѣ они отдѣльныхъ именъ не имѣли; недаромъ летописецъ свидѣтельствуетъ, что у всѣхъ у нихъ былъ единый языкъ, славянскій. Кривичи жили по верховьямъ Волги, З. Двины и Днѣпра; старые города у нихъ были Изборскъ, Полоцкъ и Смоленскъ. Дреговичи заселили пространство между Двиною и Припетью; важнѣйшій городъ тутъ былъ Минскъ. Племена эти быстро слились съ остальными, образовавшими русскій народъ, и ими скоро исчезло со страницъ летописей. Соловьевъ, разобравъ тѣ два-три текста, гдѣ Несторъ называетъ эти племена, больше о нихъ уже не говоритъ. Они какъ бы археологическая древности, интересныя лишь въ музѣи, и кто бы могъ думать, еще три года назадъ, что враги

(1) Дрегва — тоинъ, трясина (Даль, см. слово „дрожать“); тоже значение имѣть литовское *kirba*, откуда, вѣроятно, и произошло название кривичей (Соловьевъ I, 47).

(2) Древляне, поляне, полочане, новгородцы, сѣверяне, бужане.

России вспоминать о нихъ для практическихъ цѣлей современной жизни и вынесутъ ихъ оттуда для спекуляціи на политической биржѣ.

Бѣлоруссы занимаютъ приблизительно ту же площадь, которую занимали племена кривичей и дреговичей, и такъ какъ не быть сѣдовъ какихъ-либо массовыхъ переселеній въ этихъ областяхъ, то можно предполагать, что бѣлоруссы являются ихъ потомками. Мы не станемъ разбираться въ отличіяхъ этой вѣтви русского народа и ея народчія отъ вѣтвей и народчій великороссовъ и малороссовъ, но мы хотимъ здѣсь установить съ полной очевидностью, что бѣлоруссы всегда были и всегда считались частью русского народа и что земля ихъ есть по существу неотъемлемая часть русской земли. И въ бѣлорусскомъ, какъ и въ украинскомъ, вопросъ у враговъ русского единства есть могущественный союзникъ, — я подразумѣваю малую освѣдомленность иностранного общественного мнѣнія въ русской географіи, исторіи и этнографіи. Перечислить элементарные данные потому будетъ пелишие.

Точные границы разселенія бѣлоруссовъ (а тѣмъ болѣе несторовыхъ кривичей и дреговичей) установить трудно, и будетъ короче и проще прослѣдить судьбу княжествъ, на которыхъ дѣлилась въ древности вся западная полоса Россіи отъ Пскова на сѣверѣ и до Кіевскаго княжества на югѣ.

а) Псковъ существовалъ сице до призыва князей (862); Св. Ольга, бабушка Владимира Святого, была по преданію родомъ изъ Пскова. Область его составляла часть Новгородской

земли. Пограничное положение, борьба съ эстами, а потомъ съ пѣмецкимъ орденомъ придали этому новгородскому пригороду особенное значеніе, и онъ постепенно добивается независимости отъ Новгорода; съ этой цѣлью онъ иногда приглашаетъ къ себѣ (съ XIII в.) литовскихъ князей. Это обстоятельство не породило зависимости отъ Литвы: княжеская власть имѣла мало значенія въ вѣчевомъ Псковѣ. Извѣстно, что псковской политической укладъ является типичнымъ образцомъ республиканского строя на Руси; онъ удался здѣсь лучше, чѣмъ на обширной Новгородской землѣ. Борьба съ нѣмцами и ссоры съ Новгородомъ заставили Псковъ обратиться къ Москвѣ, и съ 1401 г. онъ получаетъ князей, ставленниковъ великаго князя; черезъ сто лѣтъ онъ былъ окончательно поглощенъ Москвой: въ 1509 г. великий князь Василій III приказалъ вѣчу не быть и вѣчевой колоколъ снять. Этнографически Псковская область была издревле русской землей, а съ образованіемъ великокорусского племени вошла въ великокорусскую орбиту.

б) Полоцкъ считается колоніей Новгорода. Еще Рюрикъ, раздавая города своимъ „мужамъ“, отдалъ его одному изъ нихъ. Полоцкая земля рано обособилась въ отдѣльное княжество: Владиліръ Св. отдалъ Полоцкъ своему сыну Изяславу († 1001), который и сталъ родоначальникомъ самой древней изъ мѣстныхъ линій Рюриковичей. Первоначально княжество обнимало земли, заселенные кривичами, которые здѣсь приняли название полочанъ: они жили по среднему течению З. Двины, по р. Полоти и въ верховьяхъ Березины. Въ XI в. Полоцкое княжество распространяется къ западу на соѣднія не-славянскія земли, — на племена литовскія, латышскія и финскія. XI и XII вѣка — времена наибольшей силы княжества: князья ведутъ междуусобныя войны съ Новгородомъ и съ кіевскими

князьями. Один изъ внуковъ Иаяслава былъ на короткое время великимъ княземъ киевскимъ. Кіевскій Мстиславъ, сынъ Мономаховъ, около 1127 г. опустошилъ Полоцкую землю, сослалъ тамошнихъ князей и посадилъ въ Полоцкъ своего сына. Въчевое начало имѣло въ Полоцкѣ значительное развитіе. Въ половинѣ XI в. полоцкіе князья господствуютъ надъ всѣмъ теченіемъ З. Двины, но въ этомъ же вѣкѣ въ устьѣ ея водворяются пѣшицы. Въ XIII в., съ созданіемъ пѣменскаго ордена меченосцевъ и съ зарожденіемъ литовской государственности, западная граница Полоцкой земли отодвигается къ постоку, и ко времени появленія татаръ совпадаетъ съ этнографической русской границей. Съ распадениемъ русской государственности, Полоцкая земля постепенно переходитъ во власть Литвы и при Витовтѣ (1392-1430) окончательно входитъ въ составъ Литовскаго государства. Полоцкая земля дѣлилась на многія княжества, изъ коихъ важнѣйшія Витебское и Минское.

а) **Витебскъ** упоминается уже въ X в. Съ 1101 г. изъ Полоцкаго княжества выдѣлился витебскій удѣль; онъ продержался безъ перерыва до послѣднихъ лѣтъ XII вѣка, когда вслѣдствіе внутреннихъ усобицъ перешелъ подъ власть князей смоленскихъ. Въ XIII в. онъ опять упоминается, какъ независимый. Въ первой половинѣ XIII в. подвергается нападенію литовскихъ князей; по смерти послѣднаго витебскаго князя — рюриковича удѣль переходитъ по родству Ольгерду и поглащается Литвою.

б) **Минскъ** упоминается съ 1066 г., какъ принадлежащей Полоцкому княжеству; великие князья киевскіе, въ томъ числѣ Владимиръ Мономахъ, не разъ берутъ его во время борьбы съ полоцкими князьями (напр., въ 1087 и 1129 гг.). Столицымъ городомъ Минскъ сталъ съ 1101 г.; здѣсь прокняжили три по-

колѣнія одной изъ полоцкихъ вѣтвей. Во 2-ой половинѣ XII в. въ княжествѣ утверждается литовская власть. Въ концѣ XII вѣка и началѣ XIII -го княжество раздѣлилось на многіе удѣлы (до 14-ти); среди нихъ значатся пинскій, тuroвскій и мозырскій, — они лежатъ въ бассейнѣ р. Припяти. Такимъ образомъ мы дошли до границъ Кіевскаго княжества.

Полоцкое и Минское княжества были пограничной полосой русской земли; въ тылу ихъ лежало княжество Смоленское: когда Литва подвинулась на востокъ, оно стало пограничнымъ.

д) Смоленская земля известна съ X вѣка. Она лежала къ востоку отъ Полоцкой и заходила далеко на востокъ, такъ что мѣсто, гдѣ послѣ выросла Москва, входило въ ея предѣлы. Правили ею посадники кіевскаго князя, но въ половинѣ XII в. она обособилась въ отдѣльное княжество: въ 1054 г. Ярославъ I посадилъ въ Смоленскѣ своего сына Всеволода. Потомъ здѣсь княжилъ сынъ Всеволода, Владимиръ Мономахъ, и его потомки. Они вели борьбу съ полоцкими сородичами, которые хотѣли присоединить Смоленскъ къ своимъ владѣніямъ. Водный путь между Новгородомъ и Кіевомъ и между Кіевомъ и Сузdalской землей проходилъ черезъ Смоленскую землю; торговля съ западомъ была другой причиной преуспѣянія княжества. Наибольшаго могущества оно достигло при внукѣ Владимира Мономаха (Ростиславѣ Мстиславичѣ, 1128-61). Съ 1180 г. княжество дробится на удѣлы; наступаетъ междуусобная борьба за обладаніе смоленскимъ великокняжескимъ столомъ; изъ удѣловъ больше замѣтныя торопецкій и вяземскій (оба съ начала XIII в.). Во 2-ой четверти XIII в. начинаются нападенія литовцевъ. Въ 1242 г. татарское нашествіе было отбито, все же слава княжества увѣдается: постепенно утрачивается влияніе на Полоцкъ и Новгородъ, прекращается связь съ Кіевомъ. Въ 1274 г. Смо-

ленскъ подчиняется татарскому хану. Около 1320 г. начинается замѣтное вліяніе Литвы; княжество становится предметомъ раздора между Москвой и Литвою и борется то съ той, то съ другой. Въ 1395 г. Витовтъ захватилъ „лестію“ всѣхъ смоленскихъ князей и посадилъ намѣстника; ризанцы наступаютъ за эту часть Русской земли, но въ 1404 Витовтъ беретъ Смоленскъ и самостоятельность его прекращается. Предѣлы княжества къ этому времени сократились до размѣровъ нынѣшней Смоленской губерніи.

На эти земли, ставшія черезъ нѣсколько столѣтій Бѣлой Русью, издавна разлилась славянская стихія. Здѣсь говорили по славянски, „а Словенъский языкъ и Русскій одно есть „, записалъ еще Несторъ; здѣсь до завоеванія страны иноземной властью, княжили всюду Рюриковичи; жизнь слагалась въ формы, обычныя для удѣльной Руси. Княжества боролись между собою, но то была борьба со своими же, не съ прирожденнымъ врагомъ, а съ политическимъ соперникомъ; когда съ востока надвигалась опасность для всей Россіи, здѣшніе Рюриковичи вели свои дружины и мѣстныя ополченія противъ общаго врага и погибали за единую Русь и въ половецкихъ походахъ, и подъ ударами татаръ. Такъ въ первой несчастной встрѣчѣ русскихъ съ татарами на далекой южной рѣкѣ Калкѣ (1) (1224) дрались и смоленское ополченіе. Знаменитые Мстиславы Храбрый († 1180) и Удалой († 1228), подвизавшіеся

(1) Небольшая рѣка Калка впадаетъ въ Азовское море.

въ ратномъ дѣлѣ во всѣхъ концахъ Руси, были родомъ отсюда, изъ смоленскихъ князей.

Но ближайшій противникъ этой части Руси — эсты, латыши, литва и нѣмцы — жилъ на западѣ и сюда, на западъ, обращенъ былъ здѣсь во всѣ вѣка ея главный фронтъ. Первоначально власть руси не выходила за этнографические предѣлы; съ усиленіемъ русской государственности она ихъ переходитъ: Ярославъ Мудрый въ 1030 г. основываетъ въ землѣ эстовъ городъ Юрьевъ (Церитъ); въ XI—же вѣкѣ Полоцкъ начинаетъ подчинять себѣ ливовъ (1); въ срединѣ слѣдующаго столѣтія всѣ земли по нижнему течению З. Двины находятся въ зависимости отъ Полоцкаго княжества; полочане владѣютъ здѣсь крѣпостями Куконойсъ и Герцикъ; южнѣе подъ власть Полоцка переходятъ литовскія племена, и Гродно включено въ русскіе предѣлы. Приблизительная граница этого наибольшаго распространенія Руси до-татарскаго періода на с.-западѣ отмѣчена на прилагаемой схемѣ пунктирной линіей, начинающейся близъ гор. Юрьева.

Съ XIII вѣка картина измѣнилась. Въ 1201 г. германцы основали Ригу, на слѣдующій годъ родился Ливонскій орденъ (орденъ меченосцевъ) — орудіе кровавой германизаціи. Постепенно продвигаясь на востокъ, нѣмцы за полѣ столѣтія вытѣснили русскую власть

(1) Ливы — отрасль финского племени; съ XIII вѣка страна, ими населяемая, стала называться Ливоніей (нынѣшняя Курляндія).

изъ земель латышей и эстовъ; они осѣли здѣсь въ качествѣ господствующаго класса и дальше не пошли. Зато далеко распространилась вглубь русской земли литовская власть.

Литовцы въ этнографическомъ смыслѣ — самостоятельное племя, отличное и отъ славянъ и отъ германцевъ. Страна ихъ — бассейнъ Нѣмана; они жили здѣсь съ давнихъ временъ своей отдельной жизнью. Въ XIII вѣкѣ ихъ захватила жизнь „международная“: съ запада надвигался Тевтонскій орденъ, съ востока и юга — русскіе. Основателемъ Литовскаго государства считается Миндовгъ († 1263), разбившій тевтонскій орденъ и державшій подъ своею властью Вильно, Гродно, и даже русскій Волковыскъ и русскій Пинскъ. Христіанство и съ нимъ культура шли къ литовцамъ съ востока, отъ русскихъ. Миндовгъ былъ первый литовскій князь, принявший крещеніе. Послѣ его смерти въ Литвѣ идетъ борьба литовской (языческой) и русской (христіанской) партій. Около 1290 г. утверждается литовская династія, известная позднѣе подъ именемъ Гедиминовичей. При Гедиминѣ (1316-41) княжество крѣпнетъ: новый патискъ ливонскаго ордена остановленъ; княжества Минское, Пинское и нѣкоторыя частисосѣднихъ земель переходятъ подъ власть Гедимина; $\frac{2}{3}$ территории Литвы состоять изъ русскихъ земель; русскіе играютъ при немъ въ Вильнѣ главную роль; онъ титулуется „Великій князь Литовскій, Жмудскій (1), и Русскій“. По смерти Гедимина пѣмцы, пользуясь раздѣле-

(1) Жмудь, одно изъ литовскихъ племенъ, жило между нижнимъ Нѣманомъ и р. Виандвой.

ніемъ Литвы между нѣсколькими (8-ю) наслѣдниками, возобновляютъ натискъ, на этотъ разъ въ союзѣ съ Польшей; но Ольгердъ († 1377), сынъ Гедимина, одолѣваетъ орденъ. Всѣ помыслы Ольгерда, христіанина, дважды женатаго на русской (сперва на княжнѣ витебской, потомъ на тверской), направлены въ сторону русскихъ земель: онъ стремится вліять на дѣла Новгорода, Пекова, хочетъ владѣть Тверью, для чего совершаєтъ походы на Москву, но неудачно. Около 1360 г. онъ присоединяетъ русскія княжества Брянское (1), Черниговское, Сѣверское (2), овладѣваетъ Подоліей и наконецъ, въ 1363 г., Кіевомъ.

Такъ, въ теченіе одного столѣтія (съ $\frac{1}{2}$ XIII по $\frac{1}{2}$ XIV в.) Литовско-русское государство, протянувшись широкой полосой съ сѣвера отъ Двины на югъ за Кіевъ, объединило въ себѣ всѣ западныя русскія княжества, весь бассейнъ правыхъ притоковъ Днѣпра; еще чрезъ поль-столѣтія оно поглатило и Смоленскъ. Начало этого процесса совпало съ разслабленіемъ Руси отъ татарского погрома; быстрое развитіе его было облегчено рядомъ причинъ. Вспомнимъ, что могущество Галицкаго княжества померкло уже сто лѣтъ ранѣе (со смерти князя-короля Даніила въ 1264 г.), что Московское государство, при жизни Ольгерда, было еще слабымъ княжествомъ, границы котораго на западъ представляли собой полукругъ, отстоявшій отъ Москвы всего на 100 верстъ, что процессъ сложенія великорусскаго племени далеко не былъ законченъ, наконецъ,

(1) Къ югу отъ Смоленского.

(2) Къ югу отъ Черниговского.

что подчиненіе Литвѣ освобождало князей опустошенныхъ княжествъ западной и южной Россіи отъ татарского гнета, — и намъ станеть понятенъ успѣхъ Ольгерда.

Была еще причина, почему Литва встрѣтила столь слабое сопротивленіе: Литовское государство съ самого своего возникновенія находилось подъ политическимъ и культурнымъ русскимъ влияніемъ; русскій языкъ былъ официальнымъ его языкомъ; семья Гедиминовичей, родившаяся съ Рюиковичами, обрусѣла; они были русскими же князьями, только новой, литовской династіи (1); церковная жизнь получала направление изъ Москвы; въ подчинившихся Литвѣ княжествахъ литовская власть не нарушила ни политического строя, ни народнаго уклада. Уже къ концу XIУ в. Литва и по составу населенія, и по складу жизни представляла собой болѣе русское, чѣмъ литовское княжество; въ наукѣ оно известно подъ именемъ Русско-литовского государства. Казалось, центръ тиности русской государственной жизни не зналъ гдѣ остановиться, въ Москвѣ или въ Вильнѣ; начался долгій поединокъ за это господство; онъ длился 2 вѣка. Сильные Московскіе государи Иванъ III (1462-1505) и Василій III (1505-33) начинаютъ отбирать отъ Литвы русскія области и заявляютъ притязанія на все русское, что принадлежало Литвѣ. Въ серединѣ XIУ в., въ 60-хъ годахъ, войска Ивана Грознаго (1533-84) взяли Полоцкъ и хозяйничали

(1) Гедиминовичи усѣлись въ главныхъ городахъ; Рюиковичи измельчали.

въ Литвѣ. Но здѣсь противъ Москвы стала и Польша: соединеннымъ ихъ силамъ Москвѣ пришлось уступить.

Мы прослѣдили политическую судьбу бѣлорусской части русскаго населенія до конца XIII столѣтія, но еще не встрѣтились съ воздействиемъ на нее Польши. Оно и понятно: въ сѣверной части Бѣлоруссіи между западной границей русской народности и восточной этнографической гранью Польши лежала третья народность — литовская, отличная и отъ русской и отъ польской; она раздвигала ихъ на 150-400 верстъ. Польская народность распространялась на востокъ приблизительно до меридіана Люблина. Къ югу отъ параллели Минска и Могилева границы обоихъ народовъ, русскаго и польскаго, соприкасались; но даже и здѣсь, на бѣлорусскомъ югѣ, встрѣча ихъ могла произойти только послѣ того, какъ литовская государственность была поглощена польскою.

Въ 1386 г. великий князь литовскій Ягайлло (сынъ Ольгерда) женился на польской королевѣ Ядвигѣ и принялъ католичество. Съ этого времени въ Вильно прочно водворяется польское и католическое влияніе и на демократическую литовско-русскую почву постепенно переносятся польскія государственные понятія. Въ ХУ вѣкѣ создается классъ вельможъ, одаряемый широкими привилегіями; магнаты заѣдаютъ въ сеймахъ, сосредотачиваются въ своихъ рукахъ пожизненные должности по польскому образцу и надѣляются огромными площадями земли; начинаетъ образовываться мелкій дворянскій классъ, шляхта; среди крестьянства все шире распространяется холопство, помѣщикамъ

дается право вотчинного суда надъ крестьянами и къ началу ХVI ст. (т. е. вѣкомъ ранѣе, чѣмъ въ Московской Руси) крѣпостное право укладывается въ опредѣленные формы. Всѣ привилегіи первоначально даются только католикамъ; распространеніе ихъ на православныхъ достигается путемъ упорной борьбы. Польскія нововведенія встрѣчаютъ противодѣйствіе въ литовскомъ и русскомъ національномъ чувствѣ; нѣкоторые изъ литовскихъ великихъ князей (какъ Витовтъ и его братъ Свидригайло) стремятся отстоять независимость Литвы. Витовтъ достигъ почти полной независимости; онъ долженъ былъ короноваться королемъ, но высланная папою корона была послана чрезъ Польшу... и до Вильны никогда не дошла. Стремленіе къ независимости находитъ опору въ классъ вельможъ, которые, заполучивъ себѣ права на польскій ладъ, вовсе не желали, чтобы и мелкое дворянство усиливалось подобно польской шляхтѣ. За независимость стояла, конечно, и крестьянская масса, которой не могло быть по душѣ ни насильственное окатоличиваніе, ни се-
словный польскій строй, ведшій къ крѣпостной зависимости. Русское вліяніе и самосознаніе были весьма сильны: русскій языкъ признавался официальнымъ языкомъ еще по статуту 1566 г. На немъ, а именно на белорусскомъ его нарѣчіи, создавалось литовское законодательство, на немъ же писались литовскія лѣтописи и издавалась библія (1).

(1) Напримѣръ, „Статутъ Казимира-Ягеллона“ 1492 г. и „Статутъ Литовскій“ 1505-го, послѣдній разъ исправленный въ

Но какъ бы то ни было, польское вліяніе одолѣло. Рядъ сеймовъ ХУ в. закрѣпилъ политическое соединеніе обѣихъ странъ; оба престола остались въ семье Ягеллоновъ и съ середины ХУ вѣка власть обоихъ монарховъ почти безъ перерыва совмѣщалась въ одномъ лицѣ. Русско-литовское государство постепенно превратилось въ Польско-литовское, а въ 1569 г. личная унія Польши и Литвы перешла въ реальную. Съ этого времени судьба большей части бѣлорусского племени находится въ рукахъ польской государственной власти.

Поединокъ Москвы съ Литвой смѣнился борьбою съ Польшей; борьба стала ожесточеннѣе; теперь дѣло шло не о первенствѣ, — дрались не на жизнь, а на смерть.

Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.

Когда въ концѣ ХVI столѣтія, со смертью послѣдняго царя-рюриковича, исчезла въ Москвѣ прирожденная власть и Россія, какъ въ наши дни, очутилась на краю гибели, поляки думали, что единоборство навѣки закончилось ихъ торжествомъ, — казалось въ Москвѣ

1588 г., „Лѣтопись Даниловича“, библія Скарины, изд. 1517 и 1585 гг. Въ языкѣ этихъ памятниковъ немало, однако, чужеземныхъ словъ, церковно-славянскихъ, польскихъ, даже чешскихъ и онъ замѣтно отличается отъ современного ему простонароднаго нарѣчія. Самостоятельнаго литературнаго значенія бѣлорусское нарѣчіе никогда не имѣло.

царемъ сядеть польскій король. Но лишь только Московское государство оправилось отъ смуты, оно при первыхъ Романовыхъ возобновило старую борьбу за русскія, подчиненные Польшѣ, земли и ослабѣвшая Польша стала уступать ихъ Москвѣ. При Петрѣ Великомъ ясно политическое преобладаніе Россіи надъ Польшей, но историческая задача освобожденія подъярменной Руси еще не кончена: она передана XVIII-му вѣку и осуществлена (хотя и не полностью) лишь путемъ "З-хъ раздѣловъ," Польши.

Въ Западной Европѣ весьма распространено представление, будто при трехъ раздѣлахъ Польши, Россія посягнула на независимость части польского народа. Достаточно открыть любой историческій атласъ, чтобы убѣдиться, что ни одного клочка дѣйствительно польской земли мы тогда не пріобрѣли. При дѣлежѣ Польского государства Россія: а) освободила исконныя русскія земли (кромѣ Галиціи, которая перешла къ Австріи) и б) замѣнила польское иноземное господство надъ не-русскими землями (какъ-то надъ Курляндіей и собственно Литвой) господствомъ русскимъ. Грѣхъ овладѣнія частью польской земли и польского народа совершилъ Россіей не при З-хъ раздѣлахъ, а въ 1815 г. на Вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ соучастницей въ преступлении была (за исключениемъ Франціи) вся Европа.

Это краткое безхитростное перечисленіе главныхъ историческихъ событий, опредѣлившихъ судьбу Бѣлоруссіи, вполнѣ достаточно, чтобы сдѣлать слѣдующія обобщенія.

Часть русского народа, въ вѣкъ ослабленія русского единства, подпала подъ власть народа литовскаго; благодаря высшей культурѣ, она пріобрѣла въ Литвѣ господствующее положеніе, образовала съ ней одно государство, но сознанія народности не потеряла. Но мѣръ роста Москвы пограничный русскія области Литвы, частью по собственному почину, переходятъ подъ власть московскаго великаго князя. Соревнованіе Вильны и Москвы клонилось къ торжеству послѣдней, но тутъ явилось на сцену новое дѣйствующее лицо — польскій имперіализмъ, и естественный ходъ событій — національное объединеніе русского народа — остановился. Бѣлоруссы оказались подъ властью поляковъ. Не оружіе, не заселеніе, не торговля отдала судьбу бѣлоруссовъ въ руки Польши: *Tu, felix..... Polonia, nube!* Трудно найти въ исторіи другой династической бракъ который быль бы столь богатъ послѣдствіями (1), какъ устроенный польскими магнатами бракъ Ядвиги съ Ягайло. Польша получила Литву, а съ нею и часть Россіи, какъ-бы въ приданое; оставалось только выждать время и потомъ вступить во владѣніе этимъ приданымъ. Фактически во владѣніе вступили съ середины XУ

(1) Могущество Польши въ XУ-XУІІ вѣкахъ, порабощеніе Малой и Бѣлой Россіи, задержка роста Московской Руси, отдаленіе ея отъ Европы, пріостановка германского распространенія на востокъ и турецкаго на центральную Европу, — вотъ отрицательные и положительные факторы европейской исторіи, берущіе начало отъ брака 1386 г.

вѣка, со времени личной унії, а выполнение всѣхъ формальностей закончили въ 1569 году.

Вместо самодержавного и демократического строя русского государства, на Бѣлую Русь распространился олигархический и сословный строй Польши. Крѣпостная зависимость отъ иноплеменныхъ пановъ отразилась невыгодно на характерѣ населенія, наиболѣе забитаго и приниженнаго во всемъ русскомъ народѣ (1). Но настѣнъ интересуетъ здѣсь не характеръ владѣнія, а вопросъ самого права владѣнія. Намъ важно отмѣтить полное отсутствіе національныхъ оснований для господства Польши надъ Бѣлой Русью: это господство было порожденіемъ имперіализма, осуществлялось во имя его и могло бы возродиться нынѣ не иначе, какъ во имя него же.

Въ наши дни имперіализмъ не въ модѣ (по крайней мѣрѣ на словахъ) и чтобы оправдать свои вождѣнія на исконно русскія земли, польскимъ шовинистамъ ничего не остается, какъ придумать ложный этнографический доводъ. И вотъ они завѣряютъ иностранную публику, что бѣлоруссы не русские, а "бѣлые гутені", Но мы уже видѣли, что гутені есть ничто иное, какъ искаженіе слова "русины", и слѣдовательно синонимъ слова "русскій"; мы говорили, что оно примѣнялось по латыни ко всѣмъ частямъ Россіи. Такъ Волга наз-

(1) Тяжелыя природныя условія жизни въ дремучихъ, болотистыхъ, бездорожныхъ лѣсахъ Польши — другая причина культурной отсталости бѣлоруссовъ.

вана (въ 1556 г.) Volga rutenica. Больше того, есть документы, именующіе правительство Петра Великаго и даже императрицы Анны Ioannовны († 1740) правительствомъ rutenorum. Съ такой искаженной транскрипціей мы встрѣчаемся во многихъ именахъ, но нельзя-же изъ-за этого увѣрять, что въ городѣ Roma одно предмѣстье называется “ Римъ „. Называйте нѣмцевъ нѣмцами, швабами, tedeschi, allemands или germans, — вы ихъ этимъ на пять частей не подѣлите и они останутся тѣмъ, что въ дѣйствительности есть — однимъ народомъ, и имя ему — единственное дѣйствительное имя — Deutsche. Придумывайте намъ имена украинцевъ или рутеновъ, мы все же останемся тѣмъ, что мы есть — русскими.

Я искренно желаю братскому польскому народу благополучнаго существованія, — но въ его национальныхъ предѣлахъ. Для меня Варшава, и подъ русской властью, была всегда польскимъ городомъ; но я не могу имѣть двухъ мѣръ, и потому Минскъ или Полоцкъ, хотя бы охваченные польской границей, всегда будуть для меня городами русскими. Мы согрѣшили противъ васъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, взять часть вашего народа подъ свою опеку: но для настѣ были смягчающія вину обстоятельства. Вы были изъ числа 12-ти языковъ, только что вторгшихся предъ тѣмъ въ самое сердце Россіи; а русскій императоръ далъ вамъ въ Вѣнѣ широкую автономію и либеральнѣйшую по тому времени конституцію. Тогда мы были врагами, а нынѣ вы посягаете на цѣлость того народа, который первый, словами манифеста великаго князя

Николая Николаевича, провозгласиль ваше единство и вашу свободу и деклараціей временнаго правительства — вашу независимость. Вы пользуетесь часомъ нашихъ неслыханныхъ мукъ, чтобы расчленить тотъ народъ, который только что цѣлый годъ заливаль потокомъ своей крови, вашу землю, отстаивая каждую пядь ся отъ вашего главнаго, прирожденного врага. Сто лѣтъ назадъ судьбу государствъ вершили короли и десятокъ вельможъ; нынѣ вся демократія несетъ отвѣтъ за ложные шаги. То было время, когда считалось, что дипломатическія ножницы вольны выкраивать изъ безличной народной массы какие угодно узоры и что народамъ не полагается испытывать боли отъ этой операции. А нынѣ на весь міръ громогласно провозглашены права національностей, какъ незыблемый принципъ справедливости; теперь каждый изъ васъ знаетъ, что вы нарушаете ее. Вашъ грѣхъ тяжелъ, вы совершаєте его въ полномъ сознаніи, — берегитесь, не стать — бы онъ для васъ грѣхомъ смертнаго.

* * *

Дерево русскаго народа растеть болѣе тысячи лѣтъ. Корни его — это тѣ славянскія племена, которые пришли на нашу равнину въ до-рюриковскую эпоху. Они были между собою въ ближайшемъ родствѣ и, естественно, дали единый стволъ, вполнѣ однородный, въ которомъ не отличить, какія частицы привнесены какимъ корнемъ. Такъ расло оно 4 или 6 вѣковъ, когда въ XIII в. ураганъ раскололъ этотъ стволъ на

три части. Дерево захирѣло. Отколовшимся частямъ пришлось зажить отдельной жизнью, но они крѣпко сидѣли на общемъ корню и взаимное тяготѣніе не покидало ихъ. Одна изъ трехъ вѣтвей, болѣе сильная, на большемъ просторѣ оправилась раньше и покрыла своею тѣнью своихъ сестеръ; другая, послѣ трехсотъ лѣтъ страданій, измученная, сама потянулась къ ней и та поддержала ее и притянула; третья бессильно ждала въ неволѣ и дождалась, — и ее наконецъ охватила могучая листва обѣихъ сестеръ. И срослись вновь три вѣтви и такъ прочно, что почти не видно было черты ихъ сростанія.

Въ нашъ вѣкъ завелся въ деревѣ злой червь и оплели его паразиты, тѣ самые, что не жалѣютъ нынѣ ни одного дерева въ рощѣ. А тутъ налетѣлъ второй ураганъ, пуще прежняго и сталъ безжалостно гнуть и трепать больного исполина. Застоналъ, заметался.... Увидали это и недруги, и иные изъ напихъ друзей, и потянулись жадныя и завистливыя руки къ нему, чтобы вновь расщепить его... Оставьте! корень глубокъ и могучъ, — не удастся.

Кто прочтеть эту главу, замѣтить, что въ нашей метафорѣ каждое слово обосновано на историческихъ фактахъ и датахъ, что она точно передаетъ сущность этнографического процесса нашего триединаго народа. Теперь перейдемъ къ территоріальной сторонѣ украинофильтскихъ вожделѣній.

Схема составлена на основаніи атласа L'Europe ethnique et guistique, изданнаю въ 1917 г. Географическимъ Институтомъ Новарь. Что земли Полоцка, Витебска, Смоленска, Минска, иныхъ были этнографически издревле русскими землями видно изъ исторической справки о нихъ (стр. 62-68); русскими же извѣде были и остальныя земли, покрытыя на схемѣ зеленою асой, отъ Днѣпра на западъ до южныхъ склоновъ Карпатъ. Въ Смутное время (1598-1613) Польша воспользовалась разрухой сїї и расширила свои границы къ востоку. Въ царствованіе царя Федоровича (1613-45) Смоленскъ, Брянскъ, Н. Сльверскъ, рижіи, Кіевъ, Полтава оставались въ ея рукахъ. При царь екстѣ Михаиловичѣ (1645-76) началось возвращеніе русскихъ въ подъ вѣдѣсть Москвы. По Адрусовскому миру 1667 г. русско-польская граница была отодвинута на западъ до линіи, показанной на схемѣ краснымъ, и оставалась въ этомъ положеніи до раздѣла Польши (1772).

При 3-хъ раздѣлахъ Польши Россія вернула себѣ:

-въ 1772 г.: 1) пространство отъ границы 1667 г. до Двины (Блоцкѣ), 2) Витебскъ, 3) пространство отъ той же границы р. Березины, т. е. земли русскія и часть латышской.

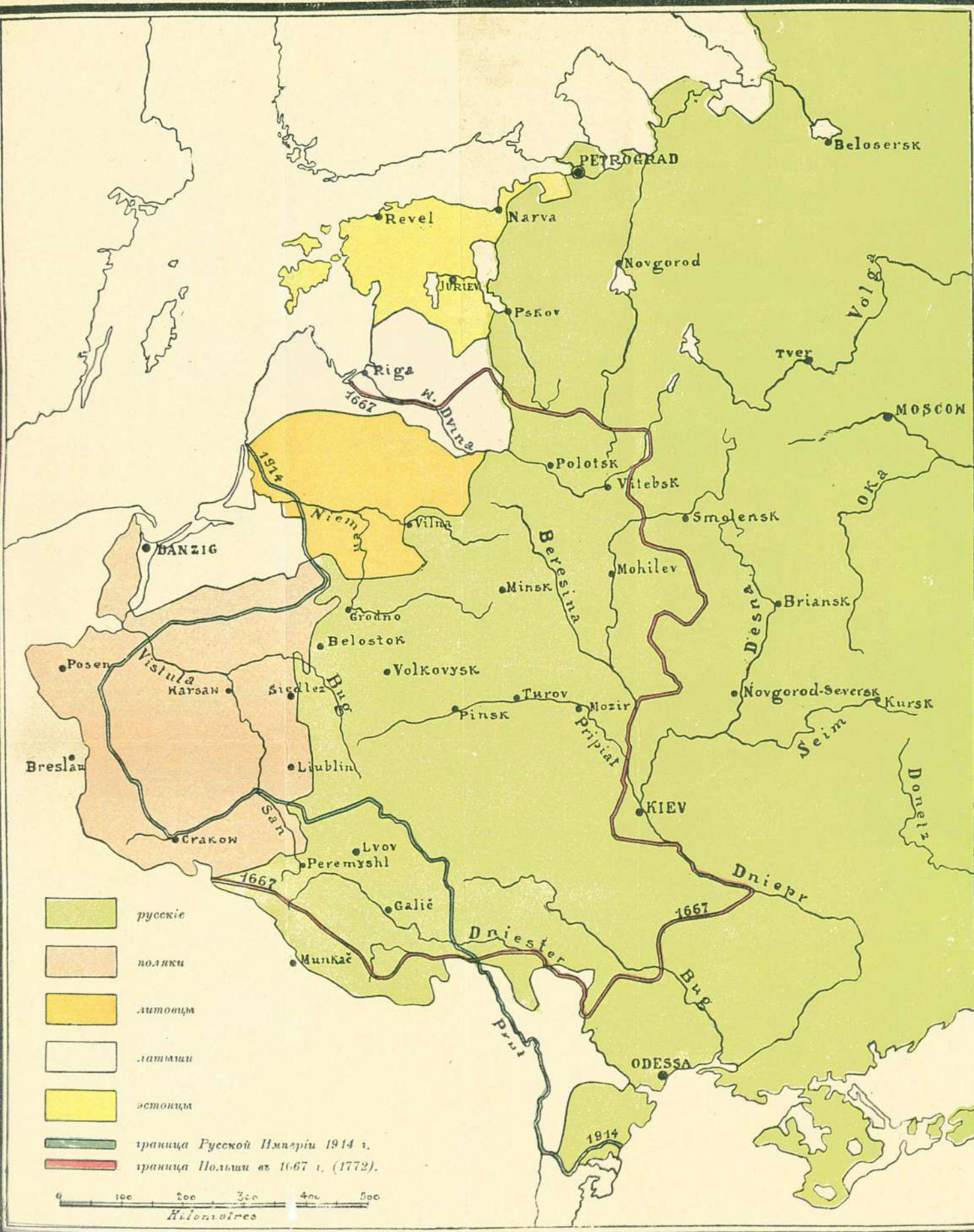
-въ 1793 г.: широкую полосу до меридіана Пинска, такъ что Россія вернулась Минскъ, Пинскъ, Каменецъ-Подольскъ. Всю эту полосу на схемѣ лежитъ въ предѣлахъ зеленої окраски.

-въ 1795 г.: 1) Курляндію и Литву до Нѣмана (Ковно и одно (*); 2) полосу до линіи Гродно-Брестъ (включая послѣднюю); 3) дающее граница шла вверхъ по З. Бугу до позднѣйшой ницы 1914-го года и сльдовала вдоль нея до истоковъ Ю. Буга. Сльдовательно, во всѣ 3 раздѣла Россія до земель польского юда (розовая окраска) - и не дотронулась. (Это произошло днѣ, на Вильскомъ конгрессѣ).

Возстановлять Польшу въ границахъ 1772 г. равносильно тому, съ если бы при возстановленіи Австроїи въ нее включили Венѣю и Миланъ. Больше вопиющей несправедливости, нелогичности олье близорукою международного акта и придумать нельзя: то или поздно, но Россія должна будетъ удалить польское государство изъ своего дома.

*) Ошибочно показано на лѣвомъ берегу. Другая ошибка: не цель розовый кружочекъ вокругъ Львова, который былъ бы бѣдимъ, чтобы показать ополченіе этого города и окрестей.

Этнографическая карта русской, польской, латышской и эстонской народностей по даннымъ 1897 года.

7. — Кому принадлежать черноморскія степи.

Россія и Азія.

У Руси кіевскаго періода быль на востокѣ и на югѣ грозный врагъ — степь, вѣковая арена азіатскихъ хищниковъ.

Азія съ незапамятной древности, отъ времени до времени, высылала изъ своихъ вѣдръ племена дикихъ кочевниковъ. Они входили широкими воротами между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, собирались гдѣ-то въ степяхъ нижней Волги и вдругъ, какъ гонимая ураганомъ саранча, неслись на западъ по черноморскимъ степямъ чрезъ нижній Донъ, Днѣпръ и Днѣстръ, чрезъ Карпаты и Дунай, разрушать и обновлять обветшалое наслѣдіе римской государственности. Такъ пронеслись въ У вѣкъ гунины, сметя въ Днѣпровскомъ бассейнѣ Готское государство Германриха; вслѣдъ за ними прошли болгары, оставивъ часть своего племени навсегда на средней Волгѣ; чрезъ 100 лѣтъ послѣ гунновъ прокатилась волна аваровъ, захлестнула передовыя восточные славянскія племена въ Приднѣпровье и встревожила съ насиженныхъ мѣсть въ Карпатахъ остальныхъ ихъ сородичей; тогда въ VI вѣкѣ началось усиленное разселеніе славянскихъ племенъ съ Карпатъ на югъ, востокъ и на сѣверъ. Вѣкъ, когда зарождалась русская земля, быль временемъ сравнительнаго затишья въ степи, —

не было бури, но волны катились непрестанно: козары (въ IX и X вв.), печенѣги (въ X и XI в.), половцы (въ XI, XII и XIII вв.) триста лѣтъ безпрерывнымъ прибоемъ тревожатъ Киевскую Русь, не даютъ ей отойти отъ Днѣпра на востокъ, не даютъ спуститься до Чернаго моря. Юной Руси, передовому бастіону культурной христіанской Европы, пришлось оказать ей тогда великую услугу: отбивая, сдерживая, поглощая кочевые племена, она ограждала лѣвый флангъ крестоносной Европы. Западъ тогда не зналъ, да и теперь не вспоминаетъ, этой услуги; но Россіи она обонилась въ дорогую цѣну, особенно Россіи южной, принимавшей на себя главные удары все новыхъ волнъ.

Были и другія причины ослабленія Руси въ XII в., причины внутренняго порядка: междуусобная борьба Рюриковичей, о которой мы говорили выше, и недочеты соціального строя, вопросъ о которыхъ стоитъ въ сторонѣ отъ нашей темы. Не выдержалъ неокрѣпшій организмъ этого двойного испытанія, — стали люди уходить изъ песчаныхъ мѣсть, началось (съ конца XII в.) запустѣніе Киевской Руси, началось перенесеніе центра тяжести государственной жизни на сѣверъ, — въ лѣса, вдали отъ опасной степи, туда, где зарождалось Московское княжество. И когда въ XIII в. изъ степи налетѣлъ девятый валъ, нагрянуло татарское нашествіе (1224 и 1239), югъ былъ сломленъ; Кіевъ послѣ храброй защиты взятъ и сожженъ (1240). Въ 1246 г. францисканецъ *Plano Carpini* проѣзжалъ на Волгу проповѣдывать слово Христово татарамъ; на пути изъ Владимира Волынскаго къ Кіеву и далѣе онъ почти не встрѣчалъ русскихъ

людей, — зато видѣль въ поляхъ безчисленное множество костей и череповъ.

Это быль трагической часть перелома въ русской исторіи. Жизнь замирала на Днѣпѣ, но съмъ ея было переброшено на съверо-востокъ и здѣсь, въ сравнительномъ укрытии, медленно проростало: упорно, тяжкими усилиями поднимала голову Москва.

Читатель замѣтить, насколько эти факты противорѣчать обычному западному представлению о Россіи, какъ обѣ азіатской силѣ, грозящей Европѣ: не угроза ей, а охрана ея отъ Азіи, — вотъ роль Россіи сквозь всю ея исторію (1). Но нась интересуетъ теперь другой выводъ изъ изложенного: намъ интересно очертаніе восточной и южной границы Руси, или, вѣрнѣе, восточного ея фронта ко времени татарскаго нашествія.

Покинувъ въ VI в. Карпаты, утвердившись въ IX-мъ на великомъ водномъ пути (Новгородъ-Кievъ), славянскія племена, составившия русскій народъ, не остановили своего стремленія на востокъ, но стремленіе это встрѣтило на различныхъ частяхъ фронта различную степень сопротивленія. На съверѣ движеніе затрудняла

(1) Недавно принцъ Максимилианъ Баденскій въ одной изъ рѣчей своихъ повторилъ обычное нѣмецкое утвержденіе, будто Германія является оплотомъ противъ Азіи, т. е. Россіи. Въ теченіе всей своей исторіи Россія вступала въ Германію 3 раза: въ Семилѣтнюю войну, которую вела въ союзѣ съ Австріей и Франціей; въ 1813 г., когда во главѣ Пруссіи и Австріи освободила Европу отъ наполеоновскаго господства, и въ 1914-15 г. Въ который же изъ этихъ трехъ случаевъ Россія дѣйствовала въ качествѣ азіатской державы?

лишь природа, и русскіе здѣсь продвинулись на востокъ далеко, за Вятку; въ центральной Россіи, на средней Волгѣ, путь руси былъ прегражденъ болгарскимъ государствомъ (будущимъ царствомъ Казанскимъ); здѣсь Россія ко времени нашествія татаръ успѣла лишь достигнуть устья Оки и укрѣпиться на немъ, построивъ Нижній-Новгородъ (1221); наконецъ, на югѣ силы Азіи имѣли перевѣсъ, и Россія едва удержалась на Днѣпрѣ. Соответственно этому, граница начиналась на сѣверѣ восточнѣе Вятки, шла на Нижній, охватывала Рязанское княжество, Орловскую землю и княжество Курское и вдоль рѣки Сулы подходила къ Днѣпру; противъ кіевского участка его она отстояла отъ Днѣпра лишь на 100-200 верстъ; у рѣки Роси, праваго Днѣпровскаго притока, впадающаго всего въ 150 верстахъ южнѣе Кіева, граница пересѣкала Днѣпръ и шла подъ прямымъ угломъ по Роси и далѣе къ южной грани Буковины (1).

Такое очертаніе границы доказываетъ, что пространство позднѣйшей Европейской Россіи дѣлилось въ древности не по параллели (какъ раздѣлили его германо-

(1) Русь кіевскаго периода свободно плавала по нижнему Днѣпру (вѣдь стрѣла не хватаетъ до средины рѣки), провозила товары и совершила набѣги на Византійское побережье, но оба берега рѣки были въ азиатскихъ рукахъ. Кіевская Русь (какъ и Московская) никогда черноморскимъ берегомъ не владѣла. Единственное исключеніе — византійская колонія Херсонесъ Таврическій (близъ Севастополя), который былъ во владѣніи Владимира Святого въ теченіе одного года (987) и Тмуторакань, свѣдѣнія о которой прекращаются съ конца XI вѣка; видимо это княжество было раздавлено какимъ-то азиатскимъ нашествіемъ.

большевики въ Брестъ-Литовскѣ), а въ направленіи съ юга на сѣвера-востока на юго-западъ; сѣверо-западная часть — это Россія (Европа), юго-восточная — это „степь“ (Азія). Непрестанная борьба этихъ двухъ частей составляетъ одно изъ основныхъ явлений русской исторіи. Тысячелѣтній процессъ отодвиганія юго-восточной границы закончился только въ эпоху имперіи, закрѣпленіемъ Азова за Россіей въ 1736 году и занятіемъ черноморского побережья при Екатеринѣ Великой.

Если теперь посмотримъ на карту германской Украины, то увидимъ, что почти все пространство былой азіатской степи, лежащее къ западу отъ Дона и до границы Румыніи, включено творцами Брестъ-Литовского договора въ предѣлы Украины. Невольно является предположеніе, что степь эта, въ эпоху позднѣйшую, разсмотрѣнной нами, была отвоевана отъ татаръ украинскимъ казачествомъ, что заселили ее только малороссы, и что центромъ, гдѣ созрѣла мысль утвержденія Россіи на берегахъ Чернаго моря, былъ Киевъ. Предположеніе совершенно ошибочное. Только сѣверо-западный уголъ этого пространства, прилегающій къ лѣвому берегу Днѣпра (т. е. губернія Полтавская, сосѣдняя часть Харьковской и юго-западная часть Курской губ.) былъ пріобрѣтенъ, если можно такъ выразиться, изъ Киева; участокъ этотъ образовалъ въ XVI и XVII вв. лѣвобережную Украину. Всѧ остальная площадь присоединена къ Россіи усилиями Москвы и Петербурга (1).

(1) Обращаемъ вниманіе читателя также на западную границу Россіи. На сѣверномъ участкѣ этой границы проведена на схемѣ

Завоеваніе степи.

Роль Москвы.

Въ 1239-41 г. татары Батыя разграбили и пожгли Суздальскую землю и западную Россію, проникли въ Литву, гдѣ разорили Гродно, огнемъ и мечемъ прошли насквозь всю многострадальную южную Русь, вторглись въ Польшу, Силезію, въ Моравію, Венгрію, всюду на-нося пораженія, и опустошили Трансильванію. Но судьба спасла Западную Европу: въ далкой Монголії скончался верховный ханъ и Батый повернулся назадъ въ волжскія степи. Въ степи образовались монгольскія государства: Ногайская Орда къ западу отъ Днѣпра, Орда Золотая и другія — въ степяхъ Дона и Волги.

№ 2 пунктириная линія, охватывающая съ запада Юрьевъ и Гродно; она изображаетъ русскую границу около 1100 года. Юрьевъ былъ основанъ великимъ княземъ киевскимъ Ярославомъ I-мъ въ 1030 г. въ землѣ финского племени эстовъ; въ 1224 онъ былъ взятъ пѣмцами Тевтонского ордена и переименованъ Дерптомъ. Гродно было основано (вѣроятно въ XI в.) русскими, кажется, среди литовского населения; съ 1270 г. городъ перешелъ подъ власть Литвы. Пространство между пунктиромъ и границей середины XIII вѣка выражаетъ давленіе, произведенное на Россію за этотъ періодъ Тевтоно-ливонскимъ орденомъ и Литвой.

На южномъ участкѣ города Львовъ (основанъ въ 1241 г. княземъ-королемъ Даниломъ Галицкимъ) и Холмъ (основанъ ранѣе XI-го в.) показаны чернымъ кружкомъ: они основаны русскими, въ русской землѣ, среди русской населенія, — фактъ, который не нравится инымъ изъ моихъ польскихъ друзей, *sed magis amica veritas.*

Безсильная, раздробленная, обезглавленная лежала истощенная Россия у ногъ побѣдителя. Природа не дала ей въ помощь для отрады съ юга ни горъ, ни рѣкъ, ни даже камня, чтобы создавать себѣ укрѣпленія. XIII и XIV вѣкъ были вѣками унынія, духовнаго и физического оскудѣнія. Но въ народной глубинѣ все же текли струи возрожденія, и въ 1380 г. желанный день насталъ.

8 сентября 1380 г. объединенные силы русскихъ князей, подъ главенствомъ московскаго великаго князи, разбили на Куликовомъ полѣ (въ предѣлахъ нынѣшней Тульской губ.) многочисленный полчища татарскаго царя Мамая. Куликовская битва — поворотная грань въ исторіи монгольского ига: отнынѣ перевѣсь силъ склоняется на сторону Россіи. Побѣда эта — дѣло рукъ сѣверной Россіи, сумѣвшей за 150 лѣтъ, протекшихъ съ татарскаго нашествія, окрѣпнуть и объединиться вокругъ юной Москвы. Югъ Россіи въ этой борьбѣ не участвовалъ: онъ находился подъ иноzemнымъ господствомъ татаръ (1), Литвы (2) и По-

(1) Татары въ 1239 и 1240 гг. разорили весь югъ Россіи: Переяславль, Черниговъ, Киевъ, Холмъ, Галичъ были сожжены. За $1\frac{1}{2}$ вѣка Киевъ не въ силахъ былъ оправиться и безславно прозябалъ; неизвѣстно даже были-ли у него свои князья; въ 1363 г. онъ сталъ легкой добычей Литвы. Княжество Переяславское, южныя части княжествъ Черниговскаго и Курскаго оставались разоренными и подъ гнетомъ татаръ.

(2) Всѣдѣль за татарскимъ нашествіемъ, какъ бы на смѣну ослабленной Руси, стала подниматься Литва. Выше мы отмѣтили быстрый ростъ ея въ XIII и XIV вѣкахъ за счетъ русской

льши (1). Ровно чрезъ 100 лѣтъ, въ 1480 году, великий князь московскій разрываетъ въ присутствіи пословъ татарскаго хана его грамоту: этимъ актомъ татарское иго официально объявлено свергнутымъ. Въ 1552 г. Иванъ Грозный беретъ Казань, въ 1554 Астрахань: двѣ главныя монгольскія державы разрушены, — и вся Волга въ московскихъ рукахъ. Повидимому, еще въ XV в. притокъ азіатескихъ силь съ востока прекратился; но Азія нашла иной путь и наступаетъ теперь съ юга, изъ Константинаополя. Турки овладѣваютъ древними греческими и генуэзскими колоніями черноморскаго и азовскаго побережья и, въ 1475 г., Крымомъ; крымскіе татары становятся авангардомъ Турціи. Крымъ тѣхъ временъ былъ разбойничимъ гнѣздомъ: въ теченіе всего XVI вѣка изъ года въ годъ его конница, къ которой по пути присоединяются кочевники со всей стени,

территоріи; въ 1363 г. великий князь литовскій Ольгердъ владѣлъ уже Кіевомъ. Въ 1380 г. сынъ и преемникъ его, Ягайло, спѣшилъ на помощь Мамаю, по опоздалъ.

(1) Ко времени Куликовской битвы крайній южный выступъ Россіи находился въ рукахъ Польши. Объединившееся Галицко-Волынское княжество быстро оправилось послѣ татарскаго нашествія 1240 года и прошло при князѣ-королѣ Даниилѣ (1249-64) черезъ періодъ расцвѣта; но въ слѣдующіе сто лѣтъ оно клонится къ упадку: пресѣченіе галицкой линіи Рюриковичей, борьба князей съ боярами и давленіе сильныхъ сосѣдей Венгріи, Литвы и Польши положили конецъ его самостоятельности. Галиція (въ 1349) и западная часть Волыни, Холмская земля (въ 1366), захвачены Польшой; остальной частью Волыни завладѣла (въ 1340 г.) Литва; окончательно такое распределеніе установлено въ 1387 году.

врывается въ пограничныя русскія земли, грабить и жжетъ селенія, ловить мирныхъ людей, разбросанныхъ по полямъ во время работъ, похищаетъ женшинъ и дѣтей; Кафа, нынѣшняя Феодосія, становится рынкомъ сбыта русскихъ, польскихъ и литовскихъ женщинъ въ страны Черного и Средиземнаго моря. Ежегодныя столкновенія Москвы съ крымцами принимаютъ временами размѣры большої войны. Въ 1556 году московскій отрядъ спустился по Днѣпру, разбивъ при его устьѣ турко-татаръ и взялъ турецкій острогъ Очаковъ (1); въ 1559 г. московское войско тѣмъ же путемъ выплыло въ море, впервые вторглось въ Крымъ и опустошило его. Въ 1571 и 72 гг. ханъ крымскій дважды нападаетъ на Москву съ полчищами въ 120.000 человѣкъ. Но намъ важно лишь отмѣтить постепенное отодвиганіе московской границы на югъ.

Для огражденія своихъ южныхъ предѣловъ Московское государство создаетъ оборонительную линію. Около 1500 года главная линія системы шла по нижней Окѣ до Рязани, сворачивала на Тулу и кончалась близъ верхняго теченія Оки (гдѣ уже начиналась территорія Литвы); въ ближайшемъ къ Москвѣ участкѣ эта линія отстояла отъ нея всего только верстъ на 150, — такъ еще малъ былъ размахъ неокрѣпшей Москвы. Но лѣтъ черезъ 60, въ царствованіе Ивана Грознаго, создается вторая линія, верстъ на 150 южнѣе первой; она про-

(1) Отмѣтимъ, что этотъ отрядъ построилъ себѣ суда на рекѣ Псёлѣ, т. е. въ центрѣ лѣвобережной Украины.

ходить черезъ Орель. Наконѣцъ, на исходѣ XVI в. возникаетъ третья линія, многою южнѣе; она состоитъ изъ группы укрѣпленныхъ городовъ (1); самые южные изъ нихъ (Бѣлгородъ и Валуйки) находятся на южной окраинѣ нынѣшней Курской и Воронежской губ., такъ что около 1600 г. московская оборонительная линія подошла почти вплотную къ мѣстамъ, где начинались татарскія кочевья (2). Это строительство новыхъ городовъ и укрѣпленіе существующихъ продолжается въ XVII в.; къ серединѣ его, еще до соединенія съ Малороссіей (1654), Москва владѣеть Харьковомъ и другими, болѣе южными поселеніями (3).

(1) Вотъ важнѣйшіе изъ этихъ городовъ, считая съ запада на востокъ: Кромы (верховья Оки), Ливны (осн. въ 1586 г.) и Елецъ; южнѣе: Курскъ (1586), Осколь и Воронежъ (осн. въ 1586); еще южнѣе: Бѣлгородъ (осн. въ 1593 г.) и Валуйки (осн. въ 1593 г.). Къ этой же эпохѣ усиленнаго строительства относится, вѣроятно, и укрѣпленіе Царицына на нижней Волгѣ, упоминаемаго съ 1589 года.

(2) Мы указали здѣсь основныя линіи системъ; впереди каждой изъ нихъ шли линіи засѣкъ, рвы да острожки, а сице далѣе, верстъ на 100-200 впередъ, выдвигалось сторожевое охраненіе. Такимъ образомъ, фактически власть Москвы распространялась запачтально южнѣе тѣхъ мѣстъ, где проходила въ данный періодъ основная линія.

(3) Такъ, Валки близъ Харькова упоминаются, какъ московскій городъ въ 1642 г.; Куняпскъ, въ 60 верстахъ къ югу отъ Валуекъ, упоминается въ такомъ же смыслѣ въ серединѣ XVII вѣка. Изюмъ (на Донцѣ, 100 верстъ къ ю.-в. отъ Харькова), где еще въ XVI в. былъ московскій сторожевой постъ, въ 1681 превращается въ крѣпость.

Южнѣе всего власть Московскаго государства проникла по Дону. Здѣсь донскіе казаки въ 1637 взяли у турокъ Азовъ. Казачество донское никогда не теряло связи съ Москвой; сознавая свое безсиліе удержать завоеваніе противъ могущественной Турціи, донцы просили Московскаго царя взять городъ подъ свою высокую руку; царь Михаилъ Федоровичъ созвалъ *ad hoc* земскій соборъ (1642). Соборъ выразилъ готовность исполнить царскую волю, но указалъ на тяжелое внутреннее положеніе страны и царь не решился рисковать войной съ Турціей; казаки обидѣлись и покинули городъ. Лишь Петръ Великій вновь взялъ его (1696) при помощи созданной имъ азовской флотиліи, и только въ 1736 г. Азовъ, еще разъ взятый русскими войсками, вошелъ навсегда въ русскіе предѣлы.

На прилагаемой схемѣ отмѣтьте на рѣкѣ Сеймѣ точку верстахъ въ 150-ти отъ Курска, ниже по течению; отсюда проведите дугу такъ, чтобы она, огибая Харьковъ, прошла верстъ на 50 западнѣе его; потомъ ведите черту на юго-востокъ къ Донецкому угольному бассейну и далѣе на востокъ къ Дону; наконецъ, спуститесь по Дону. Все, что останется съвернѣе проведенной вами линіи, составить площадь, отвоеванную отъ „степи“ Москвою: это тѣ пріобрѣтенія, которыя Московская Русь оставила здѣсь въ наслѣдство Россійской Имперіи (1721 г.).

Черноморскаго берега Москва пріобрѣсть оказалась не въ силахъ, и это понятно: вѣдь, одновременно съ безпрерывной борьбой съ азіатскою „степью“, Московская Русь была вынуждена вести на европейскомъ

фронтъ тяжелую борьбу съ могущественными соседями, — со Швецией и Ливонией за восточные берега Балтийского моря, съ Литвой и Польшей за порабощенную Западную Русь. За 103 года съ 1492 по 1595 г. было 3 войны со Швецией и 7 войнъ съ Литвой-Польшей и Ливонией; эти войны поглотили не менѣе 50 лѣтъ; следовательно, на западъ мы круглымъ счетомъ годъ воевали и годъ отдыхали (1).

Чтобы выдержать эту борьбу за существование потребовалось необычайное напряженіе народныхъ силъ, потребовалось порабощеніе интересовъ и правъ личности государственнымъ всемогуществомъ и созданіе тяжелаго, но для того времени спасительнаго, московскаго самодержавія. Врядъ-ли есть государство, ростъ котораго дался цѣною болѣе тягостной вѣковой международной борьбы, чѣмъ ростъ государства московскаго.

Посмотримъ теперь, что сдѣлала для проникновенія въ татарскія стени западная Русь.

Роль Ливобережной Украины.

„Кievъ, поднимаясь послѣ татарского разгрома, увидѣлъ себя пограничнымъ степнымъ городкомъ чуждаго государства“ (2) (Литовскаго). Переяславское княжество, въ былое время прикрывавшее его съ востока отъ

(1) Ключевскій, *Курсъ Русской Исторіи*, II, стр. 268.

(2) Eod., I, стр. 417.

стени, послѣ монгольского нашествія перестало существовать; опустѣла также южная часть княжества Черниговскаго. Имена древнихъ городовъ, лежавшихъ между Днѣпромъ и Сулоj, исчезаютъ со страницъ лѣтописей на нѣсколько столѣтій, а то мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ Курскъ, съ конца XII вѣка поростаетъ лѣсомъ.

Господство Литвы переносилось зацадной и южной Русью легко. Мы уже знаемъ, что въ подчиненныхъ Литвѣ русскихъ княжествахъ литовская власть не нарушила народной жизни; какъ бытъ, какъ укладъ, она продолжала въ кievской землѣ быть русской, но направленіе государственной жизни исходило изъ Вильны.

Подъ охраной литовской государственности и московскихъ успѣховъ въ борьбѣ со степью, русскій народъ, — но теперь уже подъ именемъ малороссовъ, — начинаетъ возвращаться изъ-за Днѣпра и вновь медленно заселять покинутыя имъ въ скорбные годы земли между Днѣпромъ, Сеймомъ и Ворсклой (1). Съ

(1) Это треугольное пространство между Днѣпромъ, Сеймомъ и Ворсклой и составляетъ дѣйствительную территорію лѣвобережной Украины XІІ и XІІІ в. На правомъ берегу название Украины примѣняется правильно только къ землямъ древняго Киевскаго княжества и къ полосѣ, прилегавшей къ нему съ юга (гдѣ лежать города Брацлавъ и Звенигородъ); западиѣ начиналась уже Волынь и Подолія. Если вы посмотрите карту, приложенную къ статьѣ „Россія“ въ итальянской „Энциклопедії“ Валларди, то убѣдитесь, что изъ имени „Ucraina“ лишь буква „U“ помѣщена на правомъ берегу (немного къ

1430 г. въ документахъ уже упоминается городъ Полтава; но крымскіе татары еще сильны, и въ 1482 году ханъ ихъ Менгли Гирей опустошаетъ всю лѣвобережную Украину. Набѣги крымцевъ ослабѣваютъ лишь съ начала XVI в.; жизнь въ краѣ становится болѣе безопасной; съ сѣвера возвращаются семьи бѣженцевъ, ушедшихъ при нашествіи Менгли Гирея; на встрѣчу этому заселенію, изъ степи идетъ колонизація туранцевъ, смѣняющихъ свою кочевую жизнь въ степи на

с.-западу отъ Кієва); остальная 6 буквъ переходятъ на лѣвый берегъ, при чёмъ послѣднее „А“ приходится немнога с.-восточнѣе г. Полтавы. То же размѣщеніе надписи вы найдете на любомъ современномъ серіозномъ атласѣ и вполнѣ правильно, ибо пространство, къ которому обыкновенно примѣнялось наименіе Україны въ ХІІ і ХІІІ вв. (когда будто бы существовало украинское государство), обнимало именно соотвѣтствующую площадь. И правда, имѣется карта 1650 года, на которой границы Україны заходятъ много южнѣе, вплоть до границы Оттоманской Имперіи, владѣвшей тогда берегами Чернаго моря. Но карта эта, очевидно, слѣдствіе побѣды Богдана Хмѣльницкаго 1648 г., когда Україна достигла максимума своей независимости и дѣйствительно получила зачаточный обликъ государственности. Онъ просуществовалъ недолго, — всего 6 лѣтъ, до 1654 г. На той же карте 1650 г. видно, что вся южная часть территории была пустынѣй: это была собственно не часть Україны, а то, что нынѣ назвали бы ея „зоной вліянія“.

Примѣненіе имени „Україна“ къ другимъ территоріямъ, включая на западѣ Галицію, а на сѣверѣ древнія Пинское и Туровское княжества, какъ то дѣлаетъ г. Грушевскій, есть ничто иное, какъ манія величія заднимъ числомъ.

осѣдлую въ Украинѣ; изъ-за Днѣстра приходятъ валахи. И все же, заселеніе страны происходило за время господства Литвы такъ медленно, что самая южная литовская оборонительная линія пересѣкала Днѣпръ у Черкасъ, съвернѣе устья Сулы, и не ограждала даже Носулья (1). Въ общемъ выводѣ, можно считать, что въ серединѣ XVI в. Киевская Русь, — украина Литовскаго государства, — достигла вновь тѣхъ самыхъ границъ, которыя независимая Киевская Русь заполняла въ эпоху своего расцвѣта при Ярославѣ Мудромъ (1019-1054). Дальнѣйшихъ земельныхъ пріобрѣтеній Украина не сдѣлала: малороссы, уходившіе далѣе на востокъ, вступали уже въ московскую территорию и притомъ, не въ качествѣ завоевателей, а какъ бѣглецы, спасавшіеся отъ польского владычества подъ крыло московскаго орла (2).

Продвиженіе населенія въ степь и набѣги крымцевъ породили въ XV вѣкѣ, въ цѣляхъ обороны, малороссійское (украинское) казачество. Съ XVI в. казаки сами начали переходить въ наступленіе противъ татаръ; но эта борьба не привела къ территоріальнымъ пріо-

(1) Эта линія, хронологически третья, отходила отъ Винницы на верхнемъ Бугѣ, шла чрезъ Бѣлую Церковь и Черкассы и загибалась къ съверу. Вторая литовская линія проходила чрезъ Житоміръ, Кіевъ и Остеръ (на нижней Деснѣ); первая линія шла въ Полтаву, по долинѣ Припяти, и включала замки Овручъ, Мозырь и Любечъ.

(2) Такъ, первые поселенцы Харькова были малороссы съ праваго берега Днѣпра.

брѣтеніямъ восточнѣе долины р. Ворсклы: со второй половины XVI вѣка главное вниманіе казачества обращается совершенно въ иную сторону.

Мы видѣли, что съ 1569 г., послѣ полнаго слїянія Польши и Литвы, или точнѣе, послѣ поглощенія литовской государственности польскою, Польша стала наследницей всѣхъ литовскихъ земель. Киевское Приднѣпровье не избѣгло общей участіи: съ этого года до 1654, въ теченіе 85 лѣтъ, лѣвобережная Украина находится подъ властью Польши.

Заселеніе Украины послѣ 1569 г. принимаетъ характеръ планомѣрной колонизаціи; огромныя пространства раздаются польскимъ магнатамъ, которые заселяютъ ихъ выходцами изъ болѣе западныхъ частей древней Россіи. Сперва колонизація происходитъ въ предѣлахъ правобережной Украины, съ конца XVI в. переходитъ на лѣвый берегъ, но вглубь степи не проникаетъ. Король Стефанъ Баторій основываетъ городъ Батурина (1575); онъ лежитъ западнѣе линіи Сулы; еще въ XVII в. польская семья князей Вишневецкихъ, коимъ принадлежала почти вся нынѣшняя Полтавская губернія, принимаетъ мѣры къ заселенію Посулья. Польское правительство озабочено не тѣмъ, чтобы колонизація проникла вглубь степи, а тѣмъ, чтобы все-мѣрно удержать малороссійскій вольный людъ отъ такого проникновенія. Вѣдь заселеніе связано съ борьбой противъ крымцевъ, а набѣги казаковъ вызываютъ не только отвѣтные походы татаръ, но и угрозы со стороны Порты; бѣду натворять — „нашкодятъ“ —

украинские казаки, а отвѣчаетъ за нихъ польскій король. Отсюда постоянное стремленіе правительства ограничить число малороссійскихъ казаковъ.

Польское вліяніе, а затѣмъ господство, было не изъ легко переносимыхъ. Внесеніе начала сословности, раздача земель польской шляхты, введеніе крѣпостного права, ограниченіе численности казаковъ, обращеніе всѣхъ, кто сверхъ этого числа, въ крѣпостныхъ, — вызываютъ враждебное настроеніе казачества. Съ конца XVI в. начинается рядъ возстаній. Отношенія осложняются религіозной распрай. Тяжелая духовная болѣзнь Россіи и всѣхъ славянскихъ государствъ — смѣшеніе начала національного и религіознаго — глубоко гнѣздится даже въ католической Польшѣ: для Польши распространять католичество означаетъ полонизировать и обратно, — тотъ не настоящій полякъ, кто не католикъ и притомъ не латинянинъ. Совпаденіе національной, классовой и религіозной вражды придало борьбѣ крайнее ожесточеніе; она длится почти цѣлое столѣтіе — упорная, тяжелая. Со стороны Польши (выражаясь современнымъ языкомъ) — имперіализмъ, со стороны казаковъ — борьба за демократическую свободу; съ обѣихъ сторонъ — побѣды и пораженія, нетерпимость и жестокость. Временами успѣшныя военные дѣйствія казаковъ перекидываются на правобережную Украину, но автономіи казаки добиться не въ силахъ. Даже, когда при гетманѣ Богданѣ Хмѣльницкомъ восстаніе превращается въ общее народное движеніе и охватываетъ въ 1648 все малороссійское населеніе, успѣхъ его, несмотря на рядъ первоначальныхъ по-

бѣдъ, не приводить къ желанной цѣли. Помощь угнетеннымъ братьямъ приходитъ со стороны Московскаго государства, и въ 1654 году лѣвобережная Украина добровольно признаетъ власть царя и тѣмъ освобождается наконецъ изъ-подъ 300-лѣтняго иноземнаго господства.

Поглощенное борьбой за независимость, малороссійское казачество часто вынуждено прибѣгать къ помощи крымцевъ противъ поляковъ и, естественно, лишено возможности помышлять о какихъ-либо территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ въ степи.

Правобережная Україна.

Перейдемъ на правый берегъ Днѣпра. Мы можемъ быть кратки: говорить о какомъ-либо самостоятельномъ распространеніи здѣсь малороссовъ къ югу не приходится. Правобережная Украина — польская провинція, и слѣдить за измѣненіемъ ея границъ значило бы излагать ходъ территоріального роста или ущерба польской государственности, въ зависимости отъ успѣховъ или неудачъ польского оружія. Въ XV—XVII вв. Польша дѣлить съ Россіей честь обороны Европы отъ Азіи. Буковина, Молдавія, Подолія, Волынь и отчасти Украина становятся постояннымъ театромъ польско-турецкихъ войнъ. Не будемъ разбираться въ этомъ лабиринтѣ войнъ и мирныхъ договоровъ; это слишкомъ бы удлинило нашъ разсказъ. При удачѣ польскія войска приближались къ Черному морю (напр., въ 1497 г. поляки

совершаютъ походъ къ Аккерману), а турецкія войска доходили до Сандоміра, Кракова (1498) и Львова (1672). Но владѣетъ прибрежной степью неизмѣнно Турція. Она же съ конца XV в. овладѣваетъ Молдавіей и нынѣшней Бессарабіей (1), такъ что и вся западная часть „степи“ — прочно въ азіатскихъ рукахъ.

Подъ прикрытиемъ литовской и польской государственности границы Украины продвинулись южнѣе рѣки Роси верстъ на 150 по Бугу и на 50 по Днѣпру (2).

Правобережная Украина, какъ мы видѣли, принимала участіе въ возстаніяхъ лѣвобережныхъ казаковъ, но тщетно; Москва же оказалась не въ силахъ освободить всю Малороссію. На правомъ берегу только Кіевъ съ окрестностями отошелъ къ Москвѣ (1667), вся прочая правая Украина осталась въ рукахъ поляковъ; судьба ея перемѣнчива въ зависимости отъ хода войнъ между Турціей, Польшой и Москвой. Въ 1665 г. гетманъ правобережныхъ казаковъ Дорошенко отдается подъ власть Турціи; въ 1667 онъ вновь подчиняется Польшѣ; въ 1672, по мирному договору, Польша вынуждена отдать Правобережную Украину и Подолію подъ верховенство Турціи, причемъ Дорошенко признанъ лен-

(1) Гор. Хотинъ, лежащій на самомъ сѣверѣ Бессарабіи, въ ХVI и ХVII вв. былъ турецкой крѣпостью съ постояннымъ турецкимъ гарнизономъ.

(2) Это добавочная территорія составила Брацлавское воеводство; неофиціальное наименование „Украина“ распространилось также и на него.

Объяснение къ схемѣ N. 2.

Затемненное пространство представляетъ площадь, заселенную русскимъ народомъ къ $\frac{1}{2}$ XIII вѣка.

О направлениі юго-восточной границы этой площади см. страницы 83-85. За этой границей лежала область азіатскихъ кочевниковъ, борьба съ которыми въ X-XII вв. изнурила Приднѣпровскую Русь, подготовила ея гибель подъ ударами татаръ въ XIII в. и ея занустьиie въ XIII-XV вѣкахъ.

Западная этнографическая граница къ $\frac{1}{2}$ XIII-го в. приблизительно совпадала съ политической границей западныхъ русскихъ княжествъ. Пунктирная линія, проходящая близъ Юрьева и Вильно, указываетъ предѣль распространенія русской власти на западъ около 1100 г. (Стр. 85, прим.).

Юго-западный выступъ обнимаетъ Холмскую, Галицкую и Карпатскую Русь: Холмъ, Львовъ и Галичъ — исконно русскіе города.

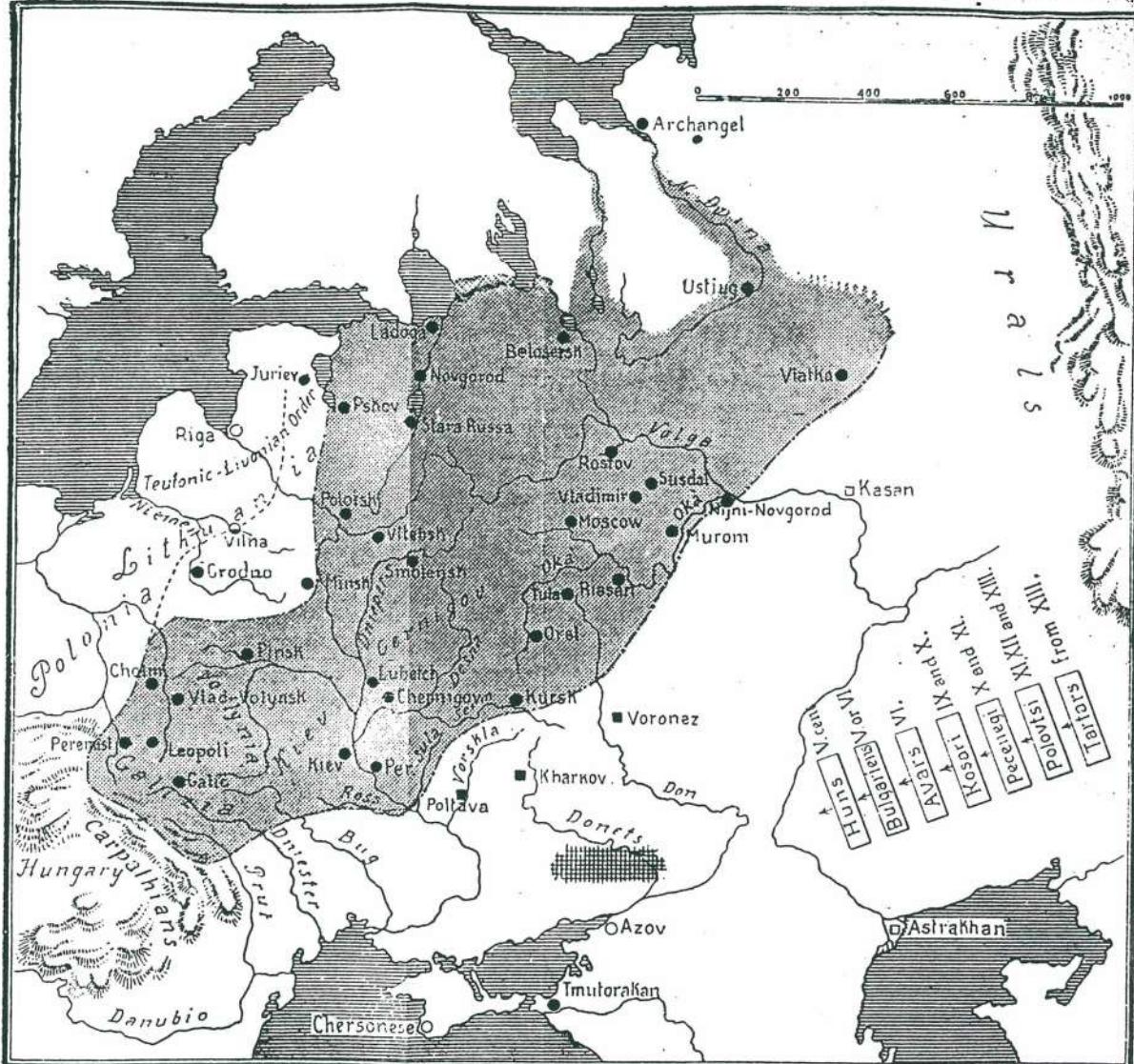
Заштрихованное пространство на Донцѣ — угольный бассейнъ.

Per = Переяславль.

Масштабъ въ километрахъ.

Поправка. Архангельскъ должеъ быть обозначенъ чернымъ квадратомъ, а не кружкомъ.

РОССІЯ ВЪ ЭПОХУ ТАТАРСКАГО НАШЕСТВІЯ (СЕРЕДИНА XIII в.)

Города, основанные до 1/2 XIII в.

- русского происхождения
- не русского

Города, основанные позднее

- русского
- не русского

никомъ султана; въ 1675 г. Іоаннъ Собѣскій вновь овладѣваетъ Подоліей и Україной; по миру 1676 г. $\frac{1}{3}$ послѣдней остается за казаками подъ главенствомъ Турціи, остальная часть ея опять подчинена Польшѣ. Москва не забываетъ Україны: по мирному договору 1681 г. между Турціей и Москвою, правобережная Україна признана ничьею, т. е. какъ бы самостоятельной, но чрезъ 2 года Польша вновь подчиняетъ ее, — еще на 100 съ линінимъ лѣтъ. Только 2-ой раздѣлъ Польши (1793) освободилъ эту часть русской земли отъ иноzemнаго владычества.

Запорожцы.

Мы прослѣдили положеніе съверной границы степи къ серединѣ XVII-го вѣка, т. е. ко времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Граница начиналась у Днѣстра, верстахъ въ 200 отъ берега моря, пересѣкала Бугъ въ такомъ же разстояніи отъ устья его и упиралась въ Днѣпръ выше устья Ворсклы; на лѣвомъ берегу Днѣпра она выгибалась дугой на съверъ, вновь спускалась южнѣ Харькова и шла далѣе къ нижнему Дону. Этнографически это была граница русского народа, политически, — западная половина составляла границу Польского королевства, восточная — границу царства Московскаго.

Параллельно этой линіи, верстахъ въ 100-200 южнѣ ея, отъ Буга до Дона тянулась граница азіатскихъ государствъ: отъ нижняго Буга до нижняго Днѣпра

ТАТАРСКАГО НАШЕСТВІЯ (СЕРЕДИНА XIII В.)

● русского происхождения.
○ не русского.

шла граница Оттоманской имперіи, отъ нижняго Днѣпра до нижняго Дона — граница Крымского ханства (1).

Между этими двумя параллельными границами оставалось обширное степное пространство, почти незаселенное, какъ бы *res nullius*. Здѣсь кочевали ничтожные остатки прежнихъ, когда-то страшныхъ наимъ, турецкихъ народовъ; они все какъ-бы не рѣшились примкнуть къ тому или иному изъ соѣдниихъ государствъ и предпочитали гулять на свободѣ въ полунустынной степи. Съ запада эта часть была ограничена по Бугу Оттоманской имперіей, съ востока — землями донцовъ.

Тотъ участокъ нижняго Днѣпра, гдѣ онъ у Екатеринослава поворачиваетъ рѣзко на югъ и течеть въ этомъ направленіи на протяженіи около 100 верстъ, приходится какъ разъ въ центрѣ указанного безхозяйного пространства. На этомъ стоверстномъ участкѣ находятся пороги, а ниже ихъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка вновь принимаетъ иное, юго-западное, направленіе, лежать среди камышевыхъ зарослей острова; въ тѣ времена они были покрыты лѣсомъ. Это было прекрасное мѣсто для наблюденія за степью, для предупрежденія о нападеніи татаръ, и на островахъ этихъ съ конца XV вѣка малороссійскіе казаки держали сторожевой постъ. Здѣсь — охота, рыбный промыселъ; здѣсь, — свободно: ни властей предержащихъ, ни помѣщиковъ, ни законовъ, ни судовъ. Сюда бѣгутъ всѣ неужившіеся въ

(1) На участкѣ между Днѣстромъ и Бугомъ польская и турецкая границы совпадали. Конечно мы указываемъ здѣсь границы схематично, лишь бы дать идею ихъ.

тяжелыхъ правовыхъ и экономическихъ условіяхъ тогданий государственной жизни, бѣгутъ неудачники и лихіе искатели приключений. Въ послѣдней четверти XVI столѣтія на главномъ островѣ имѣется уже постоянный постъ, а лѣтомъ собираются болѣе значительныя казачьи силы для совершения набѣговъ въ степь, на крымскія и на турецкія владѣнія. Послѣ перехода Украины подъ власть Польши, число бѣгущихъ въ Запорожье быстро возрастаетъ. Тутъ слагается самостоятельное казачество, вовсе не признающее польской власти. Оно выливается въ форму своеобразной республиканской общины и выражаетъ собою какъ-бы протестъ противъ новыхъ порядковъ, — противъ крѣпостного права и мѣръ, ограничивавшихъ свободный ростъ казачества, — и въ то же время является средствомъ борьбы противъ турко-татаръ. Не станемъ излагать строй этой странной республики, полноправнымъ „гражданиномъ“ которой могъ стать холостякъ любой національности (1), лишь-бы умѣть прочесть православный символъ вѣры: насъ интересуетъ роль запорожцевъ въ дѣлѣ овладѣнія степью.

Однаково лихіе на конѣ и въ ладьѣ, казаки съ конца XVI столѣтія совершаютъ набѣги на турецкое черноморское побережье; овладѣваютъ Очаковомъ (1585), нападаютъ на Варну (1605), гдѣ разбиваютъ турецкій флотъ; въ 1613 беруть Синопъ, въ 1616 — Трапезундъ, гдѣ опять разбиваютъ турецкую флотилію; въ 1607 на-

(1) Большинство запорожцевъ были малороссы.

летаютъ на Очаковъ и Переяславъ; въ 1612 — на Кафу (Феодосію). Но это только набѣги: набѣгутъ, награбить, освободять плѣнниковъ, подожгутъ и исчезнутъ. Установить какое-нибудь длительное господство надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ они развернули свою удаль, они не въ силахъ, и понятно: это лишь горесть храбрецовъ. Въ 1594 г. ихъ всего 1.300 человѣкъ, и во всю позднѣйшую исторію запорожскаго казачества численность его не превосходитъ 13.000. Не будемъ также преувеличивать ихъ идеинаго значенія въ смыслѣ борьбы съ азіатской силой. Съ крымскими татарами они то враги, то союзники противъ поляковъ.

Все съ той же цѣлью избѣжать осложненій съ Крымомъ и Турцией, польское правительство принимаетъ рядъ мѣръ (первая четверть XVII вѣка), чтобы препятствовать уходу людей въ Запорожье; оно строить крѣпость Кодакъ на Днѣпрѣ выше пороговъ, чтобы отрѣзать запорожцевъ отъ остальныхъ казаковъ (1635), и мѣшаеть казакамъ выходить въ Черное море; но Кодакъ въ томъ же году взятъ и разоренъ. Польша не въ силахъ совладать съ запорожцами: слишкомъ ужъ далеко до нихъ. За порогами происходитъ то же явленіе, какое мы отмѣтили въ развитіи украинскаго казачества: съ усиленіемъ польского господства ослабѣваетъ борьба со степью, и всѣ силы казачества обращаются противъ поляковъ. Запорожцы участвуютъ во всѣхъ возстаніяхъ противъ Польши; на ихъ острогахъ создается идеиный центръ этой борьбы. Въ періодъ между 1625-1650 г. здѣсь обдумываются и организуются возстанія малороссийскаго казачества. Въ 1654 году

запорожцы признали, наравнѣ со всей Малороссіей, власть Московскаго царя. При этомъ, та часть степи, гдѣ запорожцы, въ силу своихъ набѣговъ, являлись какъ бы фактическими хозяевами, перешла подъ московское господство; расширенная побѣдами Имперіи до морскихъ береговъ, она составила въ XVIII столѣтіи такъ называемую Новороссію.

Новороссія.

Послѣ перехода подъ власть Москвы центральная часть степи оставалась почти независимой еще около 100 лѣтъ. Граница государства не рѣшались заселять свои окраины изъ опасенія, что соседи заселятъ свои; такъ, русско-турецкій договоръ 1681 г. постановилъ, что мѣстность между Бугомъ и Днѣпромъ должна въ теченіе 20 лѣтъ оставаться виустѣ. Въ серединѣ XVII в. образовываются первые поселки изъ малороссійскихъ казаковъ и бѣглецовъ изъ остальныхъ частей Россіи; поднимается впервые тучная цѣлина степи. Петербургское правительство охотно допускаетъ сюда всѣхъ желающихъ: приходятъ сербскіе поселенцы изъ Австріи, болгары, волохи и др. Закладывается начало административного устройства края (1). При Екатеринѣ Великой

(1) Западная часть отъ Буга до Днѣпра получаетъ (ок. 1755 г.) название Новой Сербіи, восточная, отъ Днѣпра до Земли Войска Донского — Славяно-Сербіи. Съ 1764 г. край называется Новороссійской губерніей; по мѣрѣ расширенія его предѣловъ, образовывались въ немъ новые губерніи.

отводятся земли нѣмецкимъ колонистамъ; появляются греки, переселяется изъ Великороссіи значительное число раскольниковъ.

Правительство озабочено постройкой городовъ; это прежде всего крѣпости для защиты отъ турецкихъ и крымскихъ владѣній. Нынѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Новороссіи среди крестьянскаго населенія процентъ малороссовъ очень высокъ, но не надо думать, что города создавались среди этого населенія: они создавались въ полупустынѣ: Въ 1760 г. все населеніе края составляло 26.000 чел. (*sic*), въ 1768 — 52.000; въ 1787 г., когда край посѣтила Екатерина Великая, въ немъ было 700.000 слишкомъ (1). Правительство раздавало земли офицерамъ, солдатамъ, помѣщикамъ; нѣкоторые вельможи получили по 100.000 десятинъ; владѣльцы переселяются на новыя земли „своихъ“ крестьянъ изъ другихъ имѣній, т. е. со всѣхъ краевъ Россіи. Расширение границъ края до моря было слѣдствиемъ блестящихъ русско-турецкихъ войнъ Екатерининского царствованія. Въ 1770 г. наши войска берутъ Аккерманъ (2), въ 1784 Крымъ, въ 1788 Очаковъ; въ

(1) Приведемъ годы основанія нѣкоторыхъ городовъ. Внутри страны: Екатеринославъ и Херсонъ основаны въ 1778, Елизаветградъ въ 1754, Павлоградъ въ 1779, Николаевъ въ 1784; на побережье: Одесса въ 1794, Севастополь въ 1784, Мариуполь въ 1779, Ростовъ на Дону въ 1761; лежавшее близъ него укрѣпленіе (св. Анны) было основано въ 1731 г.

(2) Аккерманъ окончательно перешелъ во владѣніе Россіи въ 1806 г.

1789 г. занято то поселеніе, гдѣ нынѣ стоитъ Одесса. Въ это же царствованіе основывается черноморскій флотъ, и въ 1787 г. кн. Потемкинъ, всемогущій намѣстникъ юга, показываетъ императрицѣ на Севастопольскомъ рейдѣ 15 большихъ и 20 мелкихъ военныхъ судовъ. Предѣлы Россіи за счетъ Турціи продолжаютъ расширяться и въ слѣдующія царствованія: въ 1812 г. присоединена Бессарабія. Вся жизнь юга, будеть-ли то созданіе кораблестроительной верфи въ Херсонѣ, или основаніе и ростъ Одессы, разработка (съ 1849 г.) донецкаго угля, постройка желѣзныхъ дорогъ или созданіе торговаго флота, — есть слѣдствіе общей работы всей русской имперіи.

Изгнать изъ южныхъ степей азіатское гоѣподство и овладѣть Чернымъ моремъ не было подъ силу ни до-татарской единой Киевской Руси, ни Москвѣ или Українѣ, — частямъ распавшейся подъ иноземнымъ давленіемъ Россіи, — ни Польшѣ, ни Литвѣ. Только Имперія, т. е. вся полнота русского міра, оказалась достаточно мощной, чтобы овладѣть югомъ русской равнины. Пройдетъ революціонный угаръ, и югъ этотъ вновь будетъ принадлежать тому-же единственному и естественному владыкѣ своему — единому русскому народу.

* *

Здѣсь мы могли бы закончить эту главу. Но приведенные нами исторические факты даютъ возможность — неожиданно для насъ самихъ — дать отвѣтъ также

на вопросъ: *была ли когда-либо Украина самостоятельной?* Украинофильская пропаганда увѣряетъ (и иные заграничныя газеты повторяютъ съ ея словъ), что Украина была самостоятельнымъ государствомъ (Stato Cosacco) въ XVI и XVII вѣкахъ.

Мы видѣли, что въ эти вѣка Украина составляла часть Польского государства. Польская государственная власть распоряжалась территоріей Украины, уступая части ея своимъ врагамъ; она строила въ ней города, вводила въ странѣ польское право и польскіе порядки, а въ городахъ вводила право Магдебургское; она же опредѣляетъ численность казаковъ: въ 1575 г. — въ 60.000 человѣкъ, въ 1627 г. — въ 6.000 чел., въ 1638 г. — въ 1.200 чел. (!); вводить крѣпостное право и обращаетъ въ него даже часть казаковъ; предоставленная малороссійскому населенію свобода вѣры такова, что православный митрополитъ кіевскій просить (1625 г.) Московскаго царя принять Украину въ свое подданство, а польскіе помѣщики сдаются свои имѣнія въ аренду евреямъ съ правомъ патроната надъ правосланными церквами; взятые въ пленъ гетманы считаются бунтовщиками и, какъ таковые, подвергаются въ Варшавѣ всенародной, а подчасъ и лютой казни (1). Тогдашніе украинцы не считали себя свободными и упорно, цѣлое столѣтіе жертвовали своей жизнью въ тщетной надеждѣ сбросить иноземное иго.

Если украинофильская партія называетъ страну,

(1) Напр., Сулима и Павлюкъ (въ ХУІІ в.).

находившуюся въ подобномъ положеніи, государствомъ и считаетъ ее независимой, то надо предполагать, что слова государство, свобода и независимость имѣютъ у этой партіи другое значеніе, чѣмъ на русскомъ языке.

Искать въ исторіи Россіи или малороссійской ея части основанія для украинскихъ территоріальныхъ вожделѣній или для созданія изъ Україны самостоятельного государства — дѣло тщетное. Лучше раскройте записки Бисмарка: онъ вамъ разскажетъ, какъ послѣ 1848 г. германскіе либералы выработали планъ отколоть отъ Россіи ея южную часть. Взгляните еще на ту схему-карту, которую мы находили въ ранцахъ германскихъ солдатъ еще въ 1914 году: тамъ начерчена раздробленная Россія, маленькая Польша и обширная Україна. Всмотритесь также въ какую-нибудь карту пангерманскихъ замысловъ, напримѣръ, на приложенную къ книжкѣ чехо- словацкаго министра иностранныхъ дѣлъ Бенеша (1): на ней видно, какъ полезно для обеспеченія Багдадскаго грандіознаго проекта, создать „самостоятельную“ ... и благодарную Україну.

Неизмѣнное нѣмецкое *divide et impera* — вотъ гдѣ лежитъ зародышъ украинскаго сепаратизма. Выгодно ли Союзникамъ играть въ руку Германіи?

(1) * *La Boemia contro l'Austria-Ungheria*, Римъ, 1917.

8. Культура общерусская, а не украинская.

Стремясь увѣрить міръ, что исконъ вѣку, чуть ли не со временъ Геродота, существуетъ отдельный украинскій народъ, отличный отъ русского, украинская пропаганда не останавливается ни предъ чѣмъ. Разъ есть отдельный народъ, то должна быть и своя самостоятельная культура. И вотъ за послѣдній годъ появляются обѣ Українѣ анонимныя брошюры, гдѣ изумленный читатель узнаетъ, что киевскій Софійскій соборъ Ярославова времени былъ родоначальникомъ какой-то особой украинской архитектуры. Читаются заграницей лекціи обѣ „украинскомъ искусствѣ“ и малоосвѣдомленная въ русской жизни публика довѣрчиво слушаетъ самыя невѣроятныя завѣренія беззастѣнчивыхъ лекторовъ. Рѣпинъ оказывается виднымъ представителемъ „украинской живописи“, — потому, должно быть, что написалъ картину изъ быта запорожцевъ. Въ Петербургѣ въ ХУІІІ вѣкѣ, оказывается, была блестящая пора „украинской школы“. Тогда по мановенію императорскаго двора выросъ въ юной столицѣ великолѣпный храмъ искусства. Привлеченные нашимъ даромъ вникать въ чужой духовный міръ, послушно слетѣлись на холодные берега Невы небожители Олимпа и запечатлѣли свой образъ на холстахъ учениковъ Академіи Художествъ; строгіе представали на нихъ, сойди со страницъ Расина, герои древняго Рима; въ пышныхъ камзолахъ, на фонѣ величавыхъ занавѣсей, были увѣковѣчены вель-

можи временъ императрицъ и съ жеманной улыбкой присѣдали въ фижмахъ изысканно утонченныя, точно переселившіяся изъ Версаля, „благородныя дѣвицы“ Смольнаго института. И вотъ теперь насы увѣряютъ, что въ Академіи были представители украинскаго искусства, — это потому только, что родители нѣкоторыхъ изъ дѣтей, принятыхъ въ нее, были родомъ изъ Малороссіи (1).

Мы не станемъ терять времени и возражать на эти карикатурныя утвержденія. Они явно обличаютъ либо невѣжество въ вопросахъ исторіи искусства, либо намѣренную грубую неправдивость ради политическихъ цѣлей. Отъ неосторожныхъ выступленій слишкомъ ретивыхъ послѣдователей перейдемъ къ болѣе тонкому и искусному исказителю исторической правды, къ самому г. Грушевскому, котораго украинофильская партія называетъ „великимъ историкомъ“, но котораго мы, въ полномъ сознаніи отвѣтственности за свои слова, не стѣсняемся назвать „фальсификаторомъ русской исторіи“.

Предъ нами его книга „Исторія Україны“, съ хорошими иллюстраціями, факсимile и географическими схемами. Нашъ экземпляръ изъ 9-ой тысячи: известно, что австрійская пропаганда умѣла работать широко. Признаюсь, первый взглядъ на книгу производить впечатлѣніе. Киевская Русь какъ будто и впрямь — міръ, отдѣльный отъ остальной до-татарской Руси. Вы пе-

(1) См. приложеніе 3-е.

релистываете и видите памятники „своей“ культуры: соборы, церковную живопись, головные уборы, монеты, миниатюры изъ лѣтописи, выдержки изъ былинъ, и авторъ пространно говоритъ вамъ о разныхъ періодахъ украинской культуры. Но стоитъ всмотрѣться поближе и туманъ разсѣивается. Если вамъ показалось, что это памятники старины „украинской“, то потому, что вы не взглянулись въ греческія и славянскія надписи на монетахъ и на печатяхъ.

Вотъ (на стр. 77) изображеніе монетъ; подъ нимъ текстъ г. Грушевскаго: „Срібні монети... Володимира, з його “ портретомъ ; а на самой монетѣ вычеканено: „Владимиръ на столѣ а се его серебро“. Слѣдовательно на монетѣ надпись на русскомъ языке, языкъ же Грушевскаго отдаился отъ нея (1). Дочь Ярослава Мудраго подписывается во Франції „Ana“ согласно русскому звуку (стр. 89); а изъ словъ г. Грушевскаго подъ факсимиле узнаемъ, что это подпись „Ганни“ Ярославы. Вотъ (стр. 100) печать Теофаніи, княгини... *Rωσιάστη* (XI в.). Далѣе рядъ факсимиле свидѣтельствуетъ о единствѣ южнаго и сѣверо-восточнаго языка. Надпись на колоколѣ, отлитомъ во Львовѣ въ 1341 г. (стр. 143), могла бы стоять на Московскому колоколѣ ХУІІ вѣка. Возьмите лупу и вы увидите на факсимиле грамоты, заключенной между Любартомъ и Казиміромъ въ 1366

(1) На этой русской монете имѣется знакъ вродѣ трезубца. Этотъ знакъ въ 1918 г. перенесенъ на украинскія марки, какъ „эмблема свободы“. Нельзя сказать, чтобы это было логично.

году (стр. 145), что она написана на чистѣйшемъ русскомъ языке. Совсѣмъ не понятно, почему Грушевскій подъ факсимиле документа 1371 г. о продажѣ земли (стр. 170) заявляетъ, что она написана на „староукраинской мовѣ“, когда она написана русскимъ языкомъ того времени. Факсимиле печатей (стр. 128 и 146) и выбитыхъ польскимъ королемъ (Казимиромъ Великимъ) монетъ (стр. 147), свидѣтельствуютъ, что Галиція въ теченіе всего XIУ вѣка называлась по латыни Russia. Вы перелистываете эту „Исторію Україны“ и нигдѣ до XІІ вѣка не находите документа съ тѣмъ именемъ, которымъ пестритъ текстъ самого Грушевскаго, — все нѣтъ какъ нѣтъ этого желаннаго слова „Україна“ ни на монетѣ, ни въ былинѣ, ни на стѣнной росписи... Потому еще вы повѣрили было въ „украинство“ художественныхъ памятниковъ, что полѣнились раскрыть лѣтопись и справиться въ ней, ктостроилъ этотъ соборъ, или надъ какими землями княжили члены этой семьи, столь наивно нарисованной въ „Изборникѣ Святослава“ 1073-го года. Помните твердо, что во всей лѣтописи Нестора (котораго украинофилы дерзаютъ называть „украинскимъ лѣтописцемъ“) нѣтъ имени „Україна“ и нѣтъ слова „украинскій“.

Допустимъ, скажете вы, что всѣ эти памятники не украинской, а русской старины, но все же это памятники своеобразной мѣстной кіевской до-татарской культуры. Вотъ тутъ и заключается главный обманъ Грушевскаго. Говоря о культурѣ, онъ использовалъ тотъ-же, приемъ, какъ при составленіи родословной Рюриковичей,

тотъ-же, что при изложениі государственной жизни южной Россіи. Читатель вѣроятно не забылъ, въ чёмъ этотъ пріемъ заключался. Отъ родословнаго древа онъ отѣкъ тѣ вѣтви, которыя распространились на сѣверъ и произвольно назвалъ остальныя „украинской линіей“; изъ общаго русскаго государственнаго и народнаго организма онъ искусственно изъялъ одну южную область, постарался скрыть отъ читателя живыя нити, сплетавшія ее съ остальной Россіей и самовольно придалъ ей не существовавшес тогда ими Украины. Такъ и теперь: говорится о соборѣ и фрескахъ кіевскихъ, но умалчивается о тождественныхъ соборахъ на сѣверѣ и о подобныхъ же фрескахъ въ Новгородѣ.

Россія, особенно древняя Россія, — страна лѣсовъ. Дѣйствительно народная ея архитектура — деревянная. На далекомъ сѣверѣ, въ Вологодской губерніи, еще и теперь сохранились полныя своеобразной прелести убогія, приземистыя деревянныя церкви подъ досчатыми крышами. Это деревянное зодчество было распространено по всей территоріи русскаго племени и въ 1915 г. русскій солдатъ, придя послѣ 6 вѣковъ въ Галицію, написалъ въ ней церкви совершенно такія же, какъ въ своемъ Вологодскомъ селѣ (1). Были деревянныя церкви и въ Кіевскомъ княжествѣ, но это известно только по двумъ-тримъ намекамъ въ лѣтописи; сами церкви

(1) Не краснорѣчивое ли это доказательство единства русскаго народа отъ Урала до Сана?

исчезли безследно. Наша каменная архитектура — иноземного происхождения: она пришла к намъ съ христианствомъ отъ грековъ и протекло не менѣе одного-двухъ столѣтій пока легъ на нее национальный отпечатокъ. Она пришла къ намъ не только въ Кіевъ, но почти одновременно и въ Новгородъ. Постройка кіевской Св. Софіи закончена въ 1037 г., а уже въ 1045 г. заложена по тому же плану Св. Софія новгородская. Ясно, что видѣть въ Кіево-Софійскомъ соборѣ проявленіе „украинского искусства“, какъ то дѣлаютъ иные анонимныя брошюры украинской пропаганды, не имѣть смысла. Соборъ этотъ даже не русское созданіе, а греческое; русскаго въ немъ только воля Ярославова, да рабочія руки. Оттого ли, что они были дальше отъ Византіи, или по другимъ причинамъ, но новгородскіе зодчіе раньше освободились отъ опеки греческихъ учителей, чѣмъ кіевскіе. Въ концѣ XII вѣка новгородскій мастеръ Милонѣгъ, раньше построившій у себя на родинѣ церковь Вознесенія, былъ „занятъ постройкою стѣнъ Выдубицкаго монастыря въ Кіевѣ. Здѣсь работали до того одни лишь греки и кіевлянамъ казалось совершенно необычайнымъ, что русскій мастеръ могъ быть такимъ искуснымъ. И дѣйствительно, — замѣчаетъ историкъ русского художества, — Новгородъ, получившій нѣкогда свое искусство изъ Кіева, давно успѣлъ его опередить и многому могъ бы его теперь выучить“ (1). Въ Новгородской и Псковской области весьма скоро появляются уклоненія отъ чи-

(1) Грабарь, „Исторія Русского Искусства“, т. I (1909), стр. 171.

стыхъ византійскихъ образцовъ и "выливаются въ формы до такой степени яркія и неожиданныя, что уже въ самыхъ раннихъ памятникахъ чувствуются тѣ мѣстные особенности, тѣ туземные вкусы и идеалы, которые позже привели къ блестящему искусству Новгорода и Пскова" (ХІУ-го и ХУ вв.). Но не только съверъ опередилъ Киевъ въ до-татарскую эпоху, а также и съверо-востокъ. „Главное значеніе принадлежитъ памятникамъ новгородской и сузальской земли“. Въ послѣдней во 2-ой половинѣ XII в. церковное строительство создало такие прекрасные памятники, какъ Успенскій соборъ во Владимірѣ (законченъ въ 1161 г. при Андрѣѣ Боголюбскомъ), соборъ Рождества Богородицы въ Ростовѣ и полная благородной прелести церковь Покрова на Нерли (1165), быть можетъ самое совершенное архитектурное твореніе древней Руси.

Больше величественной простоты въ торжественной глади новгородскихъ стѣнъ, большие нарядности и совершенства въ подробностяхъ храмовъ Сузальской земли, но все храмы и здѣсь, и въ Новгородѣ, и въ Киевской Руси повторяютъ тотъ-же византійскій оставъ зданія въ видѣ куба и греческаго креста. Эта византійская форма стала общерусской и долго держалась на Руси повсемѣстно и во Владимірѣ, и Бѣлозерскѣ, и въ Твери, Юрьевѣ Польскомъ и въ Москвѣ.

Такая общность архитектурныхъ формъ, при нѣкоторыхъ мѣстныхъ уклоненіяхъ ихъ обработки, вполнѣ естественна. Все искусство создалось и росло на церковной почвѣ. Но церковность была по всей Руси одна и та же. И вѣра, и власть, и духовенство, и богослу-

жебный языкъ, — все было общее. Однородны повсюду и материальныя данныя и условія культуры, — лѣсь, кирпичъ, матери, климатъ. Кіево-Печерская Лавра была святыней общей для всей Руси. При этихъ условіяхъ странно говорить объ искусствѣ кіевскомъ, какъ о проявленіи особой культуры. Того же типа повсюду образа, рисунки въ лѣтописяхъ, серги и заністя, тотъ же языкъ отъ краю и до краю.

„Въ первые моменты своего существованія русская живопись была простой вѣтвию искусства Византіи“, говорить тотъ же Грабарь. Нигдѣ художественное значеніе Византіи не было такимъ исключительнымъ, какъ въ созданіи русской живописи. Въ Италии и на мусульманскомъ востокѣ оно находило противодѣйствіе въ мѣстномъ народномъ началѣ. Но въ до-татарской Руси народное начало было еще слишкомъ слабо; творческія силы русского народа проявились въ живописи значительно позднѣе (въ XIУ и XУ вв.).

Въ стѣнныхъ росписяхъ и иконахъ кіевского периода почти нѣть національныхъ чертъ, національныхъ особенностей. Схема украшенія церквей, стиль мозаикъ, — все было византійское. Насколько влияніе Византіи было всесильно, видно изъ того, что даже „содержаніе фресокъ Кіево-Софійского собора взято исключительно изъ древности византійской и никакого прямого отношенія къ древне-русскому быту не имѣеть“ (1). Зна-

(1) Кондаковъ, „О фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійского собора“, 1888 г. Фрески изображаютъ сцены изъ Царградскаго ипподрома.

ченіе живописи до - монгольского періода, говоритъ Грабарь, важнѣе для историка византійскаго искусства, чѣмъ для историка искусства русскаго. Болѣе чѣмъ памятники русскаго искусства это памятники византійскаго искусства въ Россіи” (1). При чѣмъ же тутъ Україна?

Но быть можетъ это византійское искусство получило на югъ Россіи въ дальнѣйшемъ особое самостоятельное развитіе? Этого не было и не могло быть, ибо съ татарскимъ погромомъ исчезли почти всѣ южные памятники византизма. Цѣлые города превращались въ пепель, а каменные церкви въ развалины. Такъ разрушена была до основанія въ 1240 г. кievская Десятинная церковь. Устояло 5 церквей въ Черниговѣ да Софійскій соборъ въ Кіевѣ, хотя и представлявшій въ иѣкоторыхъ своихъ частяхъ груду камней. Онъ сохранился какъ памятникъ архитектуры; живопись его не могла служить исходной данной для дальнѣйшаго развитія: ея никто не цѣнилъ, и при реставраціи собора въ первой половинѣ XII в. фрески были покрыты известкой. Ихъ освободили изъ подъ нея только въ 1848 г. „Никакія воспоминанія Византіи (X-XII вв.) не перешли за исторический рубежъ монгольского нашествія. Искусство Кіевской Руси оказалось какъ бы замкнутымъ цикломъ, — эпизодомъ, не имѣвшимъ прямой связи съ послѣдующими эпохами” (2).

Кіевъ былъ столицей русской художественной куль-

(1) Грабарь, VI, стр. 106.

(2) Тамъ же, стр. 63.

туры въ продолженіе ста лѣтъ, съ 1050 по 1150 г. Съ этого времени, вмѣстѣ съ переходомъ центра политической жизни въ Ростовско-суздальскую землю, культурное главенство надъ Русью въ теченіе слѣдующихъ ста лѣтъ тоже сосредоточивается во Владимірѣ. Когда же и востокъ ослабѣлъ подъ ударами татаръ, роль культурной столицы переходитъ (съ 1300 г.) Новгороду, укрытому отъ монголовъ разстояніемъ, болотами и лѣсами. „Живя два столѣтія одной жизнью съ Киевомъ (говорить Грабарь) (1), онъ продолжалъ жить такъ же и послѣ опустошенія Киева“ и сдѣлался, какъ указалъ Ключевскій, хранителемъ многихъ культурныхъ традицій Киевской Руси.

Таковы основныи данныи объ архитектурѣ и живописи въ древней Россіи. Наряду съ цитатами изъ труда виднаго историка русскаго искусства онъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что въ до-монгольскій періодъ никакого самостоятельного художества въ южной Руси не было и лишній разъ подчеркиваютъ общность жизни съвера и юга. Мало того, онъ служать косвеннымъ подтвержденіемъ опустошенія и захуданія Киевской Руси въ послѣдующій, безгосударственный для нея періодъ. Новгородъ на той же основѣ блестящаго періода византійскаго искусства (X-XII-го вв.) создалъ и въ зодчествѣ, и въ живописи больше, чѣмъ Киевъ, а позднѣе, воспринявъ новыя византійскія начала вѣка Налеологовъ (XIУ в.), далъ изумительную иконописную школу.

(1) Грабарь, стр. 156.

Больше национального творчества (все на той-же византійской основѣ) проявила и Москва XIУ-го и ХУ вѣковъ. Если югъ отсталъ въ художественной области отъ сѣвера, то причина тому лежить, конечно, не въ меньшей даровитости населенія, а въ печальныхъ политическихъ условіяхъ края. Художественное творчество разростается свободно подъ покровомъ национальной, а не иноплеменной власти. Все искусство Украины съ конца ХУІ в. находилось подъ польскимъ вліяніемъ.

„Южная Россія, говоритъ Грабарь, была всецѣло подъ властью Польши. Черезъ Польшу претворилось и влилось широкимъ потокомъ все то, что имѣя въ кориѣ (з.-европейскіе) элементы, перевоплотилось (въ Польшѣ) въ новую форму“. Навязчивый, всюду неизмѣнныи стиль барокко обошелъ всю Европу, захватилъ Польшу и Литву; отсюда онъ проникъ въ Россію, но принялъ адѣсь (и въ Москвѣ, и на Украинѣ) мѣстный отпечатокъ, особенно своеобразный въ Москвѣ. Достаточно взглянуть на изображеніе любой каменной церкви въ Малороссіи той эпохи, чтобы убѣдиться въ иноземномъ ея происхожденіи, — такъ силенъ на храмахъ отпечатокъ барокко, такъ далеки они отъ древнихъ византійскихъ формъ, ставшихъ родными и для южной Руси. Нѣкоторое сомнѣніе вызываетъ архитектура старинныхъ деревянныхъ церквей съ своеобразными куполами и особой конструкціей всего зданія. „Есть ли (малороссійская архитектура) вполнѣ самобытное произведеніе южнорусского генія, воспитанного подъ исконнымъ вліяніемъ Византіи или она явилась подъ вліяніемъ какихъ-нибудь архитектурныхъ формъ другихъ народовъ и мѣстностей“, спрашиваетъ книга Грабаря и отвѣчаетъ, что надо признать „неоспоримое вліяніе западныхъ

образцовъ на образованіе формъ украинскаго деревяннаго зодчества" (1). Вліяніе барокко измѣнило форму четырехгранныхъ куполовъ на многогранную, подняло ихъ на иѣсколько ярусовъ и осложнило очертанія вѣнчающихъ главъ. Другая струя вліяній влилась скоро съ юга. Уходя отъ преслѣдованія офиціальной Москвы, на Украину стали укрываться старообрядцы; формы ихъ церквей также отпечатлѣлись на деревянномъ малороссійскомъ зодчествѣ. Каменное строительство, послѣ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ, развивается при участіи московскихъ зодчихъ; такъ Мазепа построилъ свою церкви при помощи мастера, присланного ему царями Ioанномъ Алексѣевичемъ и Петромъ Великимъ.

"Единственный родъ живописи (на Украинѣ), который можно отдѣлить отъ искусства польского" — живопись церковная. То немногое, что сохранилось со временемъ древнейшихъ ХУІІ вѣка, "проявляетъ еще очень мало признаковъ самобытности" (2). "До 17-го вѣка... Кіевъ влашилъ самое жалкое существование, всецѣло подчинившись вліянію овладѣвшей имъ Польши". „Съ середины ХУІІ в. чувствуется пробужденіе какихъ-то новыхъ силъ". Это пробужденіе — слѣдствіе національного самосознанія, развившагося въ борьбѣ съ Польшей и присоединенія къ Москвѣ. Два начала борются съ тѣхъ поръ на Украинѣ и не только въ политической жизни, но и въ иконописи: начало византійско-русское и латинско-польское. Чего-либо выдающагося эта живопись

(1) Т. II, стр. 338.

(2) Цитируемъ изъ главы „Украинская живопись ХУІІ вѣка", написанной для VI тома Грабаря, лицомъ явно склоннымъ преувеличивать значение этой живописи.

вопись не дала. Для Грабаря (1) иная проявленія ея, послѣ
дивныхъ созданий Новгорода, кажутся печальнымъ наденіемъ,
столь же печальнымъ, какъ и нѣкоторыс образцы московской
иконографіи конца ХУІІ в. Можно отмѣтить, какъ особенность
кіевскихъ мастеровъ, тяготѣніе къ природѣ, допущеніе мірскихъ
подробностей въ священные сюжеты и стремленіе къ портрет-
ной живописи, — слѣдствія болѣе сильнаго вліянія Западной
Европы.

Мы можемъ обойти молчаніемъ скульптуру Україны
и подвести итогъ нашему краткому очерку. Вели-
кокняжеская Кіевская Русь съ юношескимъ увлеченіемъ
приняла византійское искусство; въ теченіе ста лѣтъ
она является его средоточіемъ на Руси, но не успѣ-
ваетъ его претворить и облечь въ національныя черты:
съ наденіемъ политического могущества, замираетъ и
художественная жизнь, а съ нашествіемъ татаръ ис-
чезаютъ и памятники былого. Послѣ татарскаго по-
грома, на протяженіи трехъ вѣковъ, въ полупустынной
странѣ идетъ борьба за возможность хотя бы самого
прозаического существованія; едва теплится культур-
ная жизнь въ тиши монастырей; народу не до художе-
ственныхъ красотъ, да и нѣть у него власти сильной
и своей, чтобы вызвать и поддержать художественное
творчество. Въ ХУІ в., при польскомъ владычествѣ,
докатилась до Днѣпра волна западной культуры. Фактъ
заимствованія чужого искусства не умаляеть художе-
ственной цѣнности народа и того, во что онъ перевопло-

(1) Т. VI, стр. 481.

тиль заимствованное. Но югъ Россіи и на этотъ разъ не успѣлъ ярко переработать западныя начала, ибо скоро съ сѣвера пришло новое вліяніе и художники-малороссы отъ провинціального барокко потянулись чрезъ Петербургъ на широкую арену мірового искусства. Здѣсь, во всероссійской столицѣ, въ ХУІІ вѣкѣ творчество ихъ слилось безраздѣльно съ работой другихъ сыновъ Россіи и только люди, зараженные теперешнимъ болѣзненнымъ политиканствомъ, могутъ задаваться цѣлью искать въ ихъ созданіяхъ какія-то „украинскія національныя художественныя черты“.

“Украинского искусства“, какъ такового, не существуетъ. Нѣть такой особой живописи, ни архитектуры, ни ваянія. Можно примѣнить такое выраженіе, какъ то и дѣлаетъ Грабарь, развѣ для краткаго, польскаго, періода искусства на югѣ Россіи (ХУІІ в.). Мѣстные малороссійскіе художественные элементы оказались на прикладномъ кустарномъ искусствѣ, на вышивкахъ, коврахъ, гончарныхъ издѣліяхъ и т. п. Но вѣдь тосканскія фіаско или абруцкія вышивки не свидѣтельствуютъ о существованіи въ этихъ провинціяхъ особыхъ народовъ, — не-итальянцевъ.

Отъ временъ до-монгольскихъ сохранилось нѣсколько прекрасныхъ литературныхъ памятниковъ, — лѣтописи, „Поученіе“ Владимира Мономаха, описанія путешествій на богомолье въ Св. Землю, нѣсколько церковныхъ проповѣдей и то „Слово о полку Игоревѣ“, стоящее на рубежѣ народной и художественной литературы, о которомъ мы говорили выше. Наибольшую художествен-

ную цѣнность имѣть то, что родилось на югѣ. Вѣдь сюда въ Киевъ, въ умственный центръ Киево-Печерской лавры, сходились лучи литературнаго вліянія и изъ Византіи, и изъ южныхъ славянскихъ странъ, культура которыхъ, въ тѣхъ вѣка ихъ свободы, стояла высоко. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на характеристикахъ нашей древней литературы. Намъ важно лишь отмѣтить, что памятники ея писаны на русскомъ языке. Всѣ мы, учившіеся въ русскихъ школахъ, читали ихъ въ ихъ подлинномъ текстѣ и читали, повѣрьте, безъ словаря, ибо и словарей такихъ не имѣется. На страницѣ встрѣтится 3-4 архаическихъ слова или название предмета, вышедшаго изъ употребленія; тогда требуется толкованіе; но это русскій, древне-русскій языкъ, стоящій на поль-пути между нашимъ современнымъ и церковно-славянскимъ. Когда украинофилы утверждаютъ, что „Поученіе“ Мономаха есть „образецъ украинской литературы“, это не болѣе, какъ неприличная выходка, расчитанная на неосвѣдомленность иностранной публики.

Грушевскій приводить въ своей книгѣ нѣсколько страницъ былинъ на „украинскомъ языке“. Но мы уже знаемъ, что былины на югѣ исчезли изъ народной памяти и сохранились только на сѣверѣ; здѣсь съ теченіемъ времени древнія формы языка, на которомъ былины сложились, не могли не измѣниться на великорусскій ладъ. Слѣдовательно текстъ, приводимый Грушевскимъ, есть не болѣе, какъ переводъ, какъ искусственная реставрація и притомъ неудачная, ибо первоначальный языкъ былинъ, — древній обще-русскій

языкъ, — былъ отличенъ и отъ великорусскаго, и отъ малорусскаго нарѣчія.

Упоминаніе о былинахъ побуждаетъ насъ сдѣлать отступленіе. Украинская партія утверждаетъ, что югъ былъ оторванъ отъ сѣвера, а не жилъ съ нимъ общей жизнью. Но голосъ былинъ, родившихся на Киевскомъ югѣ, свидѣтельствуетъ объ обратномъ.

Ни руэтъ въ гридиѣ своей, въ стольномъ градѣ Кіевѣ, князь Владіміръ, Красное Солнышко: угощаетъ свою дружину и богатырей, „стоятелей и оберегателей свято-русской земли“. Кто эти богатыри? южные ли только они уроженцы или сѣѣхались со всѣхъ краевъ Руси? Сидить за столомъ Ставёръ изъ Новгорода, Дюкъ Степанычъ изъ Галиціи, Добрыня Никитичъ, сынъ богатаго рязанскаго гостя, бояринъ Пермята изъ Перми, Алеша Поповичъ, сынъ ростовскаго протоиопа и Чурила Пленковичъ, щеголь и богачъ изъ подъ Кіева. Со всѣми ласковъ князь, всѣхъ подчуствуя медомъ, для всѣхъ у него доброе слово: Но кого встрѣчаетъ онъ съ особымъ почетомъ, ведеть за руку и сажаетъ въ красный уголъ? Илью Муромца, скромнаго крестьянина, богатыря изъ подъ Мурома..., чуть ли не изъ подъ самой, столь ненавистной украинофильцамъ, Москвы. Воплощеніе лучшихъ чертъ русскаго народа, кроткій, великодушный, благочестивый богатырь, не жадный ни до денегъ, ни до власти, милующій даже врага, Илья — спокойная, тихая, нехвастиливая, ненобѣдимая сила — излюбленный герой народнаго эпоса и излюбленный гость ласковаго князя Владіміра.

Нужды нѣть, что часть этихъ богатырей вымыщена,

что Пермь въ то время была еще далеко отъ русского рубежа, что Ставерь — современникъ Владимира Мономаха, а не его прадѣда. Важно то, что въ народномъ представлениі киевскіе богатыри — общерусскіе, что жизнь ихъ (особенно Ильи Муромца) посвящена идеѣ служенія Русской землѣ. Нигдѣ въ былинахъ вы не найдете выраженія непріязни къ съвернымъ областямъ. Народъ этого чувства не знаетъ и “честь” лелѣять его предоставилъ современнымъ намъ „украинцамъ“. Только одной части русской земли не посчастливилось: почему-то бѣдная Галиція названа какъ-то въ былинѣ „Галичью поганой“. Вѣроятно это позднѣйшій эпитетъ, вызванный проникновеніемъ въ Галицію католичества и западной культуры (1). Но во всякомъ случаѣ, онъ не на руку „украинофиламъ“, увѣрюющимъ, что Галиція — Пьемонтъ украинскаго движения. Украинскій Пьемонтъ ищите въ канцеляріяхъ Берлина и Вѣны, но отнюдь не въ милой Галиціи, сберегшей сознаніе своей русской народности въ теченіе пятивѣкового польского и австрійского господства и нынѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ сыновъ, съ презрѣніемъ отмѣтающей заманчивые, но нечистоплотные украинофильскіе происки.

О единству до-монгольской Руси свидѣтельствуетъ голосъ народа въ былинахъ. Любовью къ родной землѣ и исканіемъ сознаніемъ ея единства проникнуты и Несто-

(1) Первоначальное значение слова „поганый“ (*paganus*) — „языческій“, потомъ вообще „иновѣрный“; бранный смыслъ слово пріобрѣло въ позднѣйшіе вѣка.

рова „Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть иошла русская земля“, и Мономахово „Поученіе“. Основная мысль „Слова о полку Игоревѣ“ опять-таки есть мысль о единствѣ Русской земли, а „Патерики“ ставить себѣ главною цѣлью показать, что и Русская земля не скудна святыми и Божьими угодниками. Около 1110 г. ходилъ богомольцемъ въ Палестину „Русьскыи земли“ игуменъ Даніилъ“. Пришелъ онъ къ королю Балдуину и поклонился ему. Подозвалъ его къ себѣ, „съ любовью князь Балдинъ“ и спросилъ его: „что хощени, игумене Рускыи“? И попросилъ Даніилъ позволенія поставить у гроба Господня „кандило за русскую землю“. Согласился король, и въ великую субботу поставилъ Даніилъ кандило. И засвѣтилось кандило за Русскую Землю.

9. — Современное положеніе вопроса.

Намъ естественно поставить вопросъ: если въ прошломъ нѣтъ никакихъ данныхъ для украинского сепаратизма, то какъ объяснить теперешнее его появление и какимъ представляется будущее Малороссіи съ точки зрѣнія поклонниковъ Единої Россіи?

Австро-германское происхожденіе легенды о существованіи особаго украинскаго народа не подлежитъ сомнѣнію. Расчленить Россію, обезсилить ее и поработить себѣ экономически — такова одна изъ цѣлей

задуманной Германіей войны. Планъ созданія Україны подготавлялся въ Вѣнѣ и Берлинѣ давно; методы возбужденія искусственного сепаратизма были разработаны въ Галиціи задолго до войны.

Съ 1772 до 1848 г. австрійское правительство официально признавало народное единство галичанъ съ остальнымъ русскимъ народомъ; ихъ называли Russen. Но въ 1848 г. губернаторъ Галиціи гр. Стадіонъ обратилъ вниманіе Вѣны на опасность такого названія и вместо Russen впервые, для обозначенія русского населенія Прикарпатія, ввели имя Ruthenen. Напись люді, которые постарались на основѣ провинціализмовъ простонародного говора развить новый книжный языкъ, отличный отъ русского литературного языка. Русская книга стала подвергаться преслѣдованію; стало возводиться гоненіе на сторонниковъ народного единства всѣхъ русскихъ; инсценировались политические процессы государственной измѣны(1). Подъ правительственной опекой образовалась украинская партія; въ 1890 г. она вошла въ соглашеніе съ галиційскими поляками. Украинофилы начинаютъ называть населеніе „украинско-русскимъ“, а съ 1907 называютъ свой партійный клубъ просто „украинскимъ“. Партия отличается дикой нетерпимостью ко всѣмъ, считающимъ себя русскими, т. е. въ сущности ко всему населенію; она то и дѣло возводить на своихъ противниковъ обвиненіе въ госу-

(1) Въ 1882 г. противъ писателя Наумовича, Добрянского; процессъ этотъ известенъ болѣе подъ именемъ процесса противъ Ольги Грабарь и товарищей.

дарственной измѣнѣ. Австро-венгерскій престолонаследникъ әрцѣ-герцогъ Францъ-Фердинандъ оказываетъ партіи всевозможное покровительство: зарождается мысль о самостійной Українѣ съ престоломъ Габсбурговъ въ Кіевѣ. Въ 1912 году правительство впервые называетъ русское населеніе „украинцами“ (1). Гнеть на все русское растетъ: обученіе русскому литературному языку или чтеніе заграничной русской газеты считается измѣной; просвѣтительныя, сельско-хозяйственные и иныя общества закрываются; процессы о мнимой государственной измѣнѣ учащаются (2); въ 1913 г. закрывается около 12 учебныхъ заведеній русской фракціи. Тутъ пришла война и украинофильско-австрійская дѣятельность развернулась во всей красѣ: нѣсколько десятковъ тысячъ невинныхъ жертвъ было перевѣшано и замучено безъ суда (3).

Таковы методы. Съ открытиемъ войны Германія могла начать свою давно подготовленную работу въ томъ

(1) Въ актѣ императора Франца-Іосифа о будущемъ открытии „украинского университета“.

(2) Процессы противъ братьевъ Геровскихъ и противъ священника Кабаловича и 93 крестьянъ въ 1913 году, и процессы противъ Бендасяка и 3-хъ товарищѣй въ 1914 г.

(3) Напр., при перевѣдѣ арестованныхъ, ихъ гнали предъ собой, какъ скотъ, при чемъ конвойные иногда зарубали людей шашками; такъ было зарублено 50 чел. въ Перемышлѣ въ 1914 году. Были случаи, что мѣстное мадьярское и польское населеніе избивало арестованныхъ камнями, палками, штыками, напр., въ Мезеляборчѣ.

же направлениі. Ея поле дѣятельности было шире: предстояло оторвать весь югъ Россіи (съ донецкимъ углемъ и даже съ бакинской нефтью). Явилась мысль посадить намъ въ Кіевѣ не Габсбурга, а Гогенцолерна. Прежде всего надо было перемѣнить имя малороссамъ. Нужды нѣть, что самъ Богданъ Хмѣльницкій называлъ населеніе своей Україны „народомъ русскимъ“, — стали увѣрять, что оно не русское. Надо было порвать лингвистическую связь малоросса и великоросса, ибо оторвавъ культурный классъ юга Россіи отъ русского литературного и научного языка, легче будетъ навязать странѣ свою германскую культуру, — стали поддерживать искусственную „украинскую мову“. Дѣйствовали по нѣмецки, систематично и не теряя времени. Съ первого года войны пленные малороссы были выдѣлены въ отдѣльные лагеря и тамъ подвергались „украинизированію“; для наиболѣе восприимчивыхъ было устроено въ Кенигсбергѣ нѣчто вродѣ „Академіи украинизации“. Сотни тысячъ распропагандированныхъ пленныхъ, вернувшись въ 1918 г. въ Малороссію, стала главнымъ орудіемъ распространенія украинской идеи въ крестьянской средѣ. Надо было положить начало украинской арміи, — и съ первыхъ-же дней революціи появилось требование выдѣлить солдатъ малороссовъ въ особую части. Это была мѣра тѣмъ болѣе прекрасная, что вносила разстройство въ русскую армію, которая была подготовлена начать черезъ два мѣсяца грандиозное наступленіе по всему фронту отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Мѣра эта, какъ и геніальный по простотѣ „приказъ Н. I.“ внесшій въ войско смер-

тоносный для него ядъ равенства, родилась, конечно, не въ петроградскомъ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а въ германскомъ генеральномъ штабѣ. Дальнѣйшія событія у всѣхъ въ памяти. Германцы проявили необыкновенную готовность вести мирные переговоры съ кучкой какихъ-то украинскихъ самозванцевъ. Послѣдніе заключили трижды предательскій миръ: предательскій по отношенію къ союзникамъ, ко всей Россіи и къ самой Украинѣ: связанный по рукамъ и ногамъ, она была отдана во власть Германіи, пріобрѣтя лишь мишурное право именоваться самостоятельнымъ государствомъ. Германцы способствовали возведенію въ гетманы Скоропадского; они держали ихъ штыками; они распоряжались въ странѣ какъ у себя дома. Они же потомъ обезпечили первый успѣхъ Нетлюры.

Надо обладать исключительной развязностью украинофиловъ, чтобы заявлять, будто Германія имъ не сочувствуетъ. Они много и правдивѣе въ сочиняемыхъ ими мнимо народныхъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ той, которая говоритъ:

„Буде вільна Україна у свободи жити,
„Буде каждый українець *Габсбургам* служити“.

Или въ другой, которая взываетъ:

„Да поможи, пане Боже и Пречиста Мати“
императору Вильгельму, „німецкому славному Ціарю“,
„Як наискорше з Галичини прочь москаля гнати“.

Откровеннѣе всѣхъ, однако, сами нѣмцы. „Русскій вопросъ, — заявилъ въ учредительному собраніи ми-

нистръ Эрцбергеръ, — является ничѣмъ инымъ, какъ частью большого спора, который иѣмца ведутъ съ англичанами въ цѣляхъ господства надъ міромъ. Намъ нужны Литва и Украина, которыя должны быть аванпостами Германіи. Польша должна быть ослаблена. Если и Польша будетъ въ нашихъ рукахъ, то мы закроемъ всѣ пути въ Россію, и она будетъ принадлежать намъ. Для кого не ясно, что только на этомъ пути лежитъ будущность Германіи“.

Итакъ, „будущность Германіи“ — вотъ гдѣ разгадка украинского сепаратизма.

Побѣда Союзниковъ устричила открытую работу Германіи на Украинѣ. Но германскимъ планамъ посчастливилось въ Европѣ. Украинскія бюро, начавшія работу въ нейтральныхъ странахъ еще въ 1915 г., слѣдовательно на германскія деньги, продолжаютъ свою пропаганду. Европейское общественное мнѣніе либо вѣрить ей, либо дѣлаетъ видъ, что вѣрить. Какъ-бы то ни было, когда въ Совѣтѣ 4-хъ или 10-ти гг. Лойдъ Джорджъ или Клемансо упоминаютъ объ „украинскомъ народѣ“, они уже тѣмъ самымъ слѣдуютъ германской указкѣ, ибо не будь германской пропаганды, эти господа не знали бы о существованіи самаго слова „украинскій“.

Франція, столь многимъ намъ обязанныя, особенно охотно попала въ украинскомъ вопросѣ по германскимъ стопамъ. Вполнѣ возможно, что широкая французская публика принимаетъ украинскую пропаганду за чистую монету. Но не допускаю, чтобы политические дѣятели не замѣчали ея лживости. Сегодня васъ увѣряють, что

украинскій народъ воплощеніе республиканскихъ добродѣтелей; проходитъ мѣсяца три (въ теченіе которыхъ членъ какой-нибудь украинской миссіи вель тайные переговоры съ тѣмъ или инымъ эрцъ-герцогомъ) и вы читаете, что украинцы прирожденные монархисты. Не было въ исторіи арміи, совершившей столько подвиговъ, какъ украинская и въ особенности, отличающаяся такимъ вездѣсущемъ: сегодня она береть Одессу, чрезъ 5 дней Кіевъ, чрезъ три дня онять Одессу. Въ дни, когда Деникинъ былъ на апогѣѣ своихъ успѣховъ и телеграммы сообщали о занятіи имъ городовъ по всему фронту, въ газетахъ вдругъ появилась телеграмма о взятіи тѣхъ-же городовъ украинской арміей; телеграмма была помѣчена Таганрогомъ, гдѣ тогда находилась Ставка Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи. Начатаются иллюстраціи о входѣ 300.000 арміи въ Кіевъ, но въ дѣйствительности армія эта никогда болѣе 45.000 человѣкъ не достигала. Французскія газеты называютъ Петлюру генералиссимусомъ. Я не французъ, но все же мнѣ непріятно, что темнаго авантюриста титулуютъ такъ-же, какъ генерала Фоша. Украинская „Директорія“, по увѣреніямъ пропаганды является послѣднимъ словомъ прогрессивнаго правительства. Какихъ только благъ не дало оно своему народу. И широкую демократическую программу, и высокую вѣротерпимость. А на дѣлѣ на Украинѣ происходит кошмарное избіеніе евреевъ и не только стихійное избіеніе, производимое крестьянской массой, а планомѣрное, выполняемое по приказу „атамановъ“ украинской арміи. Волосы дыбомъ становятся, читая

описаніе „кровавой бани въ Прокурорѣ“ (1). Да и какая можетъ быть программа у „правительства“, состоящаго изъ недоучекъ-авантюристовъ, завладѣвшихъ властью лишь благодаря демагогическимъ лозунгамъ и кличу „вся земля крестьянамъ“? Этотъ кличъ можетъ, на короткое время, объединить у настъ крестьянъ вокругъ кого угодно и поднять ихъ на что угодно. Но теперь на Украинѣ, какъ и во всей Россіи, — хаосъ, война всѣхъ противъ всѣхъ. Можетъ ли французское правительство, имѣвшее своихъ агентовъ на югѣ Россіи, не знать, хотя бы части правды? Но тогда, чѣмъ объяснить явное сочувствіе Франції украинской идеѣ? Говорить, Франція желаетъ обезпечить себѣ возвращеніе своихъ миллиардовъ. Почему часть страны можетъ успѣшнѣе выплатить долгъ, чѣмъ вся страна, я отказываюсь понять. Современное мышеніе преподноситъ иногда такія логическія загадки. Не видимъ ли мы серьезныхъ, казалось бы, людей, мечтающихъ создать острѣстку Германіи изъ конгломерата маленькихъ разноплеменныхъ государствъ восточной Европы. Вместо ребяческой затѣи обезопасить себя отъ Германіи коалиціей 4-хъ или 5 мелкихъ новорожденныхъ армій, не практическиѣ ли работать надъ восстановленіемъ единой Россіи, къ которой естественно и добровольно примкнуть и эти государства?

Выяснить дѣйствительное отношеніе Польши къ украинскому движению нелегко. Тамъ готовятъ протекторатъ и мечтаютъ о дальнѣйшемъ полномъ подчиненіи.

(1) См. примѣчаніе на стр. 145.

Правительство объято ненасытнымъ имперіалистическимъ аппетитомъ, но оно въ тискахъ между русскимъ и домашнимъ большевизмомъ и располагаетъ арміей, разныя части которой имѣютъ различные „политические взгляды“, а потому вынуждено лавировать и въ украинскомъ вопросѣ. Въ настоящую минуту (мартъ 1920) оно покровительствуетъ Петлюрѣ, съ легкимъ сердцемъ иродавшему Польши за это покровительство Восточную Галицию.

Другой могущественный факторъ украинского и всѣхъ остальныхъ сепаратизмовъ въ Россіи — большевизмъ. Международные силы зла, его породившія, свили себѣ гнѣздо прежде всего въ центральной Россіи. Всѣ окраины, желая оградить себя отъ заразы, тѣмъ самимъ вынуждены отмахиваться отъ „Россіи“. Были періоды, когда русскій патріотъ чистой воды могъ съ спокойной совѣстью служить мѣстнымъ правительstвамъ: служа имъ, бывъ ограждалъ часть Русской земли отъ большевицкаго духовнаго и материальнаго разгрома съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ работать надъ возстановлениемъ русскаго единства. Нынѣ роль большевизма, какъ силы расчленяющей, повидимому, миновала: его міровой, а не русскій характеръ, сталъ видѣть даже слѣпымъ и люди скоро перестанутъ отождествлять слова „большевикъ“ и „русскій“; съ другой стороны, въ совѣтской политикѣ въ Москвѣ происходитъ какое-то перерожденіе и оно, искренно или нѣтъ, ставить арміи національныхъ объединительныхъ задачи.

Каковы внутренніе факторы самостійности? На какую почву ложатся перечисленныя вицьшнія воздѣйствія,

кто отзываетъся на нихъ на мѣстѣ, да и существуетъ ли, въ концѣ концовъ, украинскій сепаратизмъ?

„Мы избраны волей 45-ти миллионнаго народа“, утверждаетъ директорія; „мы представители народа“, говорить разные украинскіе „посланники“ и въ газетныхъ интервью, и на щедрыхъ банкетахъ въ честь представителей печати. Но мы живемъ въ революціонное время, хочется отвѣтить имъ, а революціонныя времена — это времена самозванцевъ. Кто и когда выбралъ васъ? Развѣ эти рады, составленныя изъ нѣсколькихъ сотенъ кіевскихъ рабочихъ, не получившихъ ни отъ кого мандатовъ и голосовавшихъ по наущенію десятка-другого агитаторовъ, представляютъ собою волю народа? Иной читатель заподозритъ меня въ предвзятомъ отношеніи къ столь демократическому собранію. Пусть за меня говорятъ представители партіи соціаль-революціонеровъ. Въ декабрѣ 1919 года они подали въ Международное Соціалистическое Бюро меморандумъ. „Украинскій народъ, сказано тамъ, ни разу опредѣленнымъ образомъ не выразилъ своего желанія отдѣлиться отъ Русскаго государства“ (1). 20 ноября 1917 года рада, „избранная не по всеобщему голосованію,... выказалась въ своемъ З-мъ универсалѣ за федерацію съ Россіей“. Уже чрезъ 2 мѣсяца (22 янв. 1918 г.), послѣ пораженія украинскихъ войскъ большевиками и потери Кіева, „остатки рады въ 4-мъ универсалѣ провозгласили полное отдѣленіе Ук-

(1) Цитируемъ по англійскому тексту.

райны⁴. Въ это время „рада была уже совершенно оставлена населеніемъ; ее поддерживали только самостійники и тѣ круги, которые желали возстановленія своихъ классовыхъ привилегій при помощи Германской имперіи“⁵. Дѣйствія рады вели къ „полному подчиненію всей Україны Германіи“. Когда 12 мая 1918 г. германскій маіоръ разогналъ центральную раду и арестовалъ украинскихъ министровъ (1), ни одна рука не поднялась въ Кіевѣ въ защиту этого собранія, заслужившаго всеобщую непопулярность⁶. Короче и еще опредѣленнѣе высказывается о самозванствѣ рады проф. Майяръ, въ своей брошюрѣ, весьма удачно озаглавленной „Ложь украинскаго сепаратизма“ (2). Въ ней есть глава „Украинская Делегація стремится ввести въ заблужденіе Конференцію мира“. Авторъ цитируетъ утвержденіе „Делегаціи“ о безноворотномъ решеніи „украинскаго народа“ отдѣлиться отъ Россіи; затѣмъ, поставивъ вопросъ, какъ, гдѣ и когда этотъ „народъ“ выразилъ свое желаніе, выясняетъ, что рада 1917 и 1918 гг. была ничто иное, какъ „толпа товарищей самозванцевъ“, не имѣвшихъ никакихъ полномочій. Онъ кончаетъ слѣдующей фразой по адресу „Делегаціи“: „Я сейчасъ вернулся изъ Малороссіи,

(1) Этотъ маіоръ (въ дѣйствительности военный прокуроръ) арестовалъ не всѣхъ министровъ, а только двоихъ, обвинявшихся въ попыткѣ похитить банкира Добраго, слѣд., въ преступлении уголовномъ, и рады вовсе не разгонялъ; она сама себя распустила на слѣдующій день послѣ избранія гетмана.

(2) Maillard, *Le Mensonge de l'Ukraine Séparatiste*, 1919, Paris.

гдѣ прожилъ 20 лѣтъ и которую люблю, какъ вторую родину, и говорю вамъ въ лицо: „ написавъ вышеприведеную фразу, вы подло солгали и пытались обмануть Конференцію мира “. Оставимъ „ народное представительство “ и перейдемъ къ „ правительству “.

Въ Россіи теперь повелѣваетъ физическая сила. Наберите и вооружите 30 человѣкъ, готовыхъ вамъ подчиниться, и вы станете владыкой въ своемъ селѣ, будете объявлять декреты о вырубкѣ лѣса у сосѣдней деревни и взимать себѣ подати, покуда не явится болѣе сильная банда; она либо одолѣеть васъ, либо вы присоединитесь къ ней. Соберите 300 человѣкъ, раздобудьте пулеметъ, и будете до поры до времени владыкой въ цѣлой волости. Петлюра собралъ не 300, а 30.000 и распоряжается въ 2-3 губерніяхъ. Онъ собралъ ихъ благодаря лозунгу о землѣ; первый успѣхъ былъ обеспеченъ германцами. „ Какъ только германское владычество прекратилось, говорить тотъ же меморандумъ соціаль-революціонеровъ, крестьянскія массы и рабочіе оставили Директорію Петлюры, не смотря на ея старанія превзойти демагогичностью своей программы даже большевиковъ “. Деревня осталась безъ всякой власти; представители власти гетмана Скоропадского были разстрѣлены или бѣжали. Ихъ никто не замѣнилъ. „ Въ настоящее время сомнительная власть Директоріи ни на 1 сантиметръ не переходитъ за линію штыковъ “ ея арміи. Ни о какой созидательной правительственной дѣятельности не можетъ быть и рѣчи. На Украинѣ хаосъ. „ Настоящія банды разбойниковъ разрушаютъ города въ Украинѣ, сегодня подъ флагомъ

Директорії, завтра подъ флагомъ большевиковъ, а не то за личный страхъ и рискъ главаря, какъ напр. банды атамана Григорьева ". Банды требуютъ съ деревень продовольствія; крестьяне прячутъ его, обезоруживаютъ петлюровцевъ и избиваютъ ихъ; случалось, что новый отрядъ петлюровцевъ обстрѣливаль бунтующую деревню артиллерійскимъ огнемъ. Всѣ пріемы петлюровского правительства чисто большевицкіе. Предъ Европой оно старается выказать себя щитомъ противъ большевизма, въ дѣйствительности оно лишь его разновидность. Тѣ же лживыя фразы о демократизмѣ, то же презрѣніе къ народу на дѣлѣ. Украинскія войска никогда серіозно съ красной арміей не дрались. Не даромъ кто-то сказалъ, что у Петлюры голова украинская, а хвостъ большевицкій. Народъ обираютъ немилосердно; взяточничество процвѣтаетъ не хуже чѣмъ у комиссаровъ. Петлюра окружены нѣсколькими десятками авантюристовъ изъ тѣхъ, что въ годы революціи выплываютъ на поверхность мутной воды. Тутъ много обученныхъ въ Австріи украинскому языку; такъ какъ никто другой его въ Украинѣ не знаетъ, то имъ, въ случаѣ успѣха самостійности, обеспечена широкая карьера: пріятнѣе быть губернаторомъ, чѣмъ вновь стать грузовщикомъ или писаремъ; отсюда понятно, какіе они „убѣжденные сепаратисты “.

„Изъ всѣхъ видовъ плювинизма самый дикій (преслѣдованіе языка) проявился въ то короткое время, когда эти сепаратисты были у власти “. Надо различать три языка: русскій, малороссійскій и псевдо-языкъ украинскій.

„Русскія газеты были закрыты; русскій шрифтъ воспрещенъ; въ тѣхъ немногихъ отрасляхъ управлениія, гдѣ служба могла быть удовлетворительно выполняема самими украинцами, какъ-то на желѣзныхъ дорогахъ, на почтѣ и телеграфѣ, русскій языкъ былъ упраздненъ“; изъ школы онъ былъ изгнанъ. Такъ обращались съ языкомъ понятнымъ всякому малороссу, языкомъ, которому обучался каждый мальчикъ-малороссъ, на которомъ печатались почти все газеты, заключалась всякая крупная сдѣлка и на которомъ говорила, даже въ семьѣ, вся интеллигенція, безразлично малороссійского или иного происхожденія.

Мы видѣли выше (стр. 55-58), подъ какими вліяніями изъ древне-русскаго языка стало выдѣляться малороссійское нарѣчіе. Оно существуетъ 4-5 вѣковъ. Наука считала его нарѣчіемъ (1); языкомъ его прививали лишь украинофилы. Но 20 февраля 1906 года Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ признало малороссійское нарѣчіе языкомъ. Постановленіе это прошло большинствомъ одного голоса (кажется изъ 5-и). Одни считаютъ, что постановленіе вызвано соображеніями научными (но есть ученые, какъ академикъ Соболевский, которые его рѣзко оспариваютъ); другие думаютъ, что въ этомъ рѣшеніи, припятомъ въ дни генеральной репетиціи русской революціи, невольно отразился политический протестъ, противъ пекультурнаго отношенія центрального правительства къ правамъ мѣстныхъ говоровъ. Во

(1) Исключеніе составляло мнѣніе Миклошича.

всякомъ случаѣ на рѣшеніи стоитъ печать академіи: на него апеллировать некуда, и для времени послѣ 1906 г. надо говорить „языкъ“. Съ бытовой точки зрѣнія никто, однако, не сможетъ отрицать, что языкъ этотъ имѣть всѣ свойства нарѣчія: на немъ говорить только простонародье, литература его носитъ отпечатокъ того, что въ Италіи называютъ *letteratura dialettale*; она ограничивается бытовыми драмами и комедіями, народными сказками и поэзіей на темы мѣстной простонародной жизни. Малороссійское нарѣчіе въ литературный и научный языкъ пока не развилось. Вѣроятно въ этомъ сыграли некоторую роль стѣсенія, чинившіяся правительствомъ за послѣдніе поль-вѣка. Главная причина, конечно, не въ томъ. Каждое нарѣчіе можетъ доразвиться до самостоятельного языка, но для этого требуется гений, подобный Данте, или вѣка самостоятельной культуры. Пока по малороссійски писать только одинъ человѣкъ, который можетъ быть названъ поэтомъ — Шевченко; какъ бы любъ онъ не былъ мѣстному населенію, на международный критерій онъ можетъ быть отнесенъ лишь къ третьeraзряднымъ поэтамъ (1). Культуры самостоятельной въ

(1) Въ русской литературѣ его можно приравнять развѣ къ Никитину. Семейное прошлое соединяетъ насъ съ Шевченко. Онъ жилъ у брата моего дѣда, у князя Репнина-Волконского (послѣдній малороссійскій генералъ-губернаторъ), въ его полтавскомъ имѣніи. Шевченко пользовался его покровительствомъ и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всей семьей. Дочь князя имѣла наилучшее вліяніе на него; многолѣтняя переписка его съ нею, долго хранившаяся въ семье, была къ сожалѣнію, по желанію престарѣлой княжны, уничтожена. Самъ онъ цѣнилъ въ себѣ болѣе талантъ живописца, чѣмъ поэта. Онъ говорилъ съ Репнинами по русски. Крѣпостной, онъ былъ полонъ про-

Малороссії не было: ея культура нераздѣльно слита была столь съ польской и 250 съ общерусской. Изъ общерусской культуры Украина черпала и въ нее же влагала свои лучшіе дары: самый великий малороссъ, Гоголь, писалъ по русски. Не можетъ геніальный писатель искусственно сузить себя до мелкихъ горизонтовъ, какъ не можетъ большой музыкантъ добровольно стѣснить свое творчество несовершенствомъ инструмента (1). Малороссійское нарѣчіе естественно уступило первенство русскому языку, ибо всякий провинціалистъ обреченъ стушевываться предъ интересами всего государства и цѣлого народа. Языкъ или нарѣчіе, но во всякомъ случаѣ малороссійская рѣчь достойна того, чтобы мѣстное правительство относилось къ ней хотя бы съ неменьшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ ней относились имперская власть. Но что же оказалось на дѣлѣ?

Демократическая Центральная Рада, работающая будто бы въ цѣляхъ національного возрожденія, не постѣснилась пойти въ своемъ отношеніи къ малорусскому языку по стопамъ австрійского правительства.

На малороссійскомъ языкѣ нельзя выразить совре-

теста противъ крѣпостного права и военной службы, въ то время столь тигостной. Кажется, что освобожденіе его изъ ссылки состоялось по ходатайству семьи Репинныхъ.

(1) Украинофилы не стѣсняются утверждать, что Гоголь писалъ по русски изъ-за цензуры. Гоголь любилъ свою родину (Украину), но превыше всего любилъ свое отечество (Россію). Только насквозь русскій человѣкъ могъ высказывать такое преувеличенніе мнѣніе объ исключительномъ призваніи русского народа, — вспомните его: „Русь, куда жъ несешься ты?“.

менныхъ понятій культурной жизни, онъ къ тому же слишкомъ близокъ къ русскому, — и вотъ во Львовѣ, подготовляя украинскій сепаратизмъ, австрійская власть задалась цѣлью создать на основѣ малороссійскаго нарѣчія новый искусственный „украинскій языкъ“ : этотъ языкъ прежде всего долженъ быть возможно болѣе отличаться отъ русскаго. Для этой цѣли *a)* изъ русской азбуки были выкинуты три и добавлены къ ней двѣ буквы; *b)* были выдуманы карикатурныя слова, вместо того, чтобы заимствовать готовыя изъ русскаго языка; *c)* было включено какъ можно больше иностраннѣхъ словъ, польскихъ, нѣмецкихъ и проч. Получился тяжелый, нудный языкъ (если можно назвать языкомъ такой искусственный продуктъ, относительно словъ и формъ котораго не могутъ договориться сами фабрикующіе его). Центральная Рада пожелала навязать его малороссу и мучила имъ крестьянскія дѣтскія головы въ школахъ. Такъ, за послѣдній годъ или два, вместо исконнаго русскаго слова „стража“, стали говорить на Українѣ „вахта“... „Dio Wacht am... Dnіерег?“. И вся эта разрушительная работа надъ роднымъ языкомъ производится во имя „национального возрожденія“. Народъ протестуетъ противъ этого волянія и никогда его не приметъ, развѣ что люди будуть принуждаемы къ тому съ дѣтскихъ лѣтъ деспотическимъ правительстvомъ.

Виїшняя політика правителstva рады выражася въ томъ, что оно (по мало нарядному выраженiu меморандума соціал-революціонеровъ) было „лакеемъ

германской реакції"; сепаратисты выразили барону Мумму готовность „отказаться оть своей соціальной программы лишь бы получить согласіе Германиі на ихъ пребываніе у власти". Такое же отсутствіе достоинства проявило оно по отношенію къ французамъ: „въ декларациі, представленной французскому командающему въ Одесѣ весною 1919 г. за подписью Нетлюры и Директоріи, это учрежденіе согласилось передать въ руки французского генерала контроль надъ внутренней и виѣшней политикой Україны, завѣдываніе финансами, путями сообщенія, и вообще всѣми отраслями управлениія и экономической жизни страны". Ихъ политика „ничто иное, какъ безпрерывная измѣна интересамъ широкихъ массъ населенія". Само собой, что въ обращеніяхъ къ Конференціи мира они являлись въ личинѣ ретивыхъ защитниковъ всей фразеологіи современного демократического катехизиса.

„Каковъ же соціальный фундаментъ сепаратизма и на какой классъ опирается нынѣ Директорія?", спрашиваетъ тотъ же меморандумъ с.-революціонеровъ и отвѣтъ: „Прежде всего она опирается не на рабочаго. Ибо рабочій классъ населенія на Українѣ почти сплошь русскій и является рѣшительнымъ противникомъ украинскаго сепаратизма. Сепаратисты принуждены были признать, что въ городскихъ управленияхъ они могли добиться только меньшинства и что въ большихъ промышленныхъ центрахъ они составляютъ лишь ничтожное меньшинство". „Они ссылаются на крестьянство. Крестьянство на Українѣ и крестьянство въ остальной Россіи объединено исторической общностью

интересовъ, экономической связью, тождествомъ цивилизациі и единствомъ религії". Въ нѣкоторые моменты крестьяне „присоединялись къ сепаратистамъ, но только въ силу того, что послѣдніе скрывали свой воинствующій націонализмъ подъ маской требованій земельной реформы совмѣстно со всей русской демократіей. Какъ только суть ихъ націонализма вполнѣ обнажилась, крестьянство отъ нихъ отвернулось и сепаратисты потеряли все свое влияніе". Если теперь, послѣ революціи, среди крестьянъ Полтавской губерніи слышатся враждебные отзывы о великороссахъ, то это лишь потому, что они мѣстные помѣщики и крестьяне желаютъ сохранить захваченные у нихъ земли; пропаганда увѣряетъ ихъ, что если возстановится единая Россія, помѣщики вернутся.

„Мысль создания независимаго Украинскаго государства исповѣдуется только меньшинство прирожденного населенія Украины. Ядро этой группы состоить изъ горести интеллигентовъ, мелкихъ торговцевъ, промышленниковъ и чиновниковъ, для которыхъ перспектива превращенія Украины въ независимое государство сошржено съ выгодами власти, даже если оно будетъ основано цѣною націоналистической диктатуры привилегированныхъ классовъ".

Итакъ, мнѣніе соціаль-революціонеровъ вполнѣ совпадаетъ съ высказаннымъ нами на первыхъ страницахъ брошюры. Украинскаго сепаратизма, какъ народнаго движения, не существуетъ, есть только работа политической партіи изъ среды интеллигенціи и преимущественно полу-интеллигенціи; работа эта, большую частью

своекорыстная, крайне обострилась подъ вліяніемъ нездоровой революціонной атмосфера и воздѣйствіемъ Австро-Германіи и... Союзниковъ.

Существованіе, такъ называемой, украинской арміи и наличіе въ распоряженіи украинофиловъ большихъ денежныхъ средствъ не противорѣчать этому выводу.

Украинскія части пополняются добровольцами; хорошее содержаніе (300 рублей въ мѣсяцъ, 5 рублей суточныхъ въ походѣ и 20 въ бою) составляютъ немалую приманку. Попытки произвести мобилизацію ни къ чему не привели. Въ 1919 г. былъ приказъ Петлюры, говорившій, что украинские офицеры ненадежны, ибо почти поголовно стоять за объединеніе съ Россіей и что необходимы офицеры-нѣмцы. Называть такую армію національной врядъ-ли логично. Въ смыслѣ организаціи она тоже мало похожа на армію; нѣкоторые части правильнѣе называть бандами; грабежъ, избіеніе евреевъ вошли въ обычай (1). Наличная численность ея много

(1) 4 марта 1919 г. петлюровскій атаманъ Семесенко (22-хъ лѣтъ), стоявшій подъ Прокурорскимъ, отдалъ приказъ своей Запорожской бригадѣ перебить еврейское населеніе. Приказъ говорилъ, что „пока хоть одинъ жидъ будетъ у насъ на Украинѣ, не будетъ у насъ спокойствія“. 5 марта вся бригада, 500 чел. недисциплинированныхъ, пьяныхъ разбойниковъ, раздѣлившихъ на три партии, каждая при „офицерахъ“, вошла въ городъ и стала избивать евреевъ; входили въ дома и вырывали, иногда поголовно, цѣлыхъ семьи. Съ утра до вечера перебили 3.000 чел. Только одинъ былъ убитъ пулей — право-

ниже той, о которой сообщается изъ украинофильскихъ источниковъ. Къ серединѣ юля 1919 г. въ арміи состояло не болѣе 12.000 штыковъ, приблизительно при 130 орудіяхъ. Въ томъ же юлѣ она была усиlena частями галицкой арміи, перешедшими черезъ бывшую австрійскую границу въ числѣ 25.000 штыковъ. Это лучшія части украинцевъ: онѣ сформированы по мобилизациіи для борьбы съ поляками и состоять изъ прежнихъ солдатъ австрійской арміи; большинство офицеровъ, въ особенности въ штабахъ, австрійцы и нѣмцы. Какъ известно, эти части (безъ офицеровъ австро-германскихъ) перешли на сторону генерала Деникина. Украинофилы ссылаются на банды Махно, какъ на проявленіе украинскаго патріотизма. Но это мистификація. Что Махно получалъ деньги и отъ петлюровцевъ, и отъ большевиковъ, чтобы буйствовать въ тылу Деникина, это вполнѣ вѣроятно; но появленіе его шаекъ вызвано не націоналистическими побужденіями; онѣ порождены страданіемъ, войной, разореніемъ, безрабо-

славный священникъ, старавшійся остановить изверговъ; остальные зарѣзаны. (Вотъ во что превратился въ революціонномъ опьяненіи, въ атмосферѣ безвластія и произвола, руководимый „офицерами“ новаго „демократизированнаго“ облика, тотъ самый русскій простолюдинъ, который въ императорской арміи давалъ примѣры исключительного душевнаго благородства). Черезъ нѣсколько дней Семесенко потребовалъ отъ города 500.000 руб., послѣ чего отдалъ приказъ, въ которомъ благодарилъ „украинскихъ гражданъ“ за теплое отношеніе къ „национальному войску“, выразившееся въ добровольномъ пожертвованіи 1/2 миллиона на нужды бригады.

тицей, голодомъ и разваломъ государства. Текущий лозунгъ махновцевъ — „Власть царю, земля народу“. Это звучитъ не по украински, а ужъ совсѣмъ по всероссійски.

При Скоропадскомъ былъ накопленъ фондъ отъ вывоза въ Германію части тѣхъ 60 миллионовъ пудовъ хлѣба, которые надлежало вывезти согласно Брестъ-Литовскому договору. Этотъ фондъ положилъ начало богатству петлюровцевъ. Въ 1919 г. Директорія приказала населенію сдать деньги царскаго времени, имѣвшія еще цѣнность за границей, въ обменъ на новыя, ничего не стоящія, украинскія деньги; сверхъ того оно реквизировало въ магазинахъ драгоценныя камни. Все это было обменено на иностранную валюту. Вырученныя суммы расходуются на армію и на заграничную пропаганду: на печать и „дипломатическое представительство“. Въ началѣ текущаго года суммы, переведенные въ Вѣну, изсякли и число статей, появляющихся за границей въ интересахъ „ угнетеннаго украинскаго народа“ сильно сократилось.

Къ этой характеристицѣ современного положенія на Украинѣ слѣдуетъ добавить, что мысль о сепаратизмѣ — явленіе совершенно новое, привнесенное нашими врагами. Дѣятели украинскаго литературнаго движенія прошлаго вѣка протестовали противъ стѣсненій, чинившихся правительствомъ свободному развитію малороссійской литературы, но о политическомъ сепаратизмѣ никогда и не помышляли. Не думали о немъ ни общество „Св. Кирилла и Меѳодія“ (1846), ни отдельные

украинские дѣятели, какъ напр. историкъ Костомаровъ († 1885) или политической эмигрантъ Драгомановъ. Драгомановъ былъ сторонникъ децентрализаціи всероссійской государственной машины и созданія областныхъ автономій, но мыслилъ о будущей Украинѣ не иначе, какъ о части единой Россіи. Не говорилъ о сепаратизмѣ до войны даже г. Грушевскій; это признаютъ брошюры самихъ украинофильскихъ агитаторовъ. Такимъ образомъ, даже въ той средѣ, которая чувствовала на себѣ, подобно всей русской интеллигенціи, давленіе правительства, мысль о сепаратизмѣ не зарождалась. Какъ ни печальны ошибки стараго режима по отношенію къ литературному украинскому движению, но правда та, что все стѣсненія касались только ничтожной по численности группы людей, народъ же объ этихъ стѣсненіяхъ и не подозрѣвалъ. Фразы о „гнетѣ надъ украинскимъ народомъ“ годы только для митинговъ; серіозный и добросовѣстный человѣкъ ихъ не произнесетъ и признаеть, что ни малѣйшихъ признаковъ сепаратистическихъ стремленій въ крестьянской средѣ на Украинѣ никогда не бывало.

Заключение.

Нѣтъ причинъ въ прошломъ для политического сепаратизма Украины, нѣтъ стремлениія къ нему среди малороссійскаго населенія и въ настоящемъ. Но можно ли быть спокойнымъ за будущее?

Многіе русскіе не признаютъ въ этомъ отношеніи никакой опасности. Лживость и искусственность всего движенья, говорятъ они, столь очевидны, что оно обречено на неудачу. Мы же, напротивъ, считаемъ, что опасность на лицо, и опасность грозная.

И враги, и Союзники желаютъ нашего расчлененія. Союзники любить повторять старый принципъ невмѣшательства, а на дѣль мы ничѣмъ не обезпечены, что завтра въ Лондонѣ, Парижѣ или Санть-Ремо не объявлять существованіе независимой Украины и самостоятельной Бѣлоруссіи. Союзники провозгласили принципъ самоопределенія народностей, но никто еще не спросилъ весь русскій народъ, желаетъ ли онъ, чтобы его разодрали на части; никто еще не спросилъ малорусское населеніе, считаетъ ли оно себя народомъ русскимъ или украинскимъ. Создали новаго кумира — Демократію, всѣ правительства курятъ ему єюміамъ и, пресмыкаясь, поеть ему хвалу печать всего міра; а на дѣль рѣшеніе о раздѣль Россіи вынесутъ (и отчасти уже вынесли) десять или четверо самодержцевъ, распоряжающихся — до поры до времени — судьбами міра. Не будемъ останавливаться на лицемѣріи современной политики (кто же не сознаетъ его въ душѣ); не бу-

демъ доказывать Союзникамъ, что они расчленили Россію на благо Германіи и следовательно на гибель себѣ; но отмѣтимъ, какъ этотъ актъ произвola — признаніе Украины — отразился бы въ Малороссіи.

Тамъ народъ измученъ; крестьянину не до политическихъ партій; ему нужна увѣренность, что земля прочно за нимъ, что урожай не будетъ у него отнятъ; ему нужна власть, могущая обеспечить ему безопасность. На Украинѣ, какъ и во всей Россіи, теперь скрытая жажда по власти, и какъ бы эта власть ни называлась, республиканской или царской, русской или украинской, крестьянинъ поспѣшить ее признать. Провозглашеніе Европой самостоятельности Украины создастъ въ глазахъ населенія ореолъ вокругъ самозваной Директоріи; крестьянинъ повѣритъ, что Европа поддержала эту власть и не станетъ дальше раздумывать, будетъ ли самостоятельность полезна его родинѣ или приведетъ ее въ германское рабство. Надо считаться съ фактъ, что онъ уже три года слышитъ рѣчи о самостоятельности; не-привычное до революціи слово украинецъ стало уже для его слуха обычнымъ и казавшимся въ началѣ не-понятными и чуждыми газетныя строки отъ постояннаго повторенія отпечатались на лѣнивыхъ мозгахъ. Въ нужную минуту, напр. на случай плебисцита или созыва учредительного собранія, изъ-за границы хлынетъ и необходимая пропагандная литература, и появится еще болѣе убѣдительное средство — деньги. Кто тамъ на мѣстѣ сможетъ открыть населенію глаза? Культурные люди перебиты, или бѣжали за границу. Немногимъ оставшимся будетъ крайне трудно бороться

противъ „общаго мнѣнія“; я говорю „общаго мнѣнія“, т. к. вѣдь газеты будуть за самостійность по той простой причинѣ, что газеты иного направленія будутъ закрыты. Задача сторонниковъ единства будетъ трудна: ни денегъ, ни печати, ни личной безопасности у нихъ не будетъ. Если въ Европѣ подъ покровомъ кумира Демократіи въ дѣйствительности мнѣніемъ страны руководить олигархія демагоговъ, даже не добравшихся еще до власти, то въ теперешней Россіи фальсифицировать волю страны еще легче. Вотъ почему мы говоримъ что опасность велика.

Къ прошлому возврата нѣтъ. Будущая единая Россія рисуется намъ въ видѣ федеративнаго государства. Но принципомъ федерализма нельзя злоупотреблять. Дѣлить родину на куски, руководствуясь интересами дня, соображеніями личной карьеры, устанавливать таможни, чуть ли не для каждого уѣзда, дабы дать нажиться большему числу чиновниковъ новоиспеченныхъ государствъ, — это можетъ быть въ порядкѣ вещей въ годы революціи, въ дни страшнаго паденія нравственнаго уровня; но для будущей нормальной жизни требуется основаніе болѣе прочное. Обособленіе можетъ быть оправдано только для большихъ областей, дѣйствительно имѣющихъ особенности племенныхъ и экономической въ силу природныхъ причинъ. При перемѣнности племенъ, этнографическій принципъ неминуемо уступить соображеніямъ экономическимъ. Безконечное богатство Россіи покойится на безграничности ея пространства: подѣлите ее, каждая часть

станетъ бѣдной — югъ останется безъ лѣса, сѣверъ безъ хлѣба и угля, сѣверъ и югъ безъ туркестанскаго хлопка и нефти. Федерациія предполагаетъ общую таможенную черту, общую армію, общее международное представительство и, наряду съ областными представительными учрежденіями, обще-государственный парламентъ. Такой укладъ, дѣйствительно отвѣчающій понятію федераціи, обеспечитъ свободное развитіе мѣстныхъ отличій и возстановить государственное могущество цѣлаго. Онъ не долженъ страшить сторонниковъ единой недѣлимой Россіи. Мысль объ областной децентрализаціи поднималась въ правительственной средѣ еще при Императорѣ Николаѣ II, и это не удивительно: по существу децентрализація могла бы ужиться даже съ самодержавіемъ императора Николая I-го. Среди этихъ областныхъ образованій Украина займетъ почетное мѣсто.

Единственный грѣхъ царской власти противъ малороссійского населенія, какъ такового, состоялъ въ стѣсненіи малороссійской литературы, слѣдовательно, косвенно и малороссійского нарѣчія. Возвращеніе къ этому грѣху не допустимо. Въ литературѣ, въ жизни должна установиться свободная конкуренція между русскимъ и малороссійскимъ языками; пусть послѣдній развивается свободно въ мѣру естественной потребности въ немъ населенія (1). Не можетъ быть сомнѣнія,

(1) Быть можетъ украинскій псевдо-языкъ внесетъ свою лепту въ это дѣло: не все же рѣ „мовѣ“ подскакано злой къ „москалю“; что нибудь должно въ ней имѣть и филологическую цѣнность.

что побѣда останется за русскимъ языкомъ. Объ этомъ сь точки зрења міровой культуры жалѣть не приходится: „Превращеніе малороссійскаго нарѣчія въ литературный и научный языкъ, говоритъ французскій ученый A. Meillet, явилось бы ущербомъ для общей культуры, которая заинтересована въ томъ, чтобы языкъ (въ данномъ случаѣ русскій) объединилъ возможно большее число людей“ (1). Государственный языкъ долженъ быть русскій. Украинофилы возмущаются тѣмъ, что обученіе въ Малороссіишло на русскомъ языкѣ. Въ Италіи до 12-ти главныхъ нарѣчій, а въ предѣлахъ того же нарѣчія горожанинъ Милана едва понимаетъ горца изъ Alta Valtellina. Обученіе по всей Италіи идетъ на итальянскомъ языкѣ. Этого требуютъ единство государства и народа, интересы культуры и практическія соображенія школы. Никто еще итальянское правительство за это въ „варварствѣ“ не обвинялъ. Почему же для Россіи то же явленіе должно клеймиться всевозможными страшными словами? Повторяю еще разъ, что между русскимъ языкомъ и малороссійскимъ меныше различія, чѣмъ напримѣръ, между итальянскимъ и венеціанскимъ или неаполитанскимъ, чѣмъ между сѣвернымъ и южнѣмъ Plattdeutsch и Oberbayrisch). Малороссъ новобранецъ, попавъ въ казарму всероссійской арміи, чрезъ недѣлю говорилъ по русски свободно. Къ тому же известна легкость, съ которой

(1) „Le petit et le grand-russe“, *Le Monde Slave*, 3-4, 1917.
Цитируемъ по ссылкѣ изъ итальянскаго журнала.

русскій и вообще славянинъ, усваиваетъ даже совершенно чуждый ему языкъ; для ребенка-малоросса обученіе по русски никакого труда не представляетъ.

Украинофильская партія, усиленно ища поддержки католического міра, указываетъ на притѣсненія, которые терпѣли въ Малороссіи уніаты, какъ на доказательство необходимости избавить Украину отъ Петроградского ига. Нарушеніе вѣротерпимости — краеугольный грѣхъ русского правительства. Но онъ дѣло прошлаго. Страшной цѣной мы излечены отъ этого недуга. Правда, нынѣ большевизмъ свирѣпствуетъ надъ православнымъ духовенствомъ; онъ избилъ до 20 епископовъ, разстрѣлялъ, повѣсилъ и распялъ сотни священниковъ и кощунствуетъ въ церквяхъ; но эта ненависть исходитъ, конечно, не изъ русской души. Когда минуетъ сатанинская пляска большевизма и установится какая бы то ни была власть, скольконибудь достойная этого имени, свобода вѣры будетъ обезпечена основными законами русской земли. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ народѣ русскомъ нетерпимости нѣть. Онъ тысячелѣтіе живетъ въ ежедневномъ общеніи съ иновѣрцами всевозможныхъ толковъ и мирно уживается съ ними (1).

Предвзятое отношеніе русского общества къ католицизму фактъ общеизвѣстный. Но онъ на лицо не

(1) Единственное исключеніе — евреи, по причине погромовъ, конечно, не исповѣдная ненависть.

только на съверѣ или востокѣ Россіи, — онъ явленіе повсемѣстное. Утвержденіе украинофильской пропаганды, будто „украинскій народъ“ питаетъ особенную склонность къ католицизму, чистѣйшій вымыселъ. Правда какъ разъ обратна: въ остальныхъ частяхъ Россіи простой народъ едва подозрѣваетъ о существованіи католической церкви; на Украинѣ, напротивъ, защита православной вѣры была вѣками однимъ изъ основныхъ факторовъ войны малороссовъ съ поляками, а въ Бѣлоруссіи — факторомъ политической борьбы. Польское пониманіе религіозной свободы съ вѣками не измѣнилось. Вотъ что пишутъ въ письмѣ отъ 30 дек. прошлаго года изъ Бѣлоруссіи: „Въ всѣхъ оккупированныхъ мѣстностяхъ продолжаетъ происходить беззастѣнчивая полонизація: церкви закрываются или передѣлываются на костелы, священники арестовываются (о. Забродный и о. Левицкій)...“ (1). Хуже этого не дѣлало русское

(1) Продолженіе цитаты, къ вѣроисповѣдному вопросу не относящееся, таково: „всѣ казенные заведенія дѣлаются польскими, чиновники и вообще всѣ русскіе служащіе увольняются съ приказомъ въ восемидневный срокъ очистить квартиры (это въ Россіи въ декабрѣ!); арестовываются всѣ общественные дѣятели, такъ или иначе раньше не проявлявшіе симпатій къ полякамъ; русскіе офицеры разыскиваются и подъ разными предлогами отправляются въ концентраціонные лагеря; русофильскія газеты закрываются, вывѣски на русскомъ языке уничтожаются. Самый русскій языкъ признанъ не желательнымъ въ обращеніи. Принимаются самыя постыдныя мѣры къ изѣятію изъ Бѣлоруссіи русскихъ, происходящихъ изъ другихъ частей Россіи; выгнаннымъ со службы чиновникамъ никакой материаль-

правительство даже во времена оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева. У католичества въ Россіи два врага: одинъ *православный* Св. Синодъ, что въ порядкѣ вещей, другой *польский католицизм*, явленіе настолько „внѣ порядка вецей“, что самое совмѣщеніе этихъ двухъ словъ, — понятій націонализма и вселенства, — составляетъ *contradictio in adjecto*.

Въ Россіи происходит сильное духовное движение. Пропаганда безбожія и ненависти къ христіанству даетъ ужасающіе результаты, но наряду съ этимъ православная церкви полны. Это не прежняя толпа, въ которой исполненіе прадѣдовскихъ обрядовыхъ обычаевъ имѣло такое главенствующее значеніе; теперь вся церковь иной разъ бываетъ оглашена общимъ плачомъ молящихся: измученные души въ смятеніи страстно ищутъ Христовой правды и испуганное тѣло помощи Божіей; на крестные ходы идутъ, исповѣдавшись, въ ожиданіи возможного разстрѣла большевицкими пулевыми пулеметами. Вотъ почва, на которой предстоитъ работать католической церкви въ Россіи, когда возвратится вѣроисповѣдная свобода.

Ни въ чемъ иномъ, какъ въ свободѣ вѣры, католичество для усилѣхъ своего и не нуждается. Дѣлить для этого Россію нѣтъ никакого основанія. Уніаты останутся на своихъ мѣстахъ въ Волыни или Галиціи,

ной помощи не оказывается, а предлагается имъ или выѣхать въ Совѣтскую Россію или жить въ концентраціонныхъ лагеряхъ. У крестьянъ все реквизируется; противъ помѣщиковъ принимаются принудительные мѣры для продажи имѣній“.

безразлично, въ чьемъ бы подданствѣ они ни оказались. Много важнѣе умѣрить польскую нетерпимость, питавшую русскую ненависть къ католичеству. Во всякомъ случаѣ нѣть надобности поддерживать украинскій сепаратизмъ: читатель убѣдился, что пропаганда украинофильтра построена на лживыхъ утвержденіяхъ и на ложныхъ фактахъ, а если онъ къ тому же католикъ, то знаетъ, что Церковь для успѣха дѣла Христова во лжи не нуждается.

* * *

Я дописываю эти строки въ дни, когда вы въ Санть-Ремо дѣлите Россію.

Васъ понять нельзя. Русскій народъ отдалъ два миллиона жизней, чтобы обеспечить вамъ два года на боевую подготовку; онъ не разъ выручалъ васъ изъ бѣды, онъ надломилъ силы врага и положилъ основаніе для вашей победы, а вы — вы подозрѣвали насъ въ замыслѣ измѣнить вамъ. Явились дѣйствительные измѣнники, Бронштейны и Ко, предавшіе и Россію, и васъ, — вы обвинили въ измѣнѣ всю Россію, и стали рѣшать судьбу ея, не спросивъ насъ, союзниковъ вашихъ. Явились русскіе люди, которые съ четырехъ сторонъ пошли на тѣхъ, кто вамъ измѣнилъ и кто готовъ заразить васъ своимъ большевицкимъ ядомъ, а вы этихъ русскихъ людей, остававшихся рыцарскиѣ вѣрными вамъ среди всѣхъ испытаній и искушеній, бросили на произволъ судьбы, — бросили въ ту ми-

нуту, когда успѣхъ былъ такъ близокъ. Вы не рѣшились собрать всемірный крестовый походъ противъ всемірной же опасности большевицкаго варварства и спокойно смотрѣли, какъ погибали тѣ, кто могли служить авангардомъ крестоносцевъ; теперь боритесь сами. Вы смотрѣли съ высока на израненныхъ нѣмецкими пулями русскихъ офицеровъ, мучениковъ революціи, а шайку изверговъ, вамъ измѣнившихъ въ Брестъ-Литовскѣ, готовы признать законною властью. Вы готовы идти на это униженіе ради хлѣба и наживы, но на дѣлѣ ни одного вагона зерна не получите, ибо большевицкая Россія безсильна продать что-либо, кромѣ краденныхъ жемчуговъ; а если и получите, то это будетъ хлѣбъ, отнятый насильно отъ голодающихъ.

Васъ нельзя понять. Вы боитесь возрожденія Германіи, а толкаете насть въ ея объятья!

Вы дѣлите Россію и разрываете русскій народъ. Развѣ послѣдніе годы не показали, какъ живучи народы, даже малые, какъ они возраждаются послѣ столѣтій рабства? А насть сто миллионовъ. Мы были уже разорваны нѣсколько вѣковъ, но соединились; Галиція, 500 лѣтъ отторгнутая, все сознаетъ себя русской. Разорвите насть вновь, мы вновь соединимся. Вы рѣшили, что русскій народъ умеръ и спѣшите расхитить его наслѣдство. Но онъ не умеръ. Пройдетъ тяжкая болѣзнь, народъ соберется съ силами, поднимется во весь свой огромный ростъ и грозно спросить васъ: „Что сдѣлали вы съ моей родиной, когда я въ безуміи терзалъ себя, метался въ когтяхъ чудовища, истекалъ кровью и изнывалъ отъ голода?“

Что-жь, дѣлите Россію ! Но помните, что ваши рѣшенія для насъ не указъ. Вы, къ счастью, насы не пригласили на ваши совѣщанія. Окрѣпнувъ, мы будемъ свободны решать нашу судьбу по своей волѣ. Помните еще, что примѣръ заразителенъ и что въ нашъ вѣкъ нельзя безнаказанно будить или поддерживать разрушительные инстинкты въ чужой, хотя бы и далекой странѣ. Вы не убили большевизма у насъ, когда онъ былъ въ зародыши ; не прошло двухъ лѣтъ и его уродливая и страшная щупальцы заползаютъ чрезъ всѣ щели въ ваши дома ; вы поддерживаете центробѣжные силы у насъ, — онъ проснется и въ вашихъ странахъ. Кто знаетъ, не пожалѣете ли вы уже въ ближайшіе годы, что посягнули на щѣлость Русской земли и на единство русскаго народа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I-ое.

Дополнительные данные по терминологии.

Въ главѣ I-ой мы говорили, что врядъ-ли наименование „Україна“ найдется въ памятникахъ ранѣе конца XIU вѣка. Намъ не удалось встрѣтить его въ документахъ ни XIU-го, ни послѣдующаго столѣтія. Українскія пропаганда утверждаетъ, что имя „Україна“ закрѣплено на страницахъ лѣтописей уже съ конца XII в. Самаго элементарнаго разбора относящихся сюда текстовъ достаточно, чтобы доказать неправильность этого утвержденія. Мы изложили вопросъ въ открытомъ письмѣ на имя гр. М. Тышкевича, предсѣдателя „Украинской Делегаціи“ при Мирной Конференціи въ Парижѣ. Это письмо въ весьма сжатой формѣ какъ-бы обобщаетъ сказанное нами въ первыхъ главахъ, относительно этнографической и территоріальной номенклатуры, но даетъ и дополнительную справку изъ лѣтописи. Оно было напечатано въ римской газетѣ „Corriere d'Italia“ 25 сентября 1919 г. Приводимъ его въ переводѣ съ итальянскаго:

„Графъ,

Въ N. 153 (отъ 9 іюня) „Corriere d'Italia“ помѣщено интервью съ Вами. Говоря о лицахъ, высказывающихъ мнѣнія противоположныя мнѣнію украинской партіи,

Вы якобы сказали, что они „прибѣгаютъ къ доводамъ, которые являются ни чѣмъ инымъ, какъ клеветническими и лживыми инсинуаціями“.

Украинскій вопросъ слишкомъ обширенъ, чтобы обсуждать его въ газетѣ цѣликомъ. Не хочу въ этомъ слѣдовать примѣру украинской пропаганды: ставится имя „Украина“ и неизвѣстно, къ какой территории и къ какому вѣку это относится; тотъ же приемъ примѣняютъ со словомъ „украинцы“ и къ фразамъ о „русскомъ игѣ“, о „борьбѣ за свободу“ и т. д., не опредѣляя ни времени, ни мѣста. Такимъ методомъ нельзя выяснить правды; а я какъ разъ ищу правду и хочу установить. Поэтому въ моихъ интересахъ уточнить вопросъ.

На сегодня изъ обширной темы выбираю первое утвержденіе украинской школы, т. е., что въ до-татарскомъ періодѣ (IX-XIII вв.) Киевъ не былъ столицей всей Россіи, цѣльной и единой, но центромъ государства, называющагося „Украиной“ и обитаемаго „украинскимъ“ народомъ. Оппоненты украинской партіи утверждаютъ наоборотъ, что въ эту эпоху ни народа украинского, ни украинского государства и не бывало.

Послушаемъ, что говорятъ вѣковые свидѣтели, тогда узнаемъ, какое мнѣніе соответствуетъ исторической истинѣ и какое, — не хочу сказать — представляеть изъ себя „клеветническія инсинуаціи“, но скажемъ — невѣрно.

X-ий вѣк. Въ 911 г. князь Олегъ Кіевскій заключилъ договоръ съ Византіей; въ немъ говорится о „русскихъ“

князьяхъ “, о „русскомъ законѣ“ , о „русскомъ родѣ“ , о „русской землѣ“ , примѣняется для отдельного человѣка слово „рѹсинъ“ , во множественномъ числѣ „русскіе“ , а какъ существительное собирательное встрѣчается слово „русь“ . Въ общемъ , слово „русь“ въ смыслѣ этническомъ употреблено 18 разъ , въ территориальномъ 5 разъ , формы „русскій“ и „рѹсинъ“ — по 7-и разъ . Въ 944 г. подобный же договоръ былъ заключенъ кн. Игоремъ : здесь находимъ тѣ же выраженія : „русская земля“ , „русскіе князья“ , „рѹсинъ“ , „русскіе“ и „Русь“ . Въ западныхъ лѣтописяхъ есть свѣдѣніе , что къ императору Оттону I пришли „legati Hellenae (христіанское имя кн. Ольги) Reginae Russorum“ (Соловьевъ , т. I , стр. 141 , изд. 2) .

XI вѣкъ. Въ 1006 германскій миссіонеръ Бруно гостилъ у Св. Владимира и писалъ о немъ императору Генриху II , называя его „Senior Ruzorum“ . Первый сводъ законовъ , составленный въ Киевѣ , называется „Русская Правда“ . Дочь Ярослава I-го , жена Генриха I-го , короля Франціи , известна въ исторіи подъ именемъ „Anne de Russie“ . Грамота папы Григорія VII въ 1075 г. называетъ Изяслава , сына Ярослава I-го „Rex Ruscorum“ . Въ другой грамотѣ тотъ же папа советуетъ королю польскому отдать Изяславу „Regi Ruscorum“ отобранныя имъ земли .

XII и XIII вв. Терминъ „русская земля“ употребляется въ кievскихъ лѣтописяхъ такъ часто , что сталъ , какъ говорить проф. Ключевскій , ихъ „стереотипнымъ выражениемъ“ . Такъ , князь кievскій „думаль и гадаль о русской землѣ“ , долгъ князей былъ „блости русскую“ .

землю“, на такого-то „да будетъ кресть честный и вся земля русская“, а такой-то „сложилъ голову за землю русскую“; киевскій митрополитъ именуется „митрополитомъ всея Руси“ и. т. д.

XIII вѣкъ. Францисканецъ Илано Карини, посѣтившій Киевъ въ 1246 г., писалъ о „Kiovia quae est metropolis Russiae“ (1). Такъ мы подошли къ татарскому періоду. И, оставляя лѣтописи, перейдемъ къ эпической поэзіи.

Въ знаменитомъ „Словѣ о полку Игоревѣ“ (XIII в.), разсказывающемъ эпизодъ (1185 г.) изъ борьбы Руси съ варварской степью, находимъ тѣ же выраженія. Кромѣ того встрѣчаемъ: „и полегли храбрые руссачи“.

(1) Въ дополненіе къ цитатамъ, упомянутымъ въ этомъ письмѣ, приведемъ адѣсь еще нѣсколько иностранныхъ свидѣтельствъ объ имени Руси. Подъ 839 годомъ Вертина лѣтопись, сообщаетъ, что въ Ингельгеймѣ съ послами императора Оеоюла прибыло изъ Константинополя нѣсколько человѣкъ „qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant“. Окружное посланіе патріарха Фотія 866 г. говоритъ о крещеніи племени руссовъ, *тото бѣ халоуменовъ тѣ 'Рѡс'*. Подъ 946 г. Константинъ Багрянородный упоминаетъ о крещеніи руси ('Рѡс'), состоявшей на византійской службѣ (вѣроятно, въ качествѣ отряда наемниковъ). Въ 967 г. папская булла указываетъ на славянское богослуженіе у руссовъ. Арабскій писатель IX в. Ібнo-Khordадхбехъ говоритъ о русскихъ купцахъ; его современникъ Al-Bekri — о племени руссовъ. У арабскихъ писателей и въ западныхъ источникахъ (например, въ договорѣ 1170 г. генуэзцевъ съ греками) городъ Керчь называется Pocia. Императоръ Мануиль Комнина (1143-80) считаетъ своимъ владѣніемъ городъ 'Рѡсіа' при устьѣ Дона.

Былины кіевского цикла и новгородского до XIV в.,
полны тѣхъ же самыхъ выраженій.

Украинская партія утверждаетъ, что обитатели
Киевского государства въ ту эпоху были украинцы, а
вотъ изъ тысячелѣтнихъ могилъ до насъ доносится
крикъ: „мы русскіе, русскіе, русскіе!“

Какимъ оружіемъ обладаетъ украинская партія, чтобы
сражаться съ мнѣніемъ этихъ свидѣтелей, похоронен-
ныхъ уже многіе вѣка, показаніе которыхъ даже „за
все золото, что подъ луною“ не можетъ быть измѣ-
нено? Тяжелая украинская артиллериа, выдвигаемая
на позицію, какъ только слышится приближеніе серьез-
наго противника, состоить лишь изъ 2-хъ орудій:
одно носить надпись „1187“, другое „1213“ г. Про-
изведемъ небольшую, но точную работу надъ этими
пушками, которая могутъ казаться читателю, мало
посвѣщенному въ русскую исторію, имѣющими большое
значеніе.

1187 г. Подъ этимъ годомъ въ кіевской и галицкой
лѣтописяхъ, по цитатамъ одного листка украинской
пропаганды, значится: „Украина оплакивала смерть
кн. Владимира Глѣбовича“. Со дня, когда Киевъ сталъ
столицей того государства, которое Вы называете
„Украина“, т. е. съ 881 г., прошло 306 лѣтъ, и только
тогда появилось его „настоящее“ имя. Не кажется ли
Вамъ уже это немного страннымъ? Но присмотримся
къ цитатѣ поближе. Владимиръ Глѣбовичъ былъ князь
Переяславля, расположенного на лѣвомъ берегу Днѣ-
пра, почти противъ Кieва. Княжество лежало между

Днѣпромъ и степью кочевниковъ; оно было крайнимъ пограничнымъ княжествомъ. Въ концѣ XII вѣка Южная Русь была уже въ упадкѣ; „степь“ уже одолѣвала ее. Княжество Переяславское страдало отъ половцевъ больше другихъ; восточная половина его уже подпала подъ власть кочевниковъ, западная стала послѣднимъ восточнымъ клочкомъ Южной Руси и была поэтому для кіевскихъ и галицкихъ лѣтописцевъ пограничной областью. Естественно, что они сказали, что „україна плакала“: „україна“ здѣсь ни имя собственное, а существительное нарицательное. Въ научномъ труда слово „україна“ (съ маленькою „у“) должно было бы передаваться здѣсь не путемъ транскрипціи (*Ukraina*), а въ переводѣ, т. е. „область пограничная плакала“. И дѣйствительно, читаемъ во II т. Соловьева на стр. 637 „... и умеръ знаменитый защитникъ украины („у“ маленькое) отъ половцевъ, Переяславскій князь Владиміръ Глѣбовичъ; плакали по немъ всѣ Переяславцы...“ Что такое, слѣдовательно, цитата 1187 г. въ томъ видѣ, какъ ее приводятъ украинофильцы? Подтасованный документъ.

1213 г. Подъ этимъ годомъ сказано (цитирую по украинской газетѣ), что „кн. Даніиль (будущій король Галицкій) занялъ Берестъ, Угорскъ и всю Украину“. Этотъ случай тождественъ: надо читать по русски „украину“, на иностранномъ языке „пограничную землю.“ Берестъ — это по Соловьеву Брестъ-Литовскъ, где сходились границы 3-хъ государствъ: Россіи, Польши и Литвы. Угорскъ — вѣроятно теперешнее село Угруйскъ въ 100 вер. отъ Бреста.

Артиллериа могучее оружіе, когда стрѣляеть разрывными снарядами; ничего, однако, не стоить, когда пілеть на непріятеля только... поддѣльные документы.

Буду Вамъ весьма признателенъ, Графъ, если Вы будете такъ любезны отвѣтить мнѣ — и съ возможной точностью — на слѣдующіе мои вопросы, также весьма точные:

- a) Вѣрны ли вышеприведенные мною цитаты?
- б) Если нѣть, каковая изъ нихъ и въ какой своей части неточна? Предлагаю Вамъ въ такомъ случаѣ избрать третейского судью, наримѣръ, между профессорами итальянскихъ университетовъ, специалистовъ по русской исторіи; я укажу своего; они выберутъ третьяго.
- в) Если же мои выдержки вѣрны, находите ли Вы логичными или нелогичными, правдивыми или ложными слѣдующія заключенія, вытекающія изъ нихъ:
 - 1) Государство, имѣвшее столицею Кіевъ, называлось въ до-татарскій періодъ Русью.
 - 2) Народъ, который жилъ въ немъ, назывался русскимъ.
 - 3) Украинская пропаганда, допуская иногда, что народъ назывался „русь“ и отрицая, что онъ назывался „русскимъ“, утверждаетъ вещь ложную, ибо уже въ 911 году находимъ ту и другую формы.
 - 4) Ни это государство, ни его территорія въ ту пору никогда не назывались „Украиной“.
 - 5) Въ этомъ періодѣ нѣть самаго микроскопического намека на существованіе людей, называвшихся „украинцами“.

Если Вы признаете правильность этихъ 5 пунктовъ, Вы не сможете не допустить также того, что я былъ правъ — по крайней мѣрѣ въ отношеніи до-татарского периода, — сказавъ въ газетѣ „Ероса“ (отъ 3-го іюня), что украинская партія занимается „политической мистификацией“ и „поддѣлываетъ исторію“.

Примите, Графъ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Кн. Александръ Волконскій “.

* *

Кажется вопросъ поставленъ мной опредѣленно и точно. Но украинофилы боятся точности. Вотъ отвѣтъ гр. Тышкевича, помѣщенный въ парижской „Petite Rpublique“ 30 октября 1919 г. подъ заголовкомъ „L’Ukraine et la Moscovie“. (Мы разбиваемъ текстъ на пункты *a*, *b*, *c*..., чтобы сократить наши комментаріи къ нему).

„Князь,

„a) „Giornale (*sic*) d’Italia“ отъ 25-го сентября доставилъ мнѣ Ваше открытое письмо, на которое позволю себѣ отвѣтить. Оставляя въ сторонѣ выраженій вродѣ „фальсифицированные документы“, „тяжелая артиллерія“ и т. д., которыхъ я обыкновенно не употребляю, я сообщу Вамъ нижеслѣдующее:

б) Выраженіе Русскіе или Ruthenes несомнѣнно употреблялось въ X вѣкѣ и даже позднѣе для обозначенія князей и ихъ норманскихъ воиновъ, которые

покорили въ то время Украину, и даже тѣ народы, которые были подчинены имъ.

в) Лѣтописецъ Несторъ и историкъ Соловьевъ, которыхъ Вы цитируете, высказываются на эту тему какъ нельзя болѣе ясно: „Подъ словомъ „русскій“ лѣтописецъ (Несторъ) подразумѣваетъ всѣ славянскіе народы, которые находились подъ властью русскихъ князей“ (Исторія Россіи, т. I, стр. 53). г) Ліутпрандъ, епископъ Кремонскій, свидѣтельствуетъ о тождествѣ Русскихъ съ Норманнами, арабскіе писатели — объ ихъ различіи отъ Славянъ (Соловьевъ, т. I, стр. 51-56). д) Они играютъ среди нихъ ту же роль, что ихъ братья въ Англіи, Нормандіи и Сициліи; во всякомъ случаѣ, покорители или нѣтъ, они совершенно исчезаютъ въ туземномъ элементѣ каждой изъ двухъ группъ, образующихся на сѣверѣ и на югѣ, (группѣ), кои отдѣлены не только огромными необработанными пространствами, но и цѣлымъ міромъ этническихъ и географическихъ различій.

е) И это тѣмъ болѣе, что обѣ наши страны *всегда* будутъ называться (*s'appelleront toujours*) (1) различно. Въ ту эпоху, когда Украину [народное выраженіе, означающее страна, родина, „край“, употребленное тоже въ лѣтописяхъ подъ 1187 и 1213 гг.] называли Россіей или Сарматіей, другая страна была известна — и Вы это знаете — подъ именемъ „Moscovie“.

• • • • • • • • • • • • • • •

Графъ Михаилъ Тышкевичъ“.

(1) Будущее время здѣсь, очевидно, результатъ опечатки.

Дальнѣйшій текстъ письма до предъ-татарской эпохи не относится и, слѣдовательно, не есть отвѣтъ на поставленные вопросы (1).

* * *

Гр. Тышкевичъ отвѣтилъ боязливымъ „да“ на первые 3 вопроса и благоразумно уклонился отъ отвѣта на два послѣднихъ. Разберемся въ его туманныхъ утвержденіяхъ.

а) Выраженіе „поддѣльные документы“ примѣнено мною вполнѣ правильно, ибо цитировать текстъ лѣтописи со словомъ „україна“, утверждая, что лѣтописецъ говорить о государствѣ „Україна“, и есть поддѣлка документа.

б) Минъ неизвѣстенъ случай, когда бы Рюриковичи до-монгольского периода или ихъ дружина назывались Ruthenes. Норманы X вѣка Україны не завоевывали, ибо Україны тогда не существовало.

в) Цитата изъ Соловьева объясняетъ откуда появилось наименование „русскій“ для части славянскихъ

(1) Говорится будто цари и Екатерина Великая всегда относились къ малороссамъ, какъ къ чужой націи; говорится о русской „тюрьмѣ народовъ“, въ коей не было места другимъ вѣрамъ, національностямъ и какой-бы то ни было цивилизаціи. Такъ-таки ничего не было въ Россіи, кроме „деспотизма и азиатского варварства“. Заканчивается письмо злобной выходкой противъ людей, любящихъ свою единую Россію.

илеменъ, но вовсе не говорить о разнородности сѣверного и южного населенія. Имя это привилось ко всѣмъ славянскимъ племенамъ, образовавшимъ русскій народъ — вотъ выводъ изъ цитаты. Ничего иного не утверждаю и я. Но напрасно гр. Тышкевичъ неточно переводить Соловьевъ: Соловьевъ говоритъ „племена“, а гр. Тышкевичъ переводить „народы“ (*peuples*). Племенъ-то много было, а народъ одинъ, — русскій (1).

2) Норманского происхожденія Рюриковичей я никогда не отрицаю. Что господствующее племя (русь)

(1) Вотъ точная цитата изъ Соловьева: „... въ Ифетовой части, говоритъ онъ (т. е. Несторъ), сидятъ: Русь — здѣсь подъ этимъ именемъ лѣтописецъ разумѣеть всѣ славянскія племена, находящіяся подъ властью Русскихъ Князей; потомъ перечисляетъ чужіе народы, племени Финскаго и Латышскаго, которыхъ (*sic*) въ его время давали дань Руси: Чудь, Меря...“

Соответствующія мѣста изъ Нестора читаются такъ: 1) “ В Афетовѣ же части сидять Русь, Чудь и вси языци: Меря...“ (следуетъ перечисленіе финскихъ племенъ); 2) „Се бо токмо Словѣнскѣй языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велынине. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря...“ (следуетъ перечисленіе).

Это выраженіе „въ Руси“ можно понимать только двояко: либо въ смыслѣ территоріальномъ, либо этнографически. Въ первомъ случаѣ Несторъ свидѣтельствуетъ, что всѣ славянскія племена, и сѣверные, и южные, входили въ составъ Русской земли и притомъ, какъ вполнѣправные члены (финны и прочія племена имъ платили дань); во второмъ случаѣ, — что всѣ они, входили въ составъ народа „Русь“. Графу Тышкевичу надо выбирать то или другое. У украинофильцевъ нѣтъ худшаго врага, какъ Несторъ!

было поглощено остальнымъ населеніемъ это вѣрно. Но кристализированіе южнаго населенія въ обликъ, отличный отъ населенія сѣвернаго, происходило вовсе не тогда, когда эта русь господствовала, можетъ быть, какъ иноплеменная сила (IX в.), а 4-мя — 6-ю вѣками позднѣе. Полагаю, что мнѣніе Ключевскихъ и Платоновыхъ имѣть большее значеніе, чѣмъ фраза гр. Тышкевича.

д) Въ чемъ заключался „цѣлый міръ этнографическихъ и географическихъ различій“ сѣвера и юга въ до-татарскій періодъ гр. Тышкевичъ не говоритъ. Я тоже не знаю. Въ главѣ 6-ой я постарался самымъ добросовѣстнымъ образомъ изложить различіе между двумя частями Руси, но признаюсь, это мнѣ удалось слабо, — такъ много между ними общаго. Что огромные лѣса раздѣляли Суздальскую и Киевскую Русь это правда, но правда и то, что великолѣпныя рѣки ихъ соединяли и что населеніе тѣснилось къ рѣчнымъ берегамъ, а потому было въ постоянномъ общенії.

в) Въ вопросѣ территоріальныхъ наименованій гр. Тышкевичъ допустилъ такія невѣроятныя „ошибки“, что ихъ нельзя распутать, не посвятивъ имъ нѣсколькихъ страницъ.

1) Прежде всего неправда, что слово „україна“ означаетъ „страна“, „родина“, „край“. Гр. Тышкевичъ, какъ говорящій по русски, не можетъ этого не знать. Имя „Україна“ — явный упрекъ всей украинской теоріи; поэтому украинофильская пропаганда за границей постоянно изощряется вокругъ этого слова, давая иностранцамъ его неточный переводъ. Значеніе

слова „україна“ опредѣляется не однимъ словомъ „край“ (территорія), а двумя словами „у“ и „край“ (гравь) и поэтому означаетъ то, что „у“ „края“, — у границы, т. е. страну вдоль границы, пограничный край. Кстати, слово „край“ также не значитъ „родина“: наприм., выраженіе: „я єду въ край“ ровно ничего не значило бы; чтобы вызвать представлениe о родинѣ, надо сказать: „я єду въ край родной“. Это известно графу Тышкевичу, конечно, такъ же хорошо, какъ и мнѣ (1).

(1) Вотъ что говоритъ Даль въ изд. 1865 г.:

„Україній и укрáини́й, крайній, у краю, на краю чего находящійся; дальний, пограничный, порубежный, что на крайнихъ предѣлахъ государства. Сибирскіе города встарь зывались укрáиними. А городъ Соловецкой мѣсто укрáинное, Акты. Україй, Україна, область съ краю государства или украиная. Латини външа укрáины нѣсколько исковскихъ сель, старинное. Даже до укрáины нашей страны молдавской, стар. На укрáинъ, на ступеномъ моръ, стар. Нынѣ Украинойзовутъ Малую-русь. Украекъ, ж. полоса по краю чего либо, кромка. Украиться исковское стать, поселиться съ краю; прийти къ концу, кончить что. Украивать, укроить что, урѣзать, уменьшить, убавить въ кройкѣ. Укроилъ ты рукива, обузилъ. Портной укроить, на пожницахъ унесеть, украдеть. -ся, стрд. Украиваніе, укроѣнье, укрой, укрбйка, дѣйствіе по значенію глагола. || Укрой м. укрбина ж. новгородское краюха, укрухъ, корка хлѣбная; ломоть, ломтица; укрбекъ, ломтикъ. || Укрой церковное обвязки, повязки, пелены. Обвязанъ руками и ногами укроемъ, Ioan. (кройть или крыть?)“.

Україна лишь другая форма слова окраина: подъ словомъ

2) Въ письмѣ своемъ я доказалъ, что въ 1187 и 1213 гг. лѣтопись примѣняетъ слово „україна“ не какъ имя. Гр. Тышкевичу слѣдовало либо опровергнуть меня (что въ данномъ случаѣ невозможно), либо отказаться пользоваться этимъ поддѣльнымъ документомъ. Вмѣсто того онъ, въ отвѣтъ на мое же письмо, приводить эти даты, правда очень осторожно, но все же такъ, что у читателя остается впечатлѣніе, будто въ XII и XIII в. южная Русь называлась Україной. Отъ комментарievъ воздерживаюсь.

3) „Україна — народное выражение“. Съ этой мыслью, — только договоренной до конца, — мы встрѣчались на страницахъ украинофильской пропаганды не разъ. Не имѣя возможности отрицать, что Киевская земля называлась Русью, украинцы ищутъ выхода изъ этого непріятнаго обстоятельства, утверждая, будто у до-монгольской Руси было еще другое, простонародное, бытовое наименование — „Україна“. Но гдѣ-же доказательства? Гдѣ текстъ? Въ былинахъ, въ литературныхъ памятникахъ его нѣтъ. Не сохранилось ли у гр. Тышкевила и К° любовное письмо временъ Олега, или счетъ изъ кіевской гостиницы XII вѣка?

Вѣдь это безчестно выдумать странѣ имя и пользуясь незнакомствомъ иностранцевъ съ русскимъ языкомъ,

Обкрѣивать находимъ: „Окраина, эс. конецъ, край, оконечность, рубежъ. *Окраина доски не равна, оттѣши по ниткѣ. Иг ходи по самой окраинѣ оврага, не равно осунешься.* Украина государства“.

дерзко обманывать ихъ и издѣваться надъ французскимъ, англійскимъ и итальянскимъ читателемъ. А честно ли обманывать простой народъ на родинѣ, объ этомъ распространяться не станемъ.

4) Утверждение, будто съверъ и югъ „всегда назывались различно“ (на томъ-де основаніи, что съверъ назывался *Moscovie*) непостижимо. Вѣдь гр. Тышкевичъ знаетъ, что *по русски слова Moscovie не существуетъ*. „*L'Ukraine et la Moscovie*“, напримѣръ, нельзя перевести иначе, какъ „Україна и Московская Русь“ (1). Непостижимо тоже выраженіе: „въ ту эпоху, когда Україну называли Россіей или Сарматіей“, ибо такой эпохи не было: это *две* эпохи, между которыми 7 вѣковъ промежутка!

Предоставляемъ читателю самому решить, по ошибкѣ или намѣренно гр. Тышкевичъ говорить такія невѣроятныя вещи и разберемся окончательно въ наименованіяхъ. *Что называютъ, кто называетъ и когда называютъ?*

Пространство нынѣшией Польши, Европейской и частью Азіатской Россіи древній міръ обозначалъ неопределеными названіями Скиоіи и Сарматіи. Ихъ сѣверная и восточная границы были неизвѣстны. По представленію Геродота (У в. до Р. Х.) Скиоія простидалась отъ Дуная и Карпатъ на востокъ до Дона и отъ Чернаго и Азовскаго моря на съверъ до централь-

(1) Переводъ „Московское государство“ былъ бы невполнѣ точенъ: въ XVI и XVII вв. это выраженіе означало собственно Москву съ ею уѣздомъ (Платоновъ, стр. 263).

ныхъ губерній Европейской Россіи. Но восточнѣе Дона лежала еще Скиоія азіатская; по итоломеевой географії (II в. по Р. Х.) она распространялась до Монголіи, Китая и Индіи. Скиоы не отдельный народъ; это имя было собирательнымъ для многихъ, едва вѣдомыхъ народовъ и относится оно къ довольно-таки старому времени. Впервые скиоы упомянуты въ VIII в. до Р. Х.; въ IІ они владѣли М. Азіей; со II-го в. до Р. Х. имя ихъ вытѣсняется названіемъ „сарматы“. Со II-го в. по Р. Х. исчезаетъ имя Европейской Скиоіи; Птоломей описываетъ ее подъ названіемъ Сарматіи. Сарматы тоже не отдельный народъ; уже для Страбона (I в. до и по Р. Х.) имя ихъ скорѣе сборный терминъ. Равобраться въ соотношениіи сарматовъ и скиоевъ невозможно: не то они родственные народы, не то сарматы часть скиоевъ. Въ IІІ в. по Р. Х. Сарматія входитъ въ составъ Готскаго государства и имя ея, какъ и имя сарматовъ, исчезаетъ. Готы, авары и гунны прошли по этимъ землямъ и очистили мѣсто славянамъ.

Очевидно, что имена Скиоіи и Сарматіи никакого отношения къ украинскому вопросу не имѣютъ, — приводить ихъ могутъ лишь тѣ, кто хочетъ затуманить вопросъ и поразить газетнаго читателя своей мнимой ученостью. „Les sarmates (ukrainiens)...“, значится на 1-ой страницѣ одной анонимной украинофильской брошюры; эти скобки, обнявшія всего 10 буквъ, включили въ себя ошибку не менѣе, какъ въ 10 вѣковъ.

То пространство, которое составляло въ XУІІ и XІІІ столѣтіи югъ Русской имперіи, обозначимъ словомъ „югъ“; то, гдѣ слагалось въ XIІІ в. Московское великое княжество и Новгородскую область — словомъ

„сѣверъ“. Тогда получимъ слѣдующую таблицу. Слѣшимъ подчеркнуть, что данная ея *приблизительныя*. Дабы составить ее съ научной точностью, требовалось-бы просмотрѣть груду литературныхъ памятниковъ, историческихъ документовъ, записокъ путешественниковъ. Но все на свѣтѣ относительно, и тѣ, кто съ легкимъ сердцемъ ошибаются на 7 и 10 вѣковъ, могутъ ознакомиться съ нашей таблицей не безъ пользы (См. стр. 180 и 181).

Какъ ни несовершена наша таблица, изъ нея можно сдѣлать слѣдующіе неоспоримые выводы: а) Само населеніе называетъ свою страну и на югѣ, и на сѣверѣ, главнымъ образомъ *Русь* и *Россія*. б) Утвержденіе, будто „двѣ страны“ назывались „всегда различно“ есть вымыселъ. в) Небольшую часть „юга“ (Киевщину, Полтавщину и Черниговщину) само населеніе, въ известный періодъ, называло *Украиной*. г) Галицію оно *Украиной* никогда не называло, а словъ *Moscovia* и *Ruthenia* вовсе не вѣдало. д) Совершенно невѣрно, будто название *Малая Россія* навязано было югу Москвою: оно родилось на югѣ не позднѣе XIII в., такъ какъ въ 1335 г. было уже офиціальнымъ названіемъ Галицко-волынскаго княжества (1).

При отсутствіи въ русскомъ языкѣ слова *Moscovia* постоянного различія въ названій юга и сѣвера не могло

(1) Грушевскій называетъ югъ Россіи былыѣ временѣ „Украина-Русь“; но это его добрая воля; въ документахъ такого названія не встрѣчается.

Вѣка	Название	Кто называетъ
X—XX	Русь (Русь) ¹	русские (*)
X ² —ХУ	<i>Росія</i>	византійцы
XUІІ—XX	Россія	русские
XIII ³ —XX	Russia	
XIU ⁴ —XUІІ	(Ruthenia) (**)	зап. европейцы
XIU ⁵	Minor Russia } Для Галиції и Волыні.	зап. европейцы
XIU ⁶	<i>Мікрѣ Росія</i> } Для Галиції и Волыні.	византійцы
XIU	Малая Русь } Для Галиції и Волыні.	русские
XUІІ—XX	М. Русь, Малороссія	русские
Не раньше XIU ¹¹ —XX	(Україна) } Для небольшой части „юга“.	русские
Не раньше XIU ¹¹ —XX	(Ukraine) } Для небольшой части „юга“.	зап. европейцы
XUІІІ—XX	Новороссія для наиболѣе южной полосы.	русские
Съ 1914	Україна } Для всего „юга“.	украинофильская пропаганда, а за нею
Съ 1917	Ucraina } „юга“.	зап. европейцы

(*) Подъ словомъ „русские“ мы всюду понимаемъ, конечно, населеніе, какъ юга, такъ и сѣвера.

(**) Выраженіе Rutenia примѣняется крайне рѣдко, въ особенности для сѣверо-востока, гдѣ князей сперва титулуютъ по удѣламъ (нацр., въ грамотѣ папы Инокентія IV князю Александру Невскому 1248 Nobili Viro Alexandre Duci Sudaliensi), потомъ князьями Russiae, а съ XIU вѣка преимущественно государями Moscoviae. Зато слово ruteni встречается часто. Оно примѣняется для Галиціи (съ XIII в., если не раньше), для Литвы (обычное титулование Гедимиша Rex Letwinorum et Ruthenorum multorum) и для Москвы (папа Юлій III титулуетъ Иоанна Грознаго въ 1550 г. universorum Ruthenorum Imperator). Въ виду наличія въ-

Вѣка	Название	Кто называетъ
X—XX	Русь (Русь) ¹	русские
X ³ —ХУ	<i>Rωσία</i>	византійцы
ХҮІ ⁴ —XX	Россія	русские
XIII ⁵ и ⁶ —XX	Russia	
? —ХҮII	(Ruthenia) (***)	зап. европейцы
ХҮI ⁹ —ХҮIII	Moscovia	

(1) Пишу „Русь“ и „(Русь)“, чтобы отличить болѣе древнее употребленіе этого имени, какъ главнаго наименованія, отъ позднѣйшаго, когда оно сохранилось, какъ название бытовое или поэтическое.

(2) Въ уставѣ имп. Льва Философа (886-911) „О чинѣ митрополичихъ церквей, подлежащихъ патріарху Константинопольскому“ въ сдѣлкѣ церквей находимъ церковь Русскую — *Rωσία*.

(3) Константінъ Багрянородный (901-959) называетъ Новгородъ и єѡ (внѣшняя) *Rωσία*.

(4) По документамъ времени Ивана Грознаго.

(5) Грамота папы Гонорія III 1227 г. universis Regibus Russiae; она относится также и къ сѣвернымъ княземъ, ибо говоритъ объ отношеніяхъ къ христіанамъ въ Ливоніи и Эстоніи.

(6) Грамота папы Григорія IX 1231 г. в. кн. Георгію Всев. Владимірскому (на Клязьмѣ) Regi Russiae (Hist. Russiae Mon., I, стр. IX и д. 30).

(7) Грамота Венгерскаго короля Людовика 20 мая 1344 Дмитрію Дядькѣ, правителю Галицкой Руси.

(8) Грамота Юрія II, послѣдняго князя всей Малой Руси, 20 октября 1335 г. магистру Нѣмецкаго ордена (***).

(9) См. вдѣсь стр. 22, прим. 2.

(10) Грамота короля Польскаго къ патріарху Филофею, не позднѣе 1370 г.

(11) Пишу „ХУ“ изъ осторожности. Быль бы призвателъ тому украинофилу, который приведетъ цитату ХУ-го или ХУ в. съ именемъ Украина или Ucraina.

роисповѣдного элемента въ значеніи термина *ruteni*, онъ встрѣчается чаще для западной Россіи (для Галиціи и Литвы), но примѣненіе его въ титулѣ Іоанна Грознаго показываетъ, что терминъ этотъ въ смыслѣ этнографическомъ означалъ всѣхъ русскихъ вообще, а не только малороссовъ и бѣлоруссовъ.

(***) Факсимилея приложено къ сборнику „Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси“, изданию Имп. Ак. Наукъ въ 1907 г. Кстати замѣтимъ, что въ этомъ сборнике по адресу г. Грушевскаго сдѣлано нѣсколько весьма вѣскихъ замѣчаній, свидѣтельствующихъ о недопустимой тенденциозности его выводовъ (см. особенно стр. 111 и 112).

существовать; мѣстныя названія, будь то „Україна“ или „Государство Новгородское“, покрывались общимъ именемъ „Русь“; рѣзкое различіе (*Ukraina* и *Moscovia*) существовало лишь въ устахъ иностранцевъ; оно свидѣтельствуетъ не объ этнографическомъ отличіи, а о различіи политическихъ судебъ „съвера“ и „юга“.

То, какъ звались страны и населеніе, опредѣляется не вожделѣніями современныхъ намъ политическихъ партій, а исключительно цитатами изъ документовъ соответствующихъ вѣковъ.

5) „*Nos deux pays...*“ Для гр. Тышкевича это *две* страны, но для меня *одна*. И останется одной, даже если европейскій ареопагъ, при содѣйствіи честолюбивыхъ авантюристовъ, соизволить рѣшить, что ихъ *двѣ*. Я знаю, что она *одна*; знаю и разумомъ, и чувствомъ. Гр. Тышкевичу это непонятно. И вполнѣ естественно: ополяченному литовцу, обѣ части Россіи чужды; для меня же всѣ члены моей страдающей родины равно дороги; не знаю только, не больше ли мнѣ говорить въ ея прошломъ время Св. Владимира и Мурдаго Ярослава, моихъ предковъ, чѣмъ грузное величье Москвы.

Приложение 2-ое.

Еще о единстве до-монгольской Руси.

Украинская пропаганда любить завърять иностранную публику, будто Киевское государство обнимало лишь югъ Россіи и что югъ („Україна“) несравненно древніє съвера („Россія“). Когда, — говорять украинофилы, — при Ярославѣ I-омъ Киевъ былъ уже столицей могущественного государства, Москва (упоминаемая впервые подъ 1147 г.) еще не существовала. Доводъ для незнающихъ исторіи, представляется убѣдительнымъ; на самомъ дѣлѣ это явная мистификація.

Городъ Москва дѣйствительно на полѣ-тысячелѣтія моложе Киева, но та территорія, где поздніе зародилось Московское государство, заселена была славянами въ до-рюриковы времена. Ростовъ былъ славянскимъ городомъ и тяготѣлъ къ Новгороду еще до призванія князей. Съ первыхъ же временъ кіевской государственности территорія эта входить въ составъ Русской земли: среди городовъ, которымъ по договору Олега 911 г. греки обязались платить укладъ, значится и Ростовъ; Владиміръ Св. княжитъ въ Кіевѣ, а сыновья сидятъ у него — одинъ въ Ростовѣ (къ съверу отъ будущей Москвы), другой въ Муромѣ (къ востоку отъ нея). Не забудемъ, что русская власть родилась на съверѣ; впервые новорожденную спеленали въ Новгородѣ, а потомъ уже перенесли на югъ, где въ Кіевѣ

оказалась удобная колыбель. Олегъ и Ольга пришли съ сѣвера. Олегъ пришелъ походомъ съ ратью сѣверныхъ племенъ. Владимиръ Св., строя на югѣ пограничные города-крепости, заселялъ ихъ переселенцами съ сѣвера. Ярославъ построилъ Ярославль на верхней Волгѣ.

Мы уже говорили о племенномъ, лингвистическомъ, вѣроисповѣдномъ и культурномъ единстве всѣхъ областей въ до-монгольскій періодъ. Доказывать общность жизни сѣвера и юга значило бы пересказывать русскую исторію за это время. Приведемъ только списокъ великихъ князей за періодъ до Андрея Боголюбскаго, т. е. до того времени, когда центральная власть не перешла изъ Киева во Владимиръ на Клязьмѣ, и отмѣтимъ, гдѣ каждый изъ нихъ княжилъ до того, что сталъ великимъ княземъ.

	Годы вел. княженія.	Гдѣ княжилъ раньше.
Владимиръ св.	972-1015	въ Новгородѣ.
Святополкъ I	1015-1016	Туровѣ.
Ярославъ I	1019-1054	Ростовъ и Новгородъ.
Изяславъ I Ярославичъ	1054-1078	Туровѣ и Новгородъ.
Всеволодъ Ярославичъ	1078-1093	Переяславль и Черниговѣ.
Святополкъ II Изяславичъ	1093-1113	Полоцкъ, Новгородъ и Туровѣ.
Владимиръ Всев. Мономахъ	1113-1125	Смоленскъ, Черниговѣ и Ростовъ.
Мстиславъ I Владимировичъ	1125-1132	Новгородъ и Бѣлгородѣ (на Днѣпрѣ).

	Годы вел. княжения.	Гдѣ княжилъ раньше.
Ярополкъ Владиміровичъ	1132-1139	Переяславлѣ.
Всеволодъ Ольговичъ	1139-1146	Черниговѣ.
Изяславъ II Мстиславичъ	1146-1154	Пинскѣ, Минскѣ, Ту- ровѣ, Владимірѣ- Волынскомъ и Пере- яславлѣ.
Изяславъ Давидовичъ	1154, 57-59, 61	Черниговѣ.
Юрій I Владиміровичъ	1149-51, 54-57	Ростовъ и Суздаль.
Ростиславъ Мстиславичъ	1159-1168	Смоленскѣ, а въ не- перывѣ великаго княжения — въ Но- вгородѣ.
Мстиславъ II Изяславичъ	1168-1169	Переяславлѣ, Влади- мірѣ — Волынскомъ и Бѣлгородѣ.

Изъ 15 поименованныхъ великихъ князей 9 побы-
вали сперва князьями въ далекихъ сѣверныхъ областяхъ.
Ярославъ I, олицетворяющій собою величіе Кіевской
Руси, прожилъ на сѣверѣ 28 лѣтъ.

Перечислимъ еще, гдѣ княжили сыновья или братья,
когда отецъ или старшій братъ сидѣлъ великимъ
княземъ въ Кіевѣ.

1) Святославъ Игоревичъ (964-972) предъ отъездомъ
въ Болгарію посадилъ сыновей своихъ:

Ярополка — въ Кіевѣ,
Олега — въ землѣ Древлянской,
Владиміра св. — въ Новгородѣ.

- 2) Владіміръ св. въ 988 г. разослалъ сыновей:
Вышеслава	— въ <i>Новгородъ</i> ,
Изяслава	— въ <i>Полоцкъ</i> ,
Святополка	— въ <i>Туровъ</i> ,
Ярослава	— въ <i>Ростовъ</i> , потомъ въ <i>Новгородъ</i> ,
Всеволода	— во Владіміръ-Волынскій,
Святослава	— въ землю Древлянскую,
Мстислава	— въ Тмуторакань,
Станислава	— въ <i>Смоленскъ</i> ,
Судислава	— во <i>Исковъ</i> ,
Бориса	— въ <i>Ростовъ</i> (<i>Муромъ</i>),
Глѣба	— въ <i>Муромъ</i> (<i>Сузdalъ</i>),
Позвида	— въ ?

- 3) Ярославъ I. По сго смерти сыновья его получили:
Изяславъ	— Туровъ, <i>Новгородъ</i> и <i>Кіевъ</i> ,
Святославъ	— Черниговъ,
Всеволодъ	— Переяславль (позднѣе Черниговъ и Кіевъ),
Вячеславъ	— <i>Смоленскъ</i> ,
Игорь	— Владіміръ - Волынскій (позднѣе <i>Смоленскъ</i>).

- 4) Изяславъ I. Это распределеніе волостей сохраняется и въ великокняженіе Изяслава, причемъ наблюдается зависимость Новгорода отъ Кіева, всего востока (отъ Мурома до Тмуторакани) отъ Чернигова, а Ростова, Суздаля, Бѣлгорода и верхняго Поволжья — отъ Переяславля.

5) Внуки Ярослава сидятъ : .

Святополкъ	— въ Киевѣ и Туровѣ,
Владиміръ Мономахъ	— въ Переяславль, Смоленскъ и Ростовъ (сыновья его Мстиславъ-въ Новгородъ),
	Юрій — въ Ростовъ,
Святославичи	— въ Черниговѣ; одинъ изъ нихъ въ Муромъ.

По мѣрѣ размноженія семьи Рюриковичей, число городовъ, гдѣ они княжать по всей Русской землѣ, постоянно увеличивается. Князья эти какъ-то мало связаны съ данной областью; образованіе мѣстныхъ линій явленіе позднее (1); на протяженіи двухъ вѣковъ всѣ князья чувствуютъ себя членами единаго кievскаго рода ; они постоянно передвигаются съ одного города въ другой; съ ними переходить и часть ихъ дружины; смерть одного изъ крупныхъ князей вызываетъ перетасовку цѣлаго ряда другихъ членовъ семьи. Города будущаго Московскаго великаго княжества входятъ при этомъ въ общиі распорядокъ.

Можно ли при наличіи этихъ фактovъ, оставаясь добросовѣстнымъ, увѣрять, что сѣверная Русь не составляла часть единой Руси кievскаго периода?

Послѣ монгольскаго нашествія разрывъ сѣвера и юга не былъ полнымъ. Первое время духовная связь не прекращалась,

(1) См. стр. 31, прим. 3-е.

— церковная жизнь была общей. Киевские митрополиты, переселившись (съ 1299 г.) на съверъ, титулюются одни митрополитами „всехъ Руси“, другіе „Кievскими и всехъ Руси“. Святой Петръ, митрополитъ всехъ Руси (1308-26), столько сдѣлавшій для духовнаго возвеличенія Москвы, былъ сыномъ волынского крестьянина, родился на Волыни и игуменствовалъ въ тамошнемъ монастырѣ. Можно ли провести точную грань между югомъ и съверомъ? Рѣки соединяли ихъ. Ока, тогда многоvodная, какъ бы нарочно создана для связи Черниговицыны съ Москвою. Черниговское княжество находило далѣко на съверъ; имѣемъ свѣдѣніе отъ 1174 г., что Лопасни (нынѣ станція Московско-Курской ж. д.) входила въ его предѣлы, а она отстоитъ отъ Москвы лишь на 70 верстъ. Напротивъ, Любечъ въ ХУ в. принадлежалъ Москвѣ; онъ лежитъ на Днѣпѣ выше Кіева всего на 130 верстъ. Въ 1500 г., князь Семенъ Стародубскій перешелъ къ Ioanni III-му съ Черниговомъ, Стародубомъ, Любечемъ и Гомелемъ, а Василій Шемяичъ съ Рыльскомъ и Новгородъ-Съверскимъ. Мысль о единству никогда не умирала; объ этомъ свидѣтельствуютъ и литература, и титулы князей. Такъ на югѣ лѣтописецъ называетъ Романа Галицко-Волынскаго († 1205) „самодержцемъ всей Русской земли“; на съверѣ — московские князья, начиная съ Ioanna Калиты (1328-41), вовутъ себя князьями „всехъ Руси“; съ Василіемъ Васильевичемъ Темнаго (1425-62) встрѣчаемъ титулъ „Великій князь Московскій и всехъ Руси“.

Разрывъ былъ слѣдствіемъ виныхъ причинъ; онъ утвердился въ силу запустѣнія юга. Съ исчезновеніемъ этихъ причинъ единство естественно восстановилось.

Приложение 3-е.

Справка о художникахъ-малороссахъ.

Нѣсколько данныхъ, чтобы подтвердить сказанное на стр. 109-ой о мнимомъ существованиі „украинской“ школы искусства въ Петербургѣ ХVIII в.

Вся русская школа живописи и скульптуры Екатерининского и Александровского времени отражала французское вліяніе. Происхожденіе художника изъ той или иной части Россіи не вносило никакого измѣненія въ то, какъ онъ перевоплощалъ дары французской культуры, и будь онъ родомъ изъ Архангельска или изъ Полтавы, его творчество одинаково надо сравнивать съ такими портретистами какъ Дюплесси, Рослинъ, Друэ или съ скульпторами вродѣ Бушардона и Нигаля. Среди крупныхъ дарованій, воспитавшихся въ Петербургской Академіи за ту эпоху, есть нѣсколько родомъ изъ Малороссіи. Историческій живописецъ Лосенко (1737-73) былъ принятъ въ придворный хоръ въ Петербургѣ 7-ми лѣтъ; отсюда онъ скоро отданъ былъ на обученіе къ живописцу Аргунову; 20-ти лѣтъ поступилъ въ Академію и всю жизнь провелъ на сѣверѣ или за границей. Великолѣпный портретистъ Левицкій (1735-1822) принадлежалъ къ южной семье, по чувствамъ вполнѣ обще-русской (1); пользовался уваженіемъ трехъ императо-

(1) Слышано отъ потомка его публициста М. К. Первухина.

ровъ и былъ своимъ человѣкомъ въ приближенной къ нимъ средѣ. Въ зрѣломъ возрастѣ прибыли въ столицу портретисты Боровиковскій (30-ти лѣтъ) и Венеціановъ (26 лѣтъ); послѣдній жилъ въ своемъ имѣніи Тверской губ., гдѣ основалъ школу живописи. Скульпторы Козловскій († 1802) и Мартосъ († 1835) съ дѣтскихъ лѣтъ (Мартосъ — съ 13-ти) воспитывались въ Академіи, затѣмъ были пенсионерами въ Парижѣ и Италии; подъ конецъ жизни долгіе годы были преподавателями въ Академіи; въ творчествѣ своемъ проявляли вліяніе иностраннныхъ учителей и духа времени; въ мраморѣ славили Екатерину, ея сподвижниковъ и дворъ, а также античныхъ боговъ и героевъ. Частныя письма писали на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ и только два-три письма Козловскаго сохранились на другомъ языке, но не на малороссійскомъ, а на французскомъ (изъ Парижа въ 1791 г.) (1).

(1) Сейчасъ узнаемъ изъ *Times'a*, что и въ музыке главенствуютъ на Руси украинцы. Былъ въ Лондонѣ банкетъ, устроенный „украинцами“: тамъ объявили, что Чайковскій украинецъ. Чайковскій родился на Уралѣ, учился въ Петербургѣ, жилъ и работалъ въ Москвѣ и въ своемъ Тверскомъ имѣніи. Я былъ знакомъ съ его братомъ-бiографомъ, но объ Украинѣ отъ него ничего не слыхалъ.

Къ характеристикѣ украинофильской пропаганды.

Въ настоящемъ приложении мы приводимъ нѣсколько, на удачу взятыхъ, примѣровъ того, къ какимъ прѣмамъ прибѣгаєтъ украинофильская пропаганда. Иностранный читатель увидить изъ нихъ, до какой степени тенденціозности доходитъ она въ своихъ утвержденіяхъ; русскій читатель найдетъ здѣсь материалъ для контрь-пропаганды.

Въ Бернѣ въ 1919 г. вышла брошюра *La guerre polono-ukrainienne en Galicie* д-ра Е. Левицкаго, „члена Украинскаго Совѣта“. Брошюра вполнѣ правильно считаетъ, что Галиція и Волынь не есть земля польскаго народа, но въ то же время авторъ желаетъ увѣрить, что это земли украинскія.

Къ брошюрѣ приложено воспроизведеніе карты XVII в. Особая замѣтка (стр. 74) объясняетъ, что карта эта составлена географомъ Левасеромъ-Бопланомъ, „который прекрасно зналъ эти страны, такъ какъ лично ихъ посѣтилъ“. Карта эта свидѣтельствуетъ, — такъ утверждаетъ г. Левицкій, — во 1) что Холмщина — земля украинская, во 2) что нынѣшняя восточная Галиція составляла тогда отдельное воеводство „*Voyvodie ruthénienne*“ съ украинскимъ населеніемъ (1).

(1) „*Cette carte a une certaine importance, car elle prouve que la soi-disante Galicie-orientale actuelle formait une pro-*

Открываемъ карту, ищемъ „украинскій“ Холмъ и „украинское воеводство“ (ибо, конечно, въ смыслѣ „украинское“ понимаетъ авторъ слово *ruthénienne*). И что же находимъ? По параллели Владимира-Волынска на протяженіи 700 верстъ написано большими буквами: *Russia rubra* (первое *R* на меридіанѣ Холма, послѣднее *A* на лѣвомъ берегу Сулы). Мало того, къ западу отъ Холма, въ пространствѣ между З. Бугомъ и Саномъ, съ сѣвера на югъ читается надпись: *Russia*. Для всякаго нормального человѣка эти надписи свидѣтельствуютъ, что Холмщина земля русская.

Далѣе, надписи *Voyvodie ruthenica* на картѣ вовсе не имѣется. Всюду надпись *Russia*: то *Bianea*, то *Rubra*, то *Nera*, то просто *Russia*. Имя Украины написано только разъ, тамъ, гдѣ ему и надлежить быть, а именно въ восточной части того обширнаго пространства, которое обозначено вышеупомянутой надписью *Russia rubra*; здѣсь, отъ средняго теченія Ю. Буга до Десны, написано *Ukrania* (первое *U* на правомъ бе-

vince particuli re („Voyvodie“) de laquelle relevait entr’autres pays („terra“) le pays de Cholm ukrainien (!). Cette carte montre en outre que la frontière occidentale de la „Voyvodie ruthénienno“ (здесь подстрочная выноска: *Russia Rubra*) ´tait alors reportée beaucoup plus à l’ouest, derrière le San, que ce n’est le cas aujourd’hui, une preuve nouvelle que la population ukrainienne (!), sur la terre de Galicie, ´tait autochtone dès l’origine et que ce n’est que successivement qu’elle fut refoulée du Wislok vers le San à l’est par les éléments polonais, comme nous l’avons déjà fait remarquer au cours de notre exposé“.

регу Ю. Буга, послѣднее *A* на правомъ берегу Десны близъ Чернигова, къ ю-в. отъ него (1).

Не предполагалъ ли д-ръ Левицкій, что его читателямъ будетъ недосугъ разбираться въ старииной плохо отпечатанной картѣ?

Если къ подобнымъ приемамъ полемики прибѣгаютъ украинофилы, подписавшие свои произведенія полнымъ именемъ, то что же ожидать отъ обильной анонимной украинофильской пропаганды?

Украинцы существовали при Геродотѣ. Владимиръ Святой былъ украинецъ и крестилъ украинцевъ. Украинцы славянскій народъ, но иного происхожденія, чѣмъ русскій. Украинскій языкъ (и при этомъ подразумѣвается малороссійскій) „совсѣмъ другой“, чѣмъ русскій (2). Украинцы вѣками страждуть подъ „русскимъ“ игомъ. Этотъ и подобный *вздоръ* преподносятъ иностранцамъ въ десяткахъ брошюръ и въ сотняхъ статей, а тѣ ловѣрчиво, его глотаютъ.

(1) Ошибку въ начертанії имени (*Ukrania*, вмѣсто *Ukraine*) можно принять, какъ указаніе, что оно примѣнялось мало: видимо люди обычно называли эти мѣста Россіей.

(2) Вирочемъ, послѣднее заявленіе не анонимное: это слова того же гр. Тышкевича въ газетномъ интервью. А вотъ малороссійская народная пѣсня, по руски и по малороссійски:

Вѣютъ вѣтри, вѣютъ буйны,	Виютъ вѣтри, виютъ буйни,
Ажъ деревья гнутся.	Ажъ дерева гнутся.
Ой какъ болитъ мое сердце,	Ой як болитъ мое серце,
Сами слёзы льются.	Сами словоы льются.

Это „совсѣмъ другой“ языкъ?

Сдѣлаемъ нѣсколько краткихъ замѣчаній въ отвѣтъ на излюбленныя утвержденія украинофильской пропаганды.

1) Существование украинского народа стараются доказать антропологическими измѣреніями. Приводятся таблицы размѣровъ череповъ „русскаго“, „украинца“ и поляка; выводъ — это народъ отдѣльный, отличный отъ русскаго и польскаго. Доказательство, расчитанное на наивнаго читателя: измѣренія бранденбуржца и баварца дали бы не менѣе различныя числа сантиметровъ, но это не значитъ, что баварецъ не нѣмецъ. То же самое для миланца и тосканца; то же — для пикардійца и провансальца.

2) Основное отличіе „украинцевъ“ отъ „русскихъ“ видать въ томъ, что въ Малороссіи большая часть крестьянъ собственники. Но это не есть особенность, какъ бы присущая племени: въ силу географического положенія, большей густоты населенія и по инымъ второстепеннымъ причинамъ неизбѣжная эволюція земельной собственности началась на югъ раньше, чѣмъ на сѣверѣ, — и только.

3) Ссылаются на выраженіе Петра Великаго: „Малороссы народъ умный“. Но вопросы этнографіи разрѣшаются наукой, а не фразой, скаванной монархомъ, хотя бы и великимъ Петромъ. Къ тому же русское слово „народъ“ можно примѣнить не только въ этнографическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ населенія опредѣленной мѣстности (напр.: рязанскій народъ отличается трудолюбиемъ).

4) Ссылаются еще на собственноручную инструкцію Екатерины Великой князю Вказемскому, въ которой она будто бы говоритъ о необходимости „обруить малороссовъ“; значитъ,

ваключающаиъ съ торжествомъ украинофилы, они не русскіе, коли ихъ надо обрушить. Но въ этой фразѣ императрица говоритъ не о наслоніи, а о „провинціяхъ“, и не только о Малороссіи, но и о Ливоніи, Финляндіи и Смоленскѣ. Обрушить жителей Смоленска вообще невозможно, а съ другой стороны, могла ли геніальная Екатерина замышлять обрушіе финляндцевъ, народа совер-шенно иного происхожденія, чѣмъ русскій, и среди котораго тогда жило едва ли болѣе пѣсколькихъ сотъ русскихъ? Она говорила не объ этнографическомъ, а о политическомъ обрушѣніи, — объ уничтоженіи мѣстныхъ особенностей и привилегій большою частью иноземнаго (польскаго) происхожденія и о вве-деніи въ этихъ провинціяхъ административнаго устройства общаго во всей Имперіи. Это свое намѣреніе по отношенію къ Малороссіи императрица и осуществила, при чемъ провела свои реформы вполнѣ безболѣзно. Ни малѣйшаго неудовольствія отмѣна гетманства въ народѣ не вызвала.

5) Когда надо привлечь симпатіи итальянской пу-блики, столь падкой до фразъ, то въ какомъ-нибудь интервью заявляютъ, что Мазепа „развернулъ знамя свободы“. Но Мазепа о свободѣ никогда и не помы-шиялъ, а знамя, которое онъ развернуль, было знамя самой низкой измѣны. Наканунѣ Полтавской битвы Петръ Великій былъ на краю гибели, и тутъ Мазепа измѣнилъ своему благодѣтелю, перейдя на сторону Карла XII. „Гетманъ Мазепа, какъ историческая личность, не былъ представителемъ никакой националь-ной идеи (1). Это былъ эгоистъ въ полномъ смыслѣ

(1) Съ Мазепой перешло на сторону Карла XII-го только 1.200 казаковъ.

этого слова. Полякъ по воспитанію и пріемамъ жизни, онъ перешелъ въ Малороссію и тамъ сдѣлалъ себѣ карьеру, поддѣлываясь, какъ мы видѣли, къ московскимъ властямъ и отнюдь не останавливаясь ни передъ какими безнравственными путями. Самое вѣрное опредѣленіе этой личности будетъ сказать, что это была воплощенная ложь[“]. Онъ измѣнилъ своей Украинѣ, польстившись на польскія приманки: ему уже былъ сочиненъ княжескій гербъ и онъ выговаривалъ себѣ владѣніе въ Бѣлоруссіи. Онъ замышлялъ и третью измѣну, Карлу XII-му, чтобы вернуть себѣ милость Петра, но не успѣлъ осуществить свой замыселъ.

Все это не мое сужденіе, а мнѣніе Костомарова (1). Костомаровъ не изъ перворазрядныхъ нашихъ историковъ, но мнѣніе его въ данномъ случаѣ особенно цѣнно. Сынъ малороссійской крестьянки, онъ нѣжно любилъ свою прекрасную родину, ея старину, народныя сказанья и пѣсни; къ тому же въ наукѣ былъ сторонникъ изученія мѣстныхъ особенностей, какъ слагаемыхъ общаго историческаго процесса, и спеціализировался на исторіи Малороссіи.

6) Правительство преслѣдовало, говорятъ украинофилы, украинское литературное движение прошлаго столѣтія. Это вѣрно. Но было ли это движение только литературнымъ? Въ основу программы тайного общества „Св. Кирилла и Меѳодія“ (1846) входила федерація

(1) „Мазепа и мазепинцы“, стр. 585. Курсивъ нашъ.

славянскихъ государствъ, т. е. расчлененіе Австріи. Императоръ Николай считалъ себя часовыムъ на стражѣ Священного Союза и всюду видѣлъ революцію. При такой точкѣ зрѣнія онъ естественно не могъ не преслѣдоватъ подобное общество, совершившо независимо отъ того, было ли оно малороссійскимъ или великорусскимъ. Были въ этомъ движениі также и соціалистической теченія и протестъ противъ существующаго строя. Вся поэзія Шевченко проникнута ненавистью къ крѣпостному праву; по тому времени это значило быть „революционеромъ“, и если Шевченко былъ (въ 1847 г.) сосланъ въ Оренбургъ, то за вступленіе въ тайное общество и за революціонное направление его поэзіи, а вовсе не за то, что онъ писалъ по малороссійски. Преслѣдовалась оппозиція, а малороссъ терпѣльничуть не болѣе великого россиянина.

Даже въ либеральное царствование императора Александра II въ 1878 г. была ограничена свобода изданія книгъ по малороссійски. Стыдно признать это. Но и тутъ есть смягчающее вину обстоятельство: за украинскимъ литературнымъ движениемъ уже чувствовалась направляющая рука австрійского правительства. Это была мѣра государственной обороны, но неудачная.

7) Всѣ утвержденія украинской партіи, будто въ Петербургѣ было „русское“ правительство (въ смыслѣ чего-то чуждаго украинскому населенію) ни на чёмъ не основаны. Петербургское правительство было русскимъ, но въ иномъ смыслѣ: оно было обще-российскимъ, включало въ себя людей изъ всѣхъ частей Россіи,

самыхъ различныхъ національностей (1) и классовъ населенія (2). Что же касается представителей трехъ вѣтвей русского народа, то не было такого времени, когда среди министровъ нельзя было бы назвать нѣсколькихъ малорусского происхожденія. Разумовскій и Безбородко во второй половинѣ XУІІІ вѣка, Кочубей въ первой половинѣ XІХ-го были въ Петербургѣ на первыхъ роляхъ. Во всѣмъ, что дѣлало старое правительство, и въ плохомъ, и въ хорошемъ, участвовали уроженцы и Украины, и за все несутъ отвѣтъ совмѣстно со всѣмъ правительствомъ.

8) Украинская пропаганда дышитъ злобой къ „русскимъ“. Но въ дѣйствительности въ населеніи никакой злобы нѣть. Между тремя вѣтвями единаго народа никогда распри, борьбы и какого-либо вооруженного

(1) Всѣ знаютъ о большомъ процентѣ оставьскихъ нѣмцевъ въ правительственной средѣ старого режима. Армянинъ гр. Деляновъ былъ при императорѣ Александрѣ III министромъ Народнаго Просвѣщенія 15 лѣтъ; армянинъ гр. Лорисъ-Меликовъ при Александрѣ II былъ какъ бы диктаторомъ Россіи; румынъ Кассо былъ министръ народнаго просвѣщенія при Императорѣ Николаѣ II; кн. Чингисъ-Ханъ, мусульманинъ, былъ генераль-адъютантомъ при томъ же государѣ, а доблестно израненный въ бояхъ текинецъ, русскій генералъ Алихановъ, имѣлъ крупную административную должность въ Средней Азіи.

(2) Бывшій посолъ въ Константинополь Зиновьевъ сынъ крѣпостного; гр. Витте обратилъ на себя вниманіе будучи начальникомъ мелкой желѣзнодорожной станціи; министръ Народнаго Просвѣщенія Боголѣбовъ сынъ мелкаго полицейскаго чиновника и т. д.

столкновенія не бывало. За 260 лѣтъ совмѣстной го-
сударственной, общественной, церковной и экономи-
ческой жизни достигнуто полное сближеніе: сблизили
40 лѣтъ обязательной воинской повинности, сблизила
фабрика и полевыя работы. (Ежегодно сотни тысячъ
рабочихъ изъ густо населенныхъ малороссійскихъ гу-
берній приходятъ на уборку обширныхъ посѣвовъ
Приволжья). Сліяніе таково, что вы услышите велико-
русскую пѣсню на Украинѣ и обратно. Еще тѣснѣе
слился классъ интеллигентіи: тождество ея по всей
Россіи, и на сѣверѣ, и на югѣ, въ XIX вѣкѣ установи-
лось полное; тѣ же въ ней качества, тѣ же недостатки,
то же міровоззрѣніе. Культура общая. Малороссы этого
класса даже въ семье говорятъ не иначе какъ по
русски. Чиновники, офицеры, люди вольныхъ профессій,
кочуя по всей Россіи, совершенно потеряли какой-либо
местный отпечатокъ. „Кто это?“, спросите вы, сидя
въ ресторанѣ напр. въ Туринѣ или Руанѣ. — „Не
знаю... кажется южанинъ“, — отвѣтятъ вамъ, и рѣдко
ошибутся. Въ Россіи же въ подобной средѣ вы и не
отличите по виду, кто предъ вами — великороцесь или
малороссъ. Мало того, никто этимъ до революціи и не
интересовался: шель ли вопросъ о производствѣ въ
унтеръ-офицеры, о выборѣ директора банка, о назначе-
ніи министромъ, — никому и въ голову не приходило
задумываться, малороссъ или великороцесь кандидатъ;
это было также безразлично, какъ то, блокурый или
черноволосый былъ будущій министръ.

9) Пропаганда утверждаетъ, будто въ Государст-
венной Думѣ было 74 представителя „украинского“

народа", которые доблестно отстаивали его права. Это карикатурное утверждение чистейший вымысел. При выборах въ Государственную Думу существовали куріи польская и еврейская, но украинской не было и учреждение ея никогда не предполагалось; украинского вопроса въ Думѣ никто никогда не поднималъ, а послѣднимъ предсѣдателемъ Думы былъ малороссъ Родзянко.

10) Сообщая о предстоящемъ прибытии въ Римъ украинского хора, одна римская газета заявила, что итальянская публика впервые будетъ имѣть возможность услышать пѣсни этого народа, который подъ гнетомъ русскихъ царей не могъ пѣсть своихъ пѣсень. Не было полкового хора пѣсенниковъ въ русской арміи, который не пѣлъ бы нѣсколькихъ малороссийскихъ пѣсень. Во многихъ театрахъ, между прочимъ въ императорскихъ, давались малороссийскими труппами бытовыя комедіи; они обыкновенно кончаются хорами и пляской. Отдельной малороссийской музыки не существуетъ, ни симфонической, ни камерной, но прекрасныя малороссийскія народныя пѣсни давали пищу общерусскимъ композиторамъ, а сюжеты малороссийского народнаго быта послужили темой для нѣсколькихъ оперъ Римского-Корсакова, Чайковскаго, Мусоргскаго и Кочетова.

Интересно отмѣтить, что когда небезъизвѣстный въ Италии русскій симфоническій дирижеръ г. Померанцевъ написалъ за своею подписью краткую, но полную именъ и иныхъ точныхъ данныхъ замѣтку, восстанавливающую правду, помѣстить ее въ газетахъ не удалось. Зато та же газета не преминула вторично напечатать, что украинскій народъ только шилъ смогъ свободно запѣть.

11) Въ одномъ украинскомъ листкѣ приводились въ переводѣ стихи Пушкина объ украинской ночи; каждый русскій виасти эти великолѣпныя строки, отъ красоты которыхъ духъ захватываетъ. Листокъ вводилъ ихъ въ текстъ такъ, что иностранный читатель оставался подъ впечатлѣніемъ, что они образецъ украинской литературы.

Одна австрійская газета сообщила, что русское правительство воспрещало печатаніе новѣти „Тарасъ Бульба“ на томъ языке, на которомъ ее написалъ... Шевченко.

Въ 1919 г. генералъ Деникинъ, говорить украинофилы, въ своей машинѣ все russифицировать, дерзнулъ назвать Кіевъ „матерью городовъ русскихъ“. Честорѣ предусмотрительно отиѣтиль имъ: „сѣде Олегъ (въ 882 г.) княжа пъ Кіевъ и рѣче Олегъ: „се буди мати градомъ Русьскимъ“.

12) Разсказываютъ о положеніи школьнаго дѣла въ Малороссіи (которое организовано Петербургскимъ Мин. Нар. Проств. и мѣстными земствами точь въ точь, какъ по всей Россіи) и свѣдѣнія эти преподносятся, какъ проявленіе какой-то особой „нашѣй“ культуры. Статистика той части имперской желѣзно-дорожной сѣти, которая проходитъ по южнымъ губерніямъ, должна свидѣтельствовать о высоко-культурномъ уровнѣ путей сообщенія на Украинѣ, а статистика всероссійскаго порта Одессы — о могуществѣ украинской вывозной торговли. Все это для человѣка, знакомаго съ азбукой русской жизни, шито бѣлыми нитками, но брошюры (иной разъ въ прелестныхъ обложкахъ) разсылаются членамъ всѣхъ парламентовъ на соотвѣтствующихъ языкахъ... и производятъ впечатлѣніе.

13) Українскія бюро съ 1915 г. стали издаватъ карты, на которыхъ имя „Україна“ тянется изъ средней Галиціи въ Кубань, т. е. занимаетъ ровно въ 4 раза болѣе мѣста, чѣмъ надлежить (см. стр. 93, примѣчаніе). Если вы удлините на картѣ слово „Италія“ въ 4 раза, то оно обниметъ Францію, Англію, а начальное *I* окажется въ Исландіи. Не менѣе фантастичны и эти карты, но подъ вліяніемъ украинской пропаганды, слова „Україна“ и „украинцы“ печатаются не только на схемахъ иностранныхъ газетъ, но и на схемахъ иностранныхъ штабовъ, во всю длину южной Россіи — на перекоръ географіи, исторіи и здравому смыслу. Публицисты, дипломаты, военные министры Союзниковъ, сами того не зная, работаютъ надъ картами, фальсифицированными по предначертаніямъ, германо-австрійского генерального штаба.

Не въ странное ли время мы живемъ?

Достаточно этихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, что будутъ ли то цитаты, ссылки на документы, на факты прошедшихъ временъ или на событія нашихъ дней, будетъ ли то переводъ съ русскаго языка или филологическое толкованіе русскихъ имёнъ, — всюду въ словахъ украинофиловъ либо тенденція, либо явный обманъ. Да иначе и быть не можетъ: кривды прямымъ путемъ не защитишь.

Дѣйствительные размѣры territoriи,

называвшейся въ ХУІІ вѣкѣ Украиной,

въ сравненіи съ площадью современной „Германской Украины“.

О дѣйствительныхъ размѣрахъ Украины см. примѣчаніе на стр. 93-94; добавочная площадь, показанная здѣсь пунктиромъ, соотвѣтствуетъ картѣ 1650 года. Границы „Германской Украины“ обозначены согласно картѣ, изданной Ловянскимъ „Украинскимъ бюро“; площадь послѣдней въ 4 раза больше дѣйствительной Украины. Существуютъ украинофильскія карты, гдѣ восточная граница „государства“ отнесена еще болѣе на востокъ — до берега Каспійского моря, а южная включаетъ весь Крымъ со всероссійскимъ Севастополемъ и татарской Алуштой.

ВАЖНЕЙШІЯ ОПЕЧАТКИ

1

<i>Стр.</i>	<i>Строки</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Надо читать</i>
3	8 св.	принципа	принципа
"	9 св.	составныхъ	составныхъ
4	13 св.	Первый очеркъ	Очеркъ первого периода
6	8 св.	украйныхъ	украинныхъ
10	8 св.	словъ, и — словъ	именъ, и -- именъ
12	5 св.	большевицкой	остальной
17	6 сн. (прим.)	языка "	языка "
"	5 сн. (прим.)	—	выпустить всю строку
18	5 сн. (прим.)	не можетъ	, не можетъ
21	4 св.	распространяться	распространяться
"	4 св. (прим.)	Великое	Великое
22	2 сн. (прим.)	1340	1335
"	1 сн.	dux minoris Russiae	dux totius Russiae Minoris
26	4 св. (прим.)	интересной	интересной
29	6 св.	московского	Московского
30	7 св.	переходитъ	проходитъ
36	5 св.	XIII вѣкѣ (1).	XIII вѣкѣ
"	8 св.	половцевъ	половцевъ (1).
42	заглавіе	<i>Образованіе великорусской артиллерии.</i>	<i>Великоруссы.</i>
48	8 сн.	указанныхъ	указанныхъ
55	11 св.	порабощенія	полного порабощенія
61	9 св.	до XVII вѣка	до $\frac{1}{2}$ XVII вѣка
62	6 и 7 сн.	имя исчезло	имена исчезли
64	2 св.	Нѣмецкимъ орденомъ	Нѣмецкимъ орденомъ
65	8 св.	меченосцевъ	Меченосцевъ
"	6 сн.	поглащаются	поглощается
68	7 сн.	схемѣ	схемѣ № 2
69	6 св.	тевтонскій орденъ	Тевтонскій орденъ
75	7 св.	подъяремной	подъяремной
77	4 сн.	ruteni	rutenus
79	6 св.	козары	хозары
104	10 св.	независимой	незаселенной
110	10 св.	карикатурины	карикатурины

ОГЛАВЛЕНИЕ

Къ читателю	<i>Стр.</i>	III
Предисловіе ко французскому изданию	"	IV
Введение	"	1
Терминология	"	5
Слово „україна“	"	5
Русскія княжества, а не Україна	"	7
Слово „Rutenia“	"	13
Слово „Россія“	"	19
Выводы	"	25
Единство до татарской Руси и разореніе Киева князем Суздальскимъ въ 1169 г.	"	27
Три вѣтви русского народа	"	38
Запустѣніе Киевской Руси	"	38
Великороссы	"	42
Этнографія (42); природа (47); политическая усло- вія (47).		
Малороссы	"	53
Этнографія (53); природа (58); политическая усло- вія (60).		
Бѣлоруссы	"	62
Этнографія (62); политическая судьба (63); польскій имперіализмъ (75).		
Выводъ	"	79
Кому принадлежатъ Черноморскія степи ?	"	81
Россія и Азія	"	81

Завоеваніе степи	<i>Стр.</i>	86
Роль Москвы	"	86
Роль лѣвобережной Украины	"	92
Роль правобережной Украины	"	98
Запорожцы	"	100
Была ли когда Украина независимой?	"	106
Культура общерусская, а не украинская	"	109
Утвержденія украинской партії	"	109
Архитектура	"	113
Живопись	"	116
Искусство въ польскій періодъ	"	119
Выводъ	"	121
Литература	"	122
Современное положеніе вопроса	"	126
Внѣшніе факторы сепаратизма: Австрія (127); Германия (129); Франція (131); Польша (133); большевизъ (134).		
Внутренніе факторы. Самозванное представительство (135); петлюровское правительство (137); преслѣдованіе русского и малороссійского языка (138); виѣшняя политика (143); отношеніе крестьянства (143). Выводъ (146).		
Заключеніе	"	149
Опасеніе за будущее (149).		
Федеративная Россія (151).		
Вопросъ о государственномъ языке (152).		
Сепаратизмъ и католичество (154).		
Нѣсколько словъ Союзникамъ	"	157
Приложения:		
1-ое. Дополнительные данные по терминологии	"	163
Слово „Русь“ въ лѣтописи (163). Недобросовѣтные цитаты (167), переводъ (174) и толкованіе (176) слова „украина“. Таблица наименованій сѣверной и южной Россіи (180).		

2-ое. Еще о единстве до-монгольской Руси Стр.	183
3-ое. Справка о художникахъ-малороссахъ. „	189
4-ое. Къ характеристикѣ украинофильской пропаганды	191
Странная ссылка на старинную карту (191); минимыя доказательства существованія украинскаго народа (193); примѣры карика- турныхъ утверждепій украинофильской пар- тіи (195).	
5-ое. Дѣйствительные размѣры Украины (схема)	203
Важнѣйшія опечатки	204

